

84(3)
В38

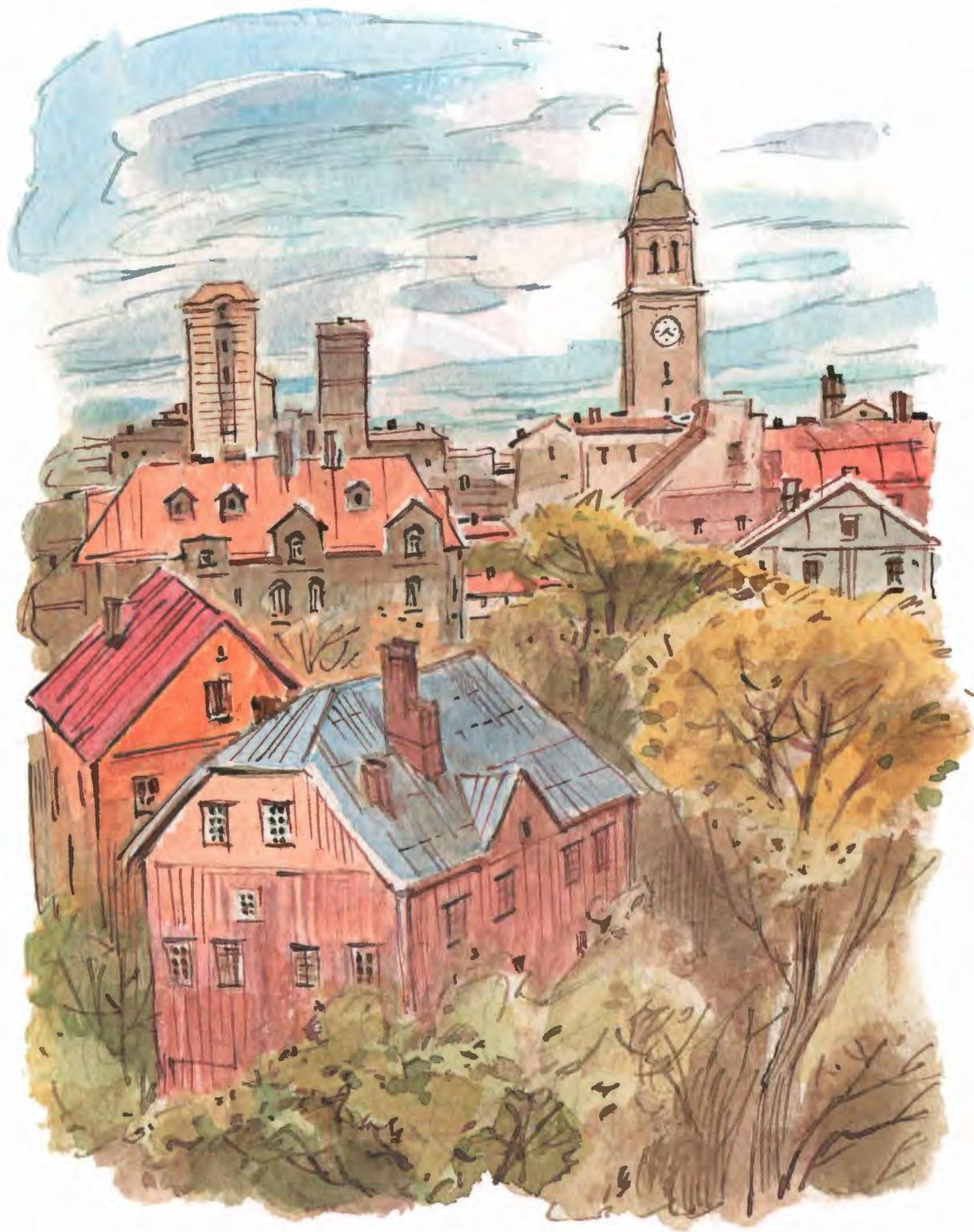
Анне-Кам.
Вестли

**УЛЕ-АЛЕКСАНДР
ИДЁТ В ШКОЛУ**

ГЕРОИ
БЕСЁЛЫХ ИСТОРИЙ
ПРО ПАПУ, МАМУ,
БАБУШКУ, ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ
И ГРУЗОВИК
СНОВА С НАМИ!

Анне-Кат.
Вестли

**УЛЕ-АЛЕКСАНДР
ИДЁТ В ШКОЛУ**

Повести

Перевод с норвежского *Ольги Дробот*
Стихи в переводе *Марины Бородицкой*

Художник *Вадим Челак*

Москва
«Махаон»

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)
В38

Anne-Cath. Vestly

OLE ALEKSANDER FÅR SKJORTE
1955

OLE ALEKSANDER OG BESTEMOR TIL VÆRS
1956

Вестли А.-К.

В38 Уле-Александр идёт в школу : повести / Анне-Кат. Вестли ; пер. с норв. О. Дробот ; стихи в пер. М. Бородицкой ; ил. В. Челака. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2021. – 176 с. : ил.

ISBN 978-5-389-18213-4

Вы уже знакомы с Уле-Александром. В этой книге вы прочитаете о его новых приключениях и узнаете, почему он попал в больницу, как был полицейским, что такое «летняя стрижка», какой сюрприз приготовил папа для Уле-Александра, как у него появился новый друг, с какими неприятностями ему пришлось столкнуться в школе, а самое главное, вы сможете отправиться вместе с ним в полёт!

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

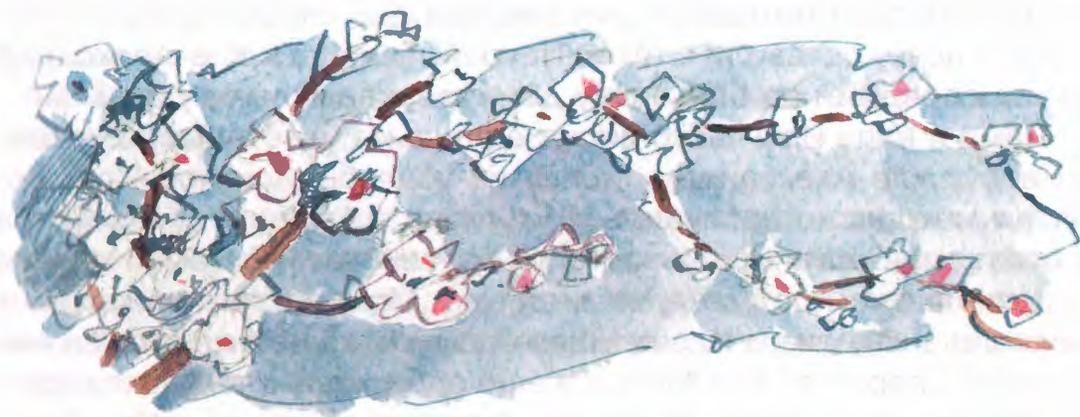
Ole Aleksander får skjorte and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1955 [All rights reserved.]
Ole Aleksander og bestemor til værs and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1956 [All rights reserved.]
© Дробот О. Д., перевод на русский язык, 2021
© Бородицкая М. Я., перевод стихов на русский язык, 2021
© Челак В. Г., иллюстрации, 2021
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
Machaon®

ISBN 978-5-389-18213-4

РУБАШКА
УЛЕ-АЛЕКСАНДРА

РУБАШКА

Было раннее воскресное утро. Половина восьмого, не больше. Папа с мамой ещё и не думали вставать. Уле-Александр забрался к ним и сидел на стыке кроватей, опершись спиной о подушку, он рисовал машину. Кроха ползала по одеялу, а папа сгибал колени, и у неё на пути вставала гора. Кроха пыхла, сопела и карабкалась наверх, но папе всё равно приходилось немножко подпихивать её. Наконец Крохе удавалось взгромоздиться наверх, она радостно качалась на вершине одеяловой горы, но тут папа говорил «бух!» и резко вытягивал ноги. Гора осыпалась, Кроха летела вниз и хохотала до икоты. Она обожала эту игру и требовала ещё и ещё. Хоть она не говорила пока словами, но все отлично понимали, чего ей хочется. Вдруг в дверь позвонили. Папа взглянул на маму, мама на папу – кто это пришёл в такую рань в воскресенье?

– Хотите, я открою? – предложил Уле-Александр.

– Нет уж, лучше я сам, – ответил папа и как был, в пижаме, устремился в коридор. Откашлялся громко как слон, открыл дверь и выглянул на площадку. Там стояла Ида.

Ты ведь её помнишь? Родители Иды улетели работать в Америку, а дочку оставили с тётёй Петрой. Так Ида и Уле-Александр стали соседями по большому дому и закадычными друзьями.

Мама и папа Иды часто пишут ей письма, а тётя Петра читает их вслух Уле-Александру, Монсу-из-усадыбы и самой Иде. Ребятам интересно послушать про жизнь в Америке. Тётя Петра в ответ описывает проделки троих друзей, так что мама Иды уже отлично знакома с Уле-Александром и Монсом, хотя никогда их не видела. Однажды Иде пришла посылка, в неё был вложен маленький свёрточек для Монса и ещё один – для Уле-Александра. Монсу подарили красный красивый платок с конями, а Уле-Александру рубашку. Не такую обычную, как он всегда носит, а взрослую, с планкой и скруглённую снизу, точь-в-точь как у папы, только размером поменьше, потому что Уле-Александр и сам поменьше.

– Она слишком красивая, – сказал Уле-Александр, – её носить страшно. Пусть висит в шкафу. Вот придут гости, мы её достанем и покажем им.

– Не выдумывай, – ответила мама, – это будет твоя праздничная рубашка. Только к ней ещё галстук нужен.

Она достала старый папин галстук, взяла ножницы и обрезала его, а то не порядок, когда галстук человеку до колен. Потом рубашку отправили в шкаф, и вот уже много недель она там висит. Уле-Александр иногда открывает дверцу и рассматривает свою праздничную рубашку, но надеть её повода всё ещё не было. А вдруг Ида спозаранку пришла спросить, не хочет ли Уле-Александр щегольнуть по случаю воскресенья?

– Однако ранняя птичка твоя Ида, – сказала мама из кровати. Тут как раз Ида вбежала в спальню.

– Я знаю, что вы ещё не встали, – затараторила она с порога, – но я давным-давно проснулась и не могу больше ждать.

Она вытянула руку с какой-то бумажкой.

– Знаете, что это такое? Не знаете? Телеграмма!

– Тебе прислали телеграмму? – изумился Уле-Александр. – Я думал, их только взрослые получают?!

– Обычно да, но мне прислали, – сказала Ида. – И знаешь, что в ней написано?!

– Нет, не знаю.

– Мама с папой едут домой! Они вернутся со следующим кораблём из Америки, через две недели, сказала тётя Петра. И ещё сказала, что вы с Монсом тоже поедете в порт встречать корабль, потому что это незабываемое впечатление, только чур не спрашивай меня, что это значит.

– Я пойду их встречать в красивой рубашке.

– Думаешь, я уеду отсюда, когда родители вернутся? – спросила Ида.

– Наверняка, – сразу огорчился Уле-Александр. – Пусть они тогда лучше опоздают на пароход.

– А вот и не перееду! – торжествующе сказала Ида. – У папы с мамой жилья в городе нет, и они тоже поселятся у тётя Петры! Она говорит, так только проще, а то они оба всё время работают и оставляют меня на тётю, ей удобнее, когда мы все живём у неё.

– Здорово! – сказал Уле-Александр. – Тогда ладно, пусть не опаздывают на пароход.

Оставшиеся две недели тётя Петра хлопотала не покладая рук, ей хотелось навести чистоту и порядок в доме. Уле-Александр, Ида и Монс тоже старались помочь. Несколько раз в день они таскали на помойку картонные коробки с пакетами и прочим хламом, накопившимся у тётя Петры. Теперь надо было освободить побольше места, и всё ненужное пошло на выброс. Когда они повыкидывали всё лишнее, тётя Петра хорошенько оттерла, отскребла и отмыла весь дом, а потом нарисовала красивый плакат «Добро пожаловать домой в Норвегию!» – его они повесят на двери в день приезда. Ещё она всё время пекла впрок сладкое.

Ребятам разрешалось взбивать белки, а когда пирог отправлялся в духовку, они усаживались рядом и следили по часам, чтобы он не сгорел и не пересох.

Накануне приезда тётя Петра сказала:

– Сегодня ляжем пораньше. Завтра мы должны быть свежие и бодрые. А из порта добро пожаловать к нам на приветственный завтрак!

На другое утро Уле-Александр встал очень рано, чтобы не опоздать – корабль прибывал в девять утра. Уле-Александр надел праздничную рубашку, приосанился и стал горделиво расхаживать по комнате.

– Иди-ка надень брюки, – вмешалась мама.

– Сейчас, только посмотрюсь на рубашку, – ответил Уле-Александр, вертясь перед зеркалом. – Папа, взгляни на меня!

– Я сплю, – пробубнил папа.

– Вижу, – сказал Уле-Александр. – Но ты можешь посмотреть минуточку? Смотри, у моей рубашки длинные хвосты спереди, точно как у твоей!

– Угу, – промямлил папа.

– Надевай брюки, а потом я тебе галстук завяжу, – сказала мама.

– Лучше я, – вдруг проснулся папа. – Мы, мужчины, лучше с этим справляемся.

Наконец Уле-Александр, при полном параде, собрался уходить, но тут мама сказала:

– Ты едешь в порт, там холодно. Надень-ка шерстяную кофту и ветровку, тогда точно не замёрзнешь.

– Нет, так рубашку будет не видно, – заартачился Уле-Александр.

– Целиком – нет, но воротник виднеется. А одеться надо, иначе ты замёрзнешь.

Уле-Александр нехотя надел кофту и куртку и мрачный и сердитый спустился к тётя Петре и Иде. На площадке у дверей уже ждал Монс, у него на шее было красиво повязан подаренный ему платок.

– Пора идти, – сказала тётя Петра. Ида была сама не своя – бледная и какая-то странная, она крепко держала тётю Петру за руку.

– Ты чего боишься? – спросил Уле-Александр.

– Вдруг я их не узнаю? – тихо ответила Ида.

– Конечно, узнаешь, – сказала тётя Петра. – Ты как их увидишь, вообще забудешь, что они уезжали.

Попасть в порт можно было только через проходную, и тёте Петре пришлось показать документы, чтобы их пустили.

– Вижу причал! – закричал Уле-Александр и уже собрался побежать туда, но тётя Петра поймала его за руку.

– Нам вон туда, наверх, – сказала она и показала на довольно высокий домик. Они поднялись по лестнице, вошли в большой зал ожидания и через него вышли на длинную-длинную террасу. Все встречающие стояли здесь.

– Они сойдут на берег там, внизу, и вообще нас не увидят, – волновалась Ида.

– Это очень высокий корабль, – объяснила тётя Петра. – Поэтому они сойдут на берег прямо здесь, на втором этаже, где мы с вами стоим.

– Он такой огромный, этот корабль? – спросила Ида.

– Конечно, он же океан переплывает.

– Вон он! – объявил Уле-Александр, но это оказалась обычная моторка из тех, что ходят по фьорду.

– Мне кажется, я его вижу, – наконец сказала тётя Петра. – Вон там далеко, на горизонте, разве не большой корабль?

– Они наверняка тоже стоят на палубе и высматривают нас, – ответила Ида.

Уле-Александр взглянул на Монса. Красивый американский платок ярко краснел у него на шее поверх ветровки. Мама и папа Иды наверняка издали заметят его и сразу поймут, что Монсу подарок очень понравился. А праздничную рубашку никто под курткой не увидит. И все могут подумать, что Уле-Александр вообще

не захотел её надевать. Он стал незаметно расстёгивать ветровку. Тётя Петра смотрела только на корабль, и Монс с Идой тоже. Уле-Александр справился с последней пуговицей и стянул с себя ветровку. Осталась кофта, но у неё были такие простые пуговицы, что дело сладилось в две минуты. Уле-Александр зажал под мышкой ветровку и кофту и поднял глаза, теперь он тоже смог посмотреть на корабль. Ой! Уле-Александр даже испугался, он не думал, что корабль будет такой огромный. Да он высотой с дом! И приближается очень медленно. Ещё бы – нелегко пришвартовать такую громадину. Уле-Александр мёрз, ветер продувал его насквозь, но ждать оставалось недолго. Сейчас он поздоровается с мамой и папой Иды, они увидят его рубашку, и можно будет снова утепляться.

Корабль причалил, и в ту же секунду громко заиграла музыка – исполняли гимн Норвегии, и все на судне и на причале замерли и молча слушали. От торжественности момента Уле-Александр задрожал сильнее, а тётя Петра заплакала.

– Ты так огорчаешься, что приехали родители Иды? – тихо спросил её Уле-Александр.

– Нет, – покачала головой тётя Петра. – Но я чувствую, будто это я возвращаюсь в родную Норвегию из далёких странствий. На корабле наверняка много людей, которые не были дома много-много лет, и родина их встречает. Представляешь, что значит для них этот момент?!

Музыка заиграла снова, теперь американский гимн, и все стояли и внимательно слушали.

Едва музыка смолкла, в тишине кто-то крикнул:

– Ида, доченька!

Уле-Александр посмотрел вверх. Мужчина и женщина махали им изо всех сил, женщина смеялась и плакала одновременно.

– Мама! – закричала Ида. – Папа!

Она стала махать им руками, и Уле-Александр с Монсом тоже замахали.

– Я их узнала! – выдохнула Ида. – Я их сразу узнала!

– Как вы?! – крикнула мама Иды.

– Отлично! – ответила тётя Петра. – Спускайтесь поскорее, а то Ида сейчас от восторга в воду сиганёт!

У этого корабля и трап был не такой обычный, который матросы могут поднять и поставить. Нет, здешний был похож на маленький мост, и его ставил на место подъёмный кран!

– Ещё несколько минут, – сказал папа Иды.

– Мы ждём тут, – кивнула тётя Петра.

Поскорее бы они уже пришли, думал Уле-Александр. От холода у него стучали зубы, но он всё равно хотел встретить родителей Иды так, чтобы рубашку было хорошо видно. Снова заиграла музыка, на этот раз марш, и все стали пританцовывать на месте.

Прошло ещё немало времени, но вдруг Ида закричала:

– Вот они!

Она сорвалась с места и кинулась на шею маме, потом папе, потом снова маме, и родители выпустили из рук чемоданы и подняли её высоко над толпой.

– Как же ты выросла! – говорили мама и папа. – Ничего себе! Дай поздороваемся со всеми. Здравствуй, здравствуй, тётя Петра! А это друзья Иды, да?

– Монс, – сказал Монс и протянул руку.

– А ты Уле-Александр, наверно, – сказала мама Иды.

– Угу, – просипел Уле-Александр.

– Да у тебя руки ледяные, ты замёрз, похоже.

– Угу, но теперь я могу одеться.

Потом они все вместе поехали к тётю Петре. Их ждал накрытый стол и встречал приветственный плакат на двери.

Ида сидела между мамой и папой, но то и дело вскакивала и бежала поцеловать тётю Петру. Ещё не хватало, чтобы тётя решила, будто Ида её забыла. Она её так любит!

Уле-Александр так согрелся, что пыхал жаром. Он не мог взять в толк, как он умудрился замёрзнуть на пристани. Само слово

«мёрзнуть» казалось ему странным. И в голове творилось что-то непонятное. Голоса за столом то грохотали, то едва слышались, не разберёшь, что и говорят.

Над ним вдруг склонилась тётя Петра.

– Ты, часом, не заболел, друг дорогой? У тебя глаза блестят и ты какой-то красный.

– Нет, просто эта рубашка ужасно жаркая. Я выйду на балкон проветрюсь.

Он вышел на балкон и мгновенно замёрз, но что удивительно – голова по-прежнему пыхала жаром, как печка.

Надо высунуть наружу только голову, сообразил Уле-Александр, и тут его манёвры заметила тётя Петра.

– Чем это ты странным занимаешься? – удивлённо спросила она. – Иди лучше обратно к нам.

Родители Иды как раз рассказывали о корабле.

– Представляете, – говорила мама Иды, – там три банкетных зала. И в каждом по вечерам играет оркестр и подают очень вкусную еду.

– Но таких чудесных кексов, как вы напекли, нам, конечно, не давали, – добавил папа Иды.

После еды тётя Петра намекнула Уле-Александрю и Монсу, что им пора домой, потому что родителям Иды надо с дороги отдохнуть, а потом спокойно разобрать чемоданы.

Уле-Александр пошёл к себе наверх, но лестница в этот день казалась бесконечной. И в голове что-то стучало и звенело. Он тащился до своего этажа невероятно долго, а потом ещё долго-долго плёлся через всю площадку до двери квартиры. Наконец дошёл.

– Сейчас ты мне всё-всё расскажешь, – сказала мама. – Только не мог бы ты сначала сбегать вниз в магазин?

– Сил нет, – ответил Уле-Александр.

– Что ж ты, мне не поможешь? Такой ты лентяй?

– Сейчас уже ночь всё равно, – пробормотал Уле-Александр. – Видишь, как я устал.

И он улёгся в постель не раздеваясь, прямо в брюках, рубашке и галстуке. Тут уж и мама поняла, что Уле-Александр плохо. А он чувствовал себя хуже некуда. На холодном ветру на причале он в своей тонкой рубашке промёрз насквозь и разболелся. «Какое счастье, что я уже в кровати и могу лежать, сколько захочу», – думал он.

ВИЗИТ ВРАЧА

У тебя когда-нибудь была высокая температура? Голова раскалывается, ломота в теле и боль в груди, так что ни вздохнуть ни выдохнуть. Вот так себя Уле-Александр и чувствовал. Если у человека слишком высокая температура, он иногда заговаривается: говорит вслух, а что говорит, и сам не понимает. Уле-Александр произносил целые монологи:

– Я жил в Америке очень долго, теперь так странно возвращаться домой. Нет, мне не холодно в одной рубашке, она очень тёплая. Мне просто сначала показалось, что я замёрз, но потом стало аж жарко. На корабле три банкетных зала, и в каждом подают домашнюю выпечку.

Утром он проснулся от маминых слов, она стояла у его кровати, склонившись над ним.

– Сынок, ты нехорошо дышишь, слишком быстро, – сказала мама.

– У меня на голове что-то тяжёлое лежит, – пожаловался Уле-Александр. – Убери, пожалуйста.

– Нет у тебя на голове ничего. Тебе так кажется из-за температуры.

– Но я же чувствую. Наверно, ты положила мне на голову утятницу и забыла.

– Тебе лучше не разговаривать. Лежи спокойно и выздоравливай. Положить тебе на лоб мокрое полотенце?

– О, как приятно! Оно холодное, только очень быстро снова становится горячим. Мама, а обязательно всё время дышать?

– Обязательно, – кивнула мама. – Люди должны дышать всё время.

– Очень жалко, – сказал Уле-Александр, – потому что дышать мне больно. Вот бы можно было сделать перерыв и не дышать, чтоб не болело.

– Придумала, – сказала мама. – Давай-ка я позвоню доктору, он гораздо лучше меня знает, как помочь человеку быстро поправиться.

– Не надо, ты отлично справляешься, – сказал Уле-Александр и заснул.

Кроха стояла в своей кроватке и гулила очень сердито.

– Да-да-да, – строго говорила она. Кроха привыкла, что по утрам Уле-Александр вынимает её из кроватки и кладёт в свою большую кровать. А сегодня он ленится и отлынивает, вот тебе раз!

Мама забрала Кроху на кухню.

– Уле-Александр заболел, – объяснила она, – ему нужен покой.

– Да-да, – пробурчала Кроха, она всё ещё сердилась.

Когда Уле-Александр проснулся, у кровати стоял доктор. Уле-Александр узнал его, потому что видел не первый раз.

– Привет, Уле-Александр Тилибом-бом-бом, что это ты выдумал такое? – спросил доктор и достал что-то очень похожее на резиновую змею. Два хвоста доктор засунул себе в уши, а блестящую голову приложил к груди Уле-Александра, чтобы послушать, как он дышит.

Тебя ведь доктор тоже когда-нибудь выслушивал таким прибором? Знаешь, как он называется? Сте-то-скоп. Сможешь так сказать?

Доктор долго слушал, как Уле-Александр дышит. Наконец он положил стетоскоп на папину кровать, сел и заговорил с Уле-Александром.

Кроха была на кухне, но как только мама ушла в спальню, устремилась следом за ней. Она тоже хотела в спальню, ко всем. Ползала она уже очень проворно и теперь неслась по коридору на всех парах, как скорый поезд. Влетев в комнату, Кроха взглянула на чужого дядю и заползла под папину кровать. Здесь она нашла тапку и стала её грызть, но на вкус она оказалась так себе. Дада, только и сказала Кроха. Она уже умела вставать, держась за что-нибудь, и теперь ловко встала сбоку от папиной кровати. А на покрывале, бывают же удачи, лежало что-то странное. Надо рассмотреть получше, решила Кроха, схватила стетоскоп своими маленькими цепкими пальчиками и плюхнулась на пол. Теперь она жевала стетоскоп, он оказался гораздо, гораздо вкуснее тапки. Кроха сидела тихо, как мышка, и занималась приятным делом.

– Мы тебя вылечим, Уле-Александр, – говорил доктор, – но только лучше бы тебе поехать со мной в больницу. Кроха вряд ли целый день ведёт себя так же тихо, как сейчас, а тебе нужен полный покой.

– Где она, кстати? – спросила мама.

– Вон сидит, – сказал доктор. – Что, разбойница, стащила мой стетоскоп?

Кроха смерила его взглядом, покрепче сжала в кулаке своё сокровище и сказала:

– Дадада!

– Теперь не отнимешь, – улыбнулся доктор.

– Дайте ей взамен что-нибудь, – сказал Уле-Александр.

– Смотрю, ты отлично управляешься с малышами, – похвалил доктор.

Мама дала Крохе сухарик, и та выпустила стетоскоп. Уле-Александр снова задремал, а мама с доктором и Крохой ушли на кухню.

– У него серьёзное воспаление лёгких, – сказал доктор. – Я бы настоятельно советовал вам отправить его в больницу, потому что ему необходимо всё время находиться под присмотром врача.

– Я бы предпочла оставить его дома, – сказала мама, – но понимаю, что для него лучше лечиться в больнице. Но разве можно взять его из тёплой кровати и вынести на холод?

– Мы отвезём его на машине «скорой помощи» и хорошенько укутаем, никакой опасности не будет. Тогда я звоню, чтобы присылали машину.

– Я только отнесу Кроху на четвёртый этаж, – сказала мама. – Присмотрите пока за ним?

– Конечно.

Уле-Александр снова проснулся. На этот раз у его кровати стояли незнакомые дяди.

– Ну что, парень, карету заказывал? – спросил один.

– Мама, мне не хочется сегодня кататься, – сказал Уле-Александр, – что-то сил нет.

– Тебе даже вставать не надо, – объяснил второй. – Мы сейчас закатаем тебя в одеяла и перенесём, всё будет в лучшем виде, сам увидишь.

Они взяли большое шерстяное одеяло и замотали в него Уле-Александра, потом поверх наверху одно одеяло на ноги, одно – на грудь и спину, и ещё одним укутали голову, так что от всего Уле-Александра остался снаружи только нос.

– Сейчас мы помчим на машине, которая громко кричит «уи-уи-уи!». Знаешь, как она называется? – спросил один из санитаров.

– «Скорая помощь», – ответил Уле-Александр. – У неё сирена. А мама с нами поедет?

– Конечно! Знаешь, как здорово ездить на «скорой помощи»?! Маме тоже хочется попробовать.

Теперь они положили Уле-Александра во всех одеялах на узкую плоскую кровать без ножек, под названием «носилки», осторожно подняли и понесли. Следом шла мама с зубной щёткой Уле-Александра, его тапочками и расчёской. Санитары отлично умели носить больных на носилках, и Уле-Александр почти не чувствовал,

что они спускаются по лестнице. На первом этаже они ещё раз проверили, чтобы одеяла не задрались и не распахнулись, потом вынесли носилки из подъезда, открыли заднюю дверь машины и аккуратно поставили их туда. Маме разрешили сесть там же, рядом с ним. Машина тронулась.

– Уле-Александр, я хотела оставить тебя дома. Но доктор говорит, что тебе будет гораздо лучше в больнице, потому что там врачи и медсёстры знают, как правильно лечить больных. Там наверняка будут и другие дети, а я буду приходить, когда мне разрешат. Не сомневайся.

– Мне расхотелось ехать в больницу, – вдруг сказал Уле-Александр. – Ты можешь попросить их вернуться?

– Этого я не могу, сынок. Но я уже радуюсь, что скоро ты поправишься и вернёшься назад домой.

Машина остановилась. Те же двое санитаров вынули Уле-Александра из машины и внесли в огромный дом. Здесь всё было белое и светили лампы. Говорили тут полушёпотом, а пахло чем-то

странным. В больницах вообще всегда особый запах, потому что тут очень много разных лекарств. Мама заговорила с медсестрой.

– К сожалению, в детском отделении нет ни одного места, – объяснила сестра. – Поэтому мы положим его в двухместную палату во взрослом и переведём к детям при первой же возможности.

Уле-Александра снова подняли и на носилках отнесли в небольшую комнату – палату. Здесь стояли две кровати. В одной лежал пожилой мужчина с длинной бородой. Он кивнул и улыбнулся Уле-Александрю. Вторая кровать была пустая.

– Мы согрели твою кровать грелками, чтобы ты не мёрз, – сказала медсестра.

– Я сам горячий, – ответил Уле-Александр.

И тут же в комнату вошли доктор и другая медсестра.

– Ты заработал себе воспаление лёгких, – сказал доктор, – это серьёзная болезнь. Но не волнуйся, мы тебя вылечим. Видишь, что у меня в руке? Это шприц, а в нём пенициллин. Это не лекарство, а храбрый боец, он только и мечтает проникнуть внутрь тебя и сразиться с воспалением. И дети, и взрослые терпеть не могут уколов, потому что, когда иголка колет, это больно. Но и дети, и взрослые понимают, что мы делаем уколы, чтобы всех вас вылечить. Сейчас я уколую тебя в попу. Поплачь, если хочешь, ничего страшного.

– У-у-у, – только и сказал Уле-Александр.

– Ну ты молодец, – похвалил его доктор. – Тебе полагается приз – смотри, я кладу десять эре в твой ящик. Тебя когда-нибудь блохи кусали?

– Меня нет, а маму часто. В детстве блохи за неё прямо дрались.

– Ну вот, мы тут уколы называем «поиграть в блошки» – шутка у нас такая.

Уле-Александр кивнул и тут же заснул.

Первые дни в больнице он вообще в основном спал и просыпался только поиграть в блошки, но на пятый день он очнулся

по-настоящему и с любопытством огляделся вокруг. Старик с бородой был ещё тут, он лежал в своей кровати и читал.

– А дети где? – спросил Уле-Александр, потому что вспомнил, что мама говорила – в больнице будет много детей.

– О, ты проснулся? Очень хорошо, – сказал старик. – Я так обрадовался, когда они тебя принесли: думал, будет с кем поговорить. А ты всё спишь да спишь который день. А о каких детях ты говоришь? Я тут никаких не видел, но мама твоя приходит каждый день и долго сидит у твоей кровати. То-то она обрадуется, что ты наконец проснулся!

– Ой, мне надо кой-куда, – сказал Уле-Александр и откинул одеяло.

– Парень, не суетись, – остановил его старик. – Сейчас я тебе покажу, как тут это делается.

Он потянул шнур, висевший над кроватью, и нажал кнопку на нём.

– Сейчас увидишь, – сказал он очень довольный.

Секунду спустя в дверях показалась медсестра.

– Это вы меня звали? – спросила она.

– Ага. Наш юный друг проснулся, ему нужна бутылка.

Сестра ушла и тут же вернулась с квадратной бутылкой.

– Мне в бутылку писать? – спросил Уле-Александр в большом удивлении.

– Ты так всё время тут писал, – объяснила сестра. – Но ты плохо себя чувствовал и ничего не заметил. Меня зовут Грета, а если придёт незнакомая медсестра, можешь говорить ей просто «сестра», и она тебе поможет.

– У меня настоящая сестра дома, – сказал Уле-Александр, – её Кроха зовут. Но если ты очень хочешь, могу пока что называть сестрой и тебя тоже.

– Сегодня будем играть в блошки в последний раз. Доктор говорит, больше тебе не нужно. Ты ещё полежишь у нас немножко, чтобы набраться сил, и поедешь домой.

– Как тебя зовут? – спросил Уле-Александр соседа.

– Мартин, – ответил тот.

– У тебя очень красивая борода, – похвалил Уле-Александр, – даже лучше, чем у дедушки.

– Правда? – сказал Мартин и улыбнулся во весь рот.

– Лучше бы прямо сейчас в блошки поиграть, – сказал Уле-Александр. – А то ждать и бояться очень неприятно.

– Да, это самое противное, – кивнул Мартин. – Но ты был большой молодец все дни, а это последний раз.

Когда вошла сестра со шприцем в руке, Мартин спросил вдруг:

– Уле-Александр, а сколько у меня тут цветов на тумбочке?

– Раз-два-три-ой-четыре-пять-шесть, – ответил Уле-Александр.

– Ну вот, дело сделано, – сказала сестра. – Не так уж и больно, да?

– Да, – кивнул довольный Уле-Александр. – Считать цветы очень помогает, скажи всем, кто делает уколы.

Ровно в два часа раздался стук в дверь и мама заглянула в палату.

– Мам, привет! – закричал Уле-Александр.

– Ты проснулся?! Вот так радость! – Мама очень обрадовалась и принялась расспрашивать, как у него дела.

– У нас всё отлично, – стал рассказывать Уле-Александр. – Писаем мы в бутылки. И можно завести себе сестёр сколько пожелаешь, тут все хотят, чтобы их называли сёстрами.

Снова раздался стук в дверь, и вошла пожилая женщина.

– Познакомься, – сказал Мартин. – Это моя жена, Анна.

– У-у, – кивнул Уле-Александр.

– Как ты себя чувствуешь, Мартин? – спросила Анна. – Ел что-нибудь?

– Да, но они тут ничего не солят.

– Так я и думала, – сказала Анна, – вот принесла тебе самой солёной колбаски.

– Положи в мою тумбочку, – попросил Мартин.

Уле-Александру показалось, что время посещения кончилось слишком быстро. Вот мама встала и сказала:

– Я завтра снова приду. Папа передавал большой привет. Он не смог вырваться с работы, но постарается заглянуть вечером. Не скучай пока.

Едва мама с Анной вышли за дверь, тотчас появилась сестра с термометрами и тазиками для мытья.

– Посмотрим, сколько у вас сегодня набегит, – сказала она. – Лежите тихо и не шевелитесь, пока меряете температуру.

Но не успела она выйти за дверь, как Мартин свесился с кровати, выхватил из тумбочки солёную колбасу, повернулся спиной к Уле-Александру и стал грызть колбасу с такой жадностью, как будто ест на скорость. И всё-таки съесть всю он не успел – сестра

вернулась слишком быстро. Уле-Александр увидел, что Мартин сунул огрызок колбасы под одеяло.

Кажется, он делает то, чего нельзя, подумал Уле-Александр. Странно. Ведь Мартин – взрослый человек, к тому же очень добрый и симпатичный.

– Мартин, мы сначала перестелем кровать, – сказала Грета, и Мартин побледнел.

Грета пошла вылить воду из его тазика, Мартин посмотрел на Уле-Александра пристально, потом осторожно выудил из-под одеяла колбасу и перебросил её на кровать Уле-Александра.

– Спрячь пока, – прошептал он.

Но куда Уле-Александру её девать? В тумбочку не положишь, потому что сестра сразу увидит её, если захочет навести порядок в его вещах. Уле-Александр свесился вниз и увидел рядом с тумбочкой свои тапки. Он запихнул колбасу поглубже в тапку. Пока он возился, у него закружилась голова, и он заснул, не дождавшись, чтобы сестра перестелила и его кровать тоже.

– Спи, спи, – сказала сестра. – Набирайся сил.

И Уле-Александр заснул, но последние его мысли были о Мартине и солёной колбасе.

РЕНТГЕН

Уле-Александру показалось, что он едва смежил глаза, а вот уже в палате зажгли свет – шесть утра.

– Пожалуйста, измерь температуру, – сказала сестра и протянула ему градусник.

– Тебя я раньше не видел, – сказал Уле-Александр. – Ты тоже сестра?

– Да, сестра Эльсе. Неудивительно, что ты не видел меня раньше – я ночная сестра. Я работала всю ночь, а теперь пойду домой и высплюсь.

– Бедная, – посочувствовал Уле-Александр. – Ты очень устала, наверно.

– Да, вот вы сейчас умоетесь, и я уйду.

– Мартин, надо нам поторопиться! – сказал Уле-Александр. – Кстати, а зачем мы всё время умываемся? На улицу мы не ходим, в песке не играем, а всё равно должны мыться целый день.

– Да, в больнице всё время моют-чистят, порядок такой, – сказал Мартин.

– А я дома по вечерам моюсь, долго-долго, – стал рассказывать Уле-Александр, – потому что к вечеру я чернее сажи, и мама говорит, что меня нужно замачивать как бельё. А по утрам я всегда спешу, успеваю только ополоснуть нос и зубы почистить.

– Мартин, не забудь бороду расчесать, – напомнила сестра Эльсе.

– Ещё бы, – сказал Мартин, вытащил расчёску чёрного цвета и стал причёсывать свою красивую, длинную бороду.

– У тебя химия на бороде? – спросил Уле-Александр.

– Химия? – страшно удивился Мартин.

– Ну да. Когда мама хочет кудри на голове, она идёт к парикмахеру и делает химию. Но сейчас она кудри не делает, потому что нам с папой кажется, что длинные волосы без завивки красивее.

– У-у, – кивнул Мартин. – Нет, у меня волосы сами выются.

Но тут сестра Грета принесла завтрак. Уле-Александр вдруг почувствовал, что ужасно проголодался.

– Мартин, скажи, здорово, когда завтрак приносят вот так – в постель на подносе?

– Угу.

– Дать тебе твою колбасу?

– Нет, лучше после обхода.

Тебе наверняка любопытно, что такое обход. Сейчас я тебе расскажу. В больнице, как ты знаешь, очень много врачей. Каждое утро они все приходят и смотрят, как чувствуют себя больные. Это называется врачебный обход.

Без нескольких минут девять пришла сестра Грета и красиво разгладила одеяла, а бельё она ещё утром перестелила.

– Мартин, опусти, пожалуйста, колени, чтобы не портить вид. Сегодня главврач на обходе.

– Он самый главный, что ли? – спросил Уле-Александр.

– Да, – кивнула Грета.

– Хм, – проворчал Мартин, но ноги выпрямил.

Тут дверь распахнулась, и вошёл невысокий мужчина в белом халате. За ним ещё один, и ещё и три медсестры. В их маленькой комнате стало не протолкнуться. Сперва все сгрудились у кровати Мартина.

– Так-с, – сказал главный врач. – Как дела, Мартин? Угу, небольшая температурка ещё держится. Сестра, его наконец перевели на бессолевой стол?

– Да уж да, – сказал Мартин. – Солить еду у вас в больнице не умеют. Этим дурням поучиться бы у моей жены. Она солит от души, зато еда – пальчики оближешь!

– Мартин, вот этого тебе сейчас и нельзя, – наставительно сказал главврач. – Твой организм не переносит соли, поэтому мы нарочно кормим тебя едой без соли. Сестра, продолжайте ещё пару дней.

Они подошли к Уле-Александру.

– Ну привет, – сказал доктор. – Выглядишь гораздо лучше. Сестра, температура у него есть?

– Совсем небольшая, – ответила сестра.

– Вот и отлично! Очень хорошо. Завтра переведём тебя наконец в детское отделение, там кто-то выписывается. Ты рад?

– Да, – сказал Уле-Александр. – Хотя мне и тут с Мартином хорошо. Ему скучно будет, если я уеду от него.

– Уж наверно, – кивнул главный врач. – Но мы найдём ему нового соседа.

– А ты каждый день надеваешь чистый белый халат? – спросил Уле-Александр.

- Да, каждый день, – кивнул доктор.
- Бедная твоя жена. Сколько же ей стирать приходится!
- Халаты стирает больничная прачечная. Сестра, сделайте ему сегодня рентген. Хочу посмотреть, что там в лёгких.
- Конечно, – ответила сестра. И врачи с сёстрами испарились так же мгновенно, как появились.
- Пережили, – сказал Мартин. – Теперь долго будет тихо. Давай-ка мою колбаску, Уле-Александр.
- Нет, – помотал головой Уле-Александр. – Колбасы ты не получишь.
- Что такое? – изумился Мартин. – Ты не отдашь мне мою колбасу?
- Не отдам, – твёрдо сказал Уле-Александр. – Слышал, что доктор сказал? Ты не поправишься, если будешь есть солёное.
- Ладно тебе. Сколько там колбасы? Кусочек на один зуб.
- Нет и нет. Я тебе не дам. И ты должен пообещать, что не будешь есть солёное, когда я уеду.
- Ох и ничего ж себе! Но ты говоришь так серьёзно, что придётся мне попробовать. Буду всё есть без соли.
- Хорошо же, – сказал ему Уле-Александр.
- Чуть позже в дверь снова постучали, и в комнату въехала кровать на колёсиках.
- Это кровать такая? – удивился Уле-Александр.
- Нет, носилки на колёсах. А я Бьёрн-с-каталкой, – сказал медбрат, который её привёз. – Так кто тут у вас заказывал покататься?
- Я, наверно, – ответил Уле-Александр, – мне сегодня снимок делать.
- Хорошо, – кивнул Бьёрн. – Я так и подумал, что будет кто-то твоего размера. Обычно мы вдвоём пациента перекладываем с кровати на каталку, взрослые-то – они тяжёлые, а сегодня меня одного отправили. Но ничего, мы с тобой справимся. Возьми меня за шею, да, вот так. Теперь мы тебя закутаем, чтобы дорогой не застудить. Ну всё, готово, поехали.

Бьёрн ловко вывез каталку в коридор. Уле-Александр уехал отлично, чуть погодя он сказал:

– Интересненько. И тебе каждый день разрешают катать каталку?

– Да, разрешают. Внимание – заезжаем в лифт!

– Мне сойти? – спросил Уле-Александр. – Мы не поместимся вместе с каталкой.

– Ещё как поместитесь. У нас тут в больнице знаешь какие лифты? Огромные!

Бьёрн сказал правду. Это был не лифт, а большая комната.

– А у нас в доме лифт такой маленький, что мы еле впахиваем в него коляску Крохи, – пожаловался Уле-Александр.

Лифт остановился, Бьёрн покатил Уле-Александра по длинному коридору, подрулил к какой-то двери и сказал:

– Приехали.

– А мы не можем сперва ещё покататься? – попросил Уле-Александр. – Мне очень понравилось так ездить.

– Мы подумаем об этом после рентгена. А сейчас у нас времени нет кататься, тебя уже ждут.

– А где находятся лёгкие? – спросил Уле-Александр.

– В груди, вот здесь.

– А как же мне их сфотографируют? Их же не видно!

– У них есть рентгеновский аппарат. Это такая штука, которая просвечивает человека насквозь.

– Это наверняка больно, – тоскливо сказал Уле-Александр.

– Нет, не бойся, ты ничего не почувствуешь. Тебя поставят в этот их аппарат, погасят свет, потому что для снимка нужна темнота. Один клик – и всё готово.

– У-у, – неуверенно протянул Уле-Александр. Он всё равно опасался.

– Это Уле-Александр пожаловал? – спросила медсестра, когда Бьёрн открыл дверь в кабинет.

– Угадала, – сказал Уле-Александр. – Если у тебя есть время, лучше говорить правильно – Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

А у вас, что ли, много сестёр в больнице? Я уже знаю сестру Грету и сестру Эльсе, а теперь вот тебя.

– Да, сестёр в больнице несколько сотен. Потому что больных тут очень много и каждому нужен уход и помощь. Но давай займёмся тобой. Ты сможешь постоять несколько минут?

– Конечно! – сказал Уле-Александр. – Мне надо встать в аппарат?

– Так точно, – сказала сестра. – Тебе уже делали рентген, раз ты всё знаешь?

– Нет, не делали, но мне Бьёрн-с-каталкой рассказал.

– Понятно, – сказала сестра. – Сейчас мы тебя поднимем и поставим вот сюда. Так. Сделай, пожалуйста, глубокий вдох, а потом не дыши.

Уле-Александр стоял внутри аппарата, и это было очень странно – снова стоять на своих ногах. Кто бы мог подумать, что просто стоять окажется нелёгким делом. Словно ногам не хватало сил держать на себе слишком тяжёлое тело. И голова кружилась. Сперва чуть-чуть, но потом стала разгоняться быстрее и быстрее, и вдруг Уле-Александр упал в обморок. Болел он долго, ослаб, а сил набраться не успел.

Он очнулся на руках у медсестры, она прижимала ему ко лбу мокрую салфетку.

– Отключился, да, дружок? Надо было мне посадить тебя на стул. Не ушибся?

– Я вырубился, что ли? – спросил Уле-Александр.

– Да, – кивнула сестра. – Но теперь ты будешь сидеть, и мы попробуем ещё раз. Я сейчас выключу свет, а ты глубоко дыши.

Уле-Александр дышал как мехи для камина.

– Сейчас не дыши, – сказала сестра. – Теперь дыши нормально. Ты молодец. Я думаю, снимок получился.

– А ты не можешь заодно сделать просто снимок меня? – спросил Уле-Александр. – Тогда у меня был бы готов отличный новогодний подарок для мамы с папой.

– Не могу, к сожалению, этот аппарат таких снимков не делает. А тебе пора полежать, – сказала сестра и крикнула Бьёрну, чтобы завозил каталку.

– Хорошо прилечь, – сказал довольный Уле-Александр. – Я тут в больнице совсем разленился, всё время спать хочу. До свидания, сестра. Между прочим, как тебя зовут?

– Сестра Алфхильд. До свидания, Уле-Александр.

– Ну вот, – сказал Бьёрн. – А теперь поедем покатаемся. Сначала поднимемся на лифте на твой этаж, а там, если хочешь, можем два раза прокатиться туда и обратно по коридору.

– Очень хочу, – сказал Уле-Александр. – Дрымс-дрымс-дрымс, поехали!

Бьёрн катил каталку и закладывал виражи, а Уле-Александр командовал: «Лево руля!» – и «Право руля!» – и «Вперёд по курсу!».

Тут появилась сестра Грета.

– Вижу, вы весело проводите время, молодцы, – сказала она. – Но Уле-Александру надо полежать спокойно, звонила сестра Алфхильд, сказала, что он потерял сознание во время рентгена. Надо дать ему отдохнуть, чтобы он набирался сил.

Бьёрн ввёз каталку в палату. Мартин лежал и пристально смотрел на дверь.

– Наконец-то, – сказал он. – Я уж так заскучал один, что чуть было опять не сделал как не надо.

– Это как? – спросила сестра Грета.

– Нет, это просто наш секретик, – объяснил Мартин.

Когда мама пришла проведать Уле-Александра, он говорил и говорил, столько ему надо было всего рассказать, но едва в дверях показалась Анна, жена Мартина, тут же замолк и поманил её к себе.

– Мне надо серьёзно с тобой поговорить, – начал Уле-Александр. – Ты должна мне пообещать, что не будешь носить Мартину ничего солёного, потому что тогда он не поправится. Видишь, у меня в тапке кусок колбасы, которую ты вчера принесла? Мне пришлось его спрятать, чтобы никто не узнал, что Мартин ел колбасу. Но теперь забери её домой, потому что Мартин обещал мне не есть ничего солёного, пока не выздоровеет.

– Что скажешь, Мартин? – спросил Анна. – Ты ведь такая соляная душа.

– Придётся сделать, как Уле-Александр говорит, – сказал Мартин, – иначе он не станет со мной дружить, а этого я не хочу.

– Я принесла вам пирожных, – сказала мама. – Их Мартину можно.

Тем вечером они прекрасно проводили время. Уле-Александр собирал новый пазл, его мама принесла. Потом сестра Грета распахнула дверь в коридор.

– Музыка! – сказала она.

– Вот это здорово! – обрадовался Мартин.

Они съели мамины пирожные. Вдруг в дверь постучали. Это была сестра Алфхильд, та самая, которая фотографирует лёгкие.

– Как тут наш обморочный мальчик? – спросила она. – Уле-Александр, я забыла сделать снимок глаз.

Она достала маленький фотоаппарат и приставила его к глазу, в другой руке она держала лампу. Она нажала на вспышку, щёлкнула – и снимок готов.

– Большое спасибо! – сказала она и ушла.

– Загадка, – покачал головой Мартин. – Я совершенно уверен, что она сделала снимок и моих глаз тоже.

– Значит, она сфотографировала четыре наших глаза сразу, – вслух подумал Уле-Александр. – Но меня в сон клонит. Спокойной ночи, Мартин. Мы, больные, знаем о жизни гораздо больше здоровых. Они понятия не имеют, как всё устроено в больницах, например.

ДЕТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Уле-Александр проснулся утром и сразу вспомнил, что сегодня его ждёт что-то неприятное. Ах да, его переводят в другое отделение, а он так сдружился со стариком Мартином, обвыкся тут – и на тебе.

Мартин уже проснулся.

– Ну что, вот и утро, – сказал он и больше ничего не добавил.

Утренние процедуры прошли как всегда, но сразу после обхода явился Бьёрн-с-каталкой.

– Приветствую, – сказал он Уле-Александрю. – У нас сегодня небольшая поездка намечается.

В дверях показалась сестра Грета.

– Придётся нам отдать его, Мартин. Детское отделение требует Уле-Александра к себе, на это нам нечего возразить. Малыш, сейчас я соберу твои вещи. Ну-ка посмотрим: зубная щётка, расчёска, пазл и тапочки. Бог мой, как от них странно пахнет!

Уле-Александр с Мартином засмеялись, но Уле-Александр ничего не сказал – он не хотел выдавать друга.

– Вроде ничего не забыли, – продолжала сестра Грета. – Ох, вижу я, вы большие хитрецы. Бьёрн, можешь переключивать мальчика.

Бьёрн переложил Уле-Александра на каталку и повёз.

– Подвези меня к Мартину сначала, – попросил Уле-Александр.

– Спасибо за компанию, – сказал Мартин. – Очень грустно, что тебя переводят. Я буду скучать без тебя.

– Вот тебе от меня подарок, – сказал Уле-Александр и протянул Мартину коробку с пазлом. – Собирай на здоровье, и времени огорчаться, что меня нет, у тебя не останется.

– Ты правда мне его подаришь? – спросил Мартин. – Честно?

– Да, я так решил, – сказал Уле-Александр.

– Ну спасибо! – Мартин очень обрадовался. – Это мне занятие надолго. Представляю, сколько времени надо, чтобы собрать такую картину, как на обложке.

– Я как выздоровлю, приду тебя навестить, – пообещал Уле-Александр. – И не забывай, о чём мы договорились.

– Конечно, не волнуйся, – сказал Мартин. Он догадался, что Уле-Александр намекает на солёную еду, вернее, на обещание Мартина её не есть.

И Уле-Александр пустился в новое странствие по больничным коридорам. Бьёрн катил его умело и аккуратно. Навстречу им попадалось множество других больных, тоже куда-то перемещавшихся.

Видно было, что некоторым очень больно. Наверно, их только привезли в больницу, и доктора их ещё не полечили. Зато другие, хотя и все забинтованные, выглядели довольными и весёлыми.

– Я никогда не думал, что вокруг столько больных, – сказал Уле-Александр.

– Но счастье, что мы живём в стране, где есть больницы, – ответил Бьёрн. – Когда всерьёз прихватит, нигде тебе не помогут лучше, чем в больнице. Вот взять докторов. Я уверен, что они хорошо учились в школе, а потом много лет в институте и у других врачей, чтобы научиться лечить людей. Поэтому я им доверяю.

– Угу, – пробормотал Уле-Александр. Он слушал вполуха, все его мысли были заняты детским отделением – как там всё будет? Уле-Александр побаивался.

– Ну вот, а теперь мы тебя хорошенько укутаем, чтобы ты не замёрз в машине.

– Я поеду в другую больницу?

– В другой корпус на этой же территории, – объяснил Бьёрн.

– А у неё такая сирена «уиу-уиу» и мигалка на крыше?

– Нет. «Скорая помощь» включает сирену и маячок, только когда спешит. А если время не поджимает, она ничего не включает.

«Смех один, а не поездка», – разочарованно подумал Уле-Александр. Не успели отъехать – уже на месте и его ввозят в здание.

Вот они снова едут по длинному коридору, но он весь завешан картинками, а где-то вдали слышен детский смех.

Появилась новая сестра.

– Ага, Уле-Александр пожаловал, – сказала она. – Ты большой молодец, лежал во взрослом отделении, да? Вот сюда его, – сказала она Бьёрну и распахнула дверь в палату.

– Здесь у тебя будут друзья, в твоей палате три мальчика. И ещё можно посмотреть, что творится в соседней комнате, там стеклянная дверь.

Уле-Александра подняли и положили на кровать. Он привстал на локтях, чтобы оглядеться, и увидел, что мальчики, все трое, сидят в своих кроватях и во все глаза разглядывают его. Уле-Александр быстро лёг и натянул на голову одеяло.

– Ну, ну, ничего, – сказал Бьёрн. – Пока. Я должен идти, сегодня всем надо кататься.

– Передай привет Мартину и скажи, что я хотел бы остаться с ним, – прошептал Уле-Александр. – Здесь все незнакомые, их очень много.

– Завтра ты иначе заговоришь, – сказал Бьёрн. – Ну, счастливо оставаться.

Уле-Александр снова высунул из-под одеяла кончик носа и огляделся. На него никто не смотрел. Двое из ребят одевались.

– А здесь можно вставать? – спросил он ошеломлённо.

– Нам можно, потому что на наших «историях» нарисовали стрелу.

Историями назывались папки, подвешенные над кроватями. Там отмечали, у кого какая температура, какие жалобы и прочее.

– Но тебе надо лежать, пока доктор не разрешит вставать. Зато ты один не останешься, Андерсу тоже пока вставать нельзя. Мы знаешь как долго тут валялись, пока нам стрелы нарисовали.

– А я знаешь сколько уже лежу в больнице? – сказал Уле-Александр. – Шесть дней!

– Нашёл чем гордиться, – ответил мальчик. – Я тут уже полгода, а Эйнар – четыре месяца. Но нас скоро выпишут домой.

– Меня тоже так надолго тут оставят? – спросил Уле-Александр упавшим голосом.

– Чем ты болеешь?

– Воспалением лёгких.

– Воспаление лёгких? Нет, тебя скоро выпишут.

– Ты, что ли, доктор?

– Ещё нет, но главврач говорит, что скоро им стану, – гордо ответил мальчик. – Потому что я уже знаю обо всех болезнях. Но мы спешим, нам в игровую комнату надо. Счастливо оставаться.

В палату вошла сестра.

– Здравствуй, Уле-Александр. Меня зовут сестра Осе. Давай-ка посмотрим, сколько ты дней лежал? Ага. Думаю, ты уже можешь сидеть в кровати и играть. Сейчас принесу тебе столик.

Столик оказался очень большим, от края до края кровати, и его можно было двигать вперёд и назад. К нему сестра Осе принесла конструктор – много-много деталей.

– Ух ты! – сказал Уле-Александр. – Тогда я построю свой дом, он очень высокий, даже с лифтом. Я могу строить долго-долго?

– Можешь строить до обеда, – сказала сестра Осе. – Это ещё целый час, даже больше.

К обеду дом был почти готов. В нём было восемь этажей, и оставалось только лестницу построить.

– Можно мне его не ломать? – спросил Уле-Александр. – Или надо из-за обеда?

– Мы сейчас аккуратно снимем его вместе со столиком, а после сна достроишь, – сказала сестра Осе.

– Я буду спать после обеда как взрослый? – спросил Уле-Александр. – Я так делаю только перед Новым годом или если иду в гости и поздно лягу спать.

– В больнице дети спят каждый день. Но ты не волнуйся, я разбужу тебя ещё до начала посещений. Мама к тебе придёт?

– Конечно, – сказал Уле-Александр.

– А ко мне никогда не приходит, – вздохнул Андерс. – Она живёт далеко за городом, и у неё очень много дел.

– Хочешь, поделюсь с тобой моей мамой? – предложил Уле-Александр. – Я её предупрежу, как только она появится.

Мама пришла чуть позже, чем обычно.

– Ох и набегалась я, пока тебя нашла, – сказала мама. – Больница размером с небольшой город.

– Мама, – сказал Уле-Александр, – тебе надо сначала провести Андерса. Ты посиди половину времени с ним, а половину со мной. Я хочу с ним тобой поделиться. Ты понарошку побудешь ему мамой, хорошо? А то его мама живёт очень далеко за городом и не может его навещать.

– Конечно, – кивнула мама. – Я как раз захватила сегодня два яблока. Тогда одним я угощу Андерса, а другим тебя, да, Уле-Александр?

Мама села на стул у кровати Андерса.

– Как поживает Пуф? – спросил Уле-Александр.

– Он везде тебя ищет и не может понять, куда ты делся. Он пришёл со мной, но ждёт в саду. Я привязала его там к дереву, и он, конечно, ужасно обиделся, что я не взяла его с собой. Но, дорогой, сейчас я навещу Андерса и поговорю с ним, а с тобой мы поговорим, когда я приду к твоей кровати, – сказала мама и улыбнулась Уле-Александру.

– Конечно, – кивнул Уле-Александр. Он лежал и слушал, как мама разговаривает с Андерсом, и очень гордился, что это ему самому пришла в голову мысль поделиться мамой.

А в саду ждал Пуф. Мама сказала правду, он страшно обиделся. Это ж надо было такое придумать – привязать его здесь одного. Такого приличного воспитанного пса, который всегда ходит с хозяевами по всем делам. И если ему говорят «тихо», он ведёт себя тихо, а скажут «сидеть» – он садится, а если «лежать» – ложится. Но сейчас хозяйка просто привязала его, но не велела вести себя

тихо. Раз так, сейчас он скажет всё, что об этом думает. Как залает, так они всё и поймут. Разбаловал он их совсем, слишком хорошо себя вёл. Но теперь хватит!

Пуф залаял во всё горло, медсёстры и врачи высунулись в окна посмотреть, что за шум такой. Наконец одна сестра спустилась вниз и очень строго сказала Пуфу:

– Фу! Нельзя тут лаять! Жди тихо.

Пуф понял и замолчал. Сестра постояла, постояла и ушла. Чем же теперь заняться, подумал Пуф. И куда подевалась мама?

Интересно! Ему было очень любопытно. Он потянул поводок – тот легко натянулся. Это был простой кожаный ремешок, не какая-нибудь там цепь. Его перегрызть – пара пустяков.

И Пуф принялся за дело. Он грыз, жевал и сплёвывал кусочки кожи, потому что ему некогда было глотать их. Потом широко разинул пасть и откусил большой кусок. Фуф, ещё немного – и дело сделано. Пуф вцепился зубами в ремень. Он отчаянно мотал головой и тянул его изо всех сил, и вдруг ремень лопнул. Когда тебе или мне удаётся сделать трудное дело, мы очень собой гордимся и задираем нос. Пуф тоже очень собой возгордился, но нос он уткнул в землю, втянул запах и рванул с места. Выследить маму оказалось совсем не сложно. Вот тут она поднялась в горку, потом прошла через двор и в эту дверь. У двери Пуфу пришлось остановиться. Это такая дверь, которая распахивается наружу, с ней собаке не совладать. Придётся ждать, пока кто-нибудь захочет выйти. Ага, вот и удачный случай. Медсестра распахнула дверь, и в неё тут же стрелой влетел Пуф.

– Что такое? – вскрикнула сестра и помчалась назад – посмотреть, кто это вбежал в больницу.

Но Пуфа уже и след простыл, он умчался вверх по лестнице. По пути он ещё несколько раз наткнулся на медсестёр, и все они кинулись за ним в погоню, потому что собакам запрещено заходить в больницу. Но Пуф этого не знал и бежал вперёд и вперёд. Вот ещё одна лестница, а за ней длинный коридор. У Пуфа голова шла кругом, столько резких запахов было вокруг. Пахло лекарствами, хлоркой и ещё непонятно чем. Пуф изо всех сил старался не потерять мамин след, но шум и погоня отвлекали его. Наконец он добежал до запертой двери. Ага, мама здесь, понял он и поскрёбся в дверь. Но никто не открыл. Тогда Пуф встал на задние лапы и вцепился в ручку.

– Мама, в дверь стучат, – сказал Уле-Александр.

– Да нет, тебе показалось, – ответила мама, но была неправа, потому что в ту же секунду дверь распахнулась и влетел

Пуф. Он кинулся к маме и Андерсу. Обнюхал его, но тут он учуял Уле-Александра!

Вот это радость! Пуф со всех лап кинулся к Уле-Александру, перепрыгнул через его кровать два раза туда и обратно, вскочил на неё, задев столик и восьмиэтажный дом, тот рухнул на пол, и кубики разлетелись по всей палате.

– Пуф! – сказал Уле-Александр с укоризной, и Пуф понял, что хозяин немножко огорчился, юркнул под кровать и тихо там улёгся.

– Хороший пёс, – сказал Уле-Александр. – Я знаю, ты не нарочно.

В коридоре раздался топот и крики.

– Странно, чтобы в больнице так шумели. Больным нужен покой, – сказала мама и закрыла дверь.

Но тут же в неё постучали, пять или даже шесть сестёр заглянули в палату. Пуф лежал тихо, как мышка, они его не заметили и побежали дальше.

Но одна сестра, это была сестра Осе, задержалась и заговорила с Уле-Александром:

– Ну что, дружок, мама всё-таки не пришла?

– Ещё как пришла, – сказал Уле-Александр. – Я просто одолжил её пока Андерсу, потому что меня ещё второй друг навещает. Иди с ним поздоровайся. Он очень милый, не бойся.

– А где же он? – спросила сестра Осе. – Я никого не вижу.

– Ты под кровать загляни, – посоветовал Уле-Александр.

– Вот кто здесь, – сказала сестра Осе. – А вся больница с ног сбилась, ловят чёрного пуделя.

– Это случайно получилось, – сказала мама. – Я привязала его в саду, но он, видимо, перегрыз поводок.

– Пойду скажу остальным, что поиски можно прекратить, – ответила сестра Осе.

– Боюсь идти с ним теперь через всю больницу, – вздохнула мама. – Все будут меня ругать и говорить, что с собаками в больницу нельзя.

– Накинь на него свой плащ и иди быстро, – посоветовал Уле-Александр.

– Неглупый совет, – кивнула мама.

Она посидела с Уле-Александром, поболтала с ним, а потом накинула свой светлый плащ на Пуфа и повязала ему на голову свой платок. Пуф изо всех сил замотал головой, чтобы скинуть его.

– Послушай меня, Пуф, – сказала мама строго. – Ты поставил меня в трудное положение, теперь будь добр – помоги мне. Веди себя прилично. Пошли! До завтра, мальчики мои!

Пуф стал похож на дряхлую согбенную старушку, но наверняка все встречные догадывались, что на самом деле он собака.

Когда они вышли из дверей больницы, Пуф скинул и плащ, и козынку. Больше он на маму не обижался, а как порядочный воспитанный пёс шёл рядом с ней всю дорогу до тёти Петры, которая присматривала за Крохой в мамино отсутствие.

– Слышал, что она сказала? – спросил Андерс. – Мальчики мои! Очень приятная прокатная мама.

– А я что говорил?! – кивнул Уле-Александр.

СНОВА ДОМА

Уле-Александр лежал в детском отделении уже много дней. Он сдружился с мальчиками из своей палаты. Да и мальчики из соседней палаты, которых он видел через стеклянную дверь, казались ему знакомыми. А ближе всех он узнал Андерса, тем более что их кровати стояли рядом.

Но однажды во время обхода главный врач остановился у кровати Уле-Александра.

– Ну что, дружок, не пора ли тебе вставать? – сказал главный врач.

– Давно пора, – ответил Уле-Александр. – Говорят, у вас тут отличная игровая комната, а я в ней ещё не бывал.

– Что есть, то есть, – ответил главный врач и нарисовал на папке Уле-Александра красивую стрелу – знак, что Уле-Александру можно вставать.

Сестра Осе принесла его одежду, и Уле-Александр стал одеваться. Он так давно не упражнялся в этом, что разучился, и пришлось сестре помогать ему. Но вот он одет, осталось только сунуть ноги в тапки. Они всё ещё пахивали солёной колбасой, но Уле-Александру это было даже приятно.

– Ну, давай попробуем, – сказала сестра Осе. – Держись за меня, а то ты отвык ходить, наверно.

– Думаешь, я ходить не умею? – спросил с укоризной Уле-Александр. – Я, между прочим, научился ходить в год, а теперь мне уже шесть. Зачем мне за тебя держаться?

Но, когда Уле-Александр спустил ноги на пол и двинулся вперёд, колени вдруг подогнулись.

– Что за дела? – очень удивился Уле-Александр.

– Ничего странного, – объяснила сестра Осе. – Ты очень долго лежал, и мышцы разучились работать. Так что держись за меня. Мы пойдём вон до того стула, спокойно и медленно. Давай – шаг, потом ещё шаг.

Оказалось, до стула идти и идти. Когда Уле-Александр наконец добрался до цели, его качало от усталости, как будто он пробежал полмарафона.

– Надо мне посидеть, – просипел он и опустился на стул. – О, как же хорошо!

Сестра Осе смотрела на него с улыбкой.

– Отдохни и пойдём обратно, – сказала она. – Или хочешь дойти до Андерса?

– Конечно, хочу, – сказал Уле-Александр и встал. Теперь идти было легче, он не висел на сестре Осе, а только немножко опирался на неё.

Андерс смотрел на него во все глаза. Сам он вблизи выглядел не так, как издали. К тому же он как будто немного завидовал

Уле-Александр. Наверно, ему очень надоело лежать и хотелось встать.

– Сестра Осе, а скоро Андерс встанет? – спросил Уле-Александр.

– Теперь уж скоро, – ответила сестра Осе. – Он очень сильно болел, поэтому он дольше выздоравливает. Но Андерс большой молодец, пьёт все лекарства, и скоро врач разрешит ему вставать. Придётся нам тогда потрудиться, Андерс, чтобы снова научиться ходить, ты ведь лежал гораздо дольше, чем Уле-Александр.

– Придётся, – кивнул Андерс. – Доктор мне велел крутить ногами, как будто я еду на велосипеде. Он говорит, что тогда ноги станут сильными и легче будет снова на них встать.

– Уле-Александру пора, кажется, назад, – сказала сестра Осе.

Она отнесла его в кровать, раздела, и он в ту же секунду уснул. Как же хорошо лежать в кровати! Главное – не вставать.

Но на следующий день дело пошло бодрее. Уле-Александр безо всякой поддержки обошёл всю палату. А через день вышел прогуляться с сестрой Осе в коридор, а ещё через день добрался до игровой комнаты. Здесь оказалось очень много ребят, почти всех он видел первый раз, а играла с детьми специальная игровая няня. Игрушки тоже были удивительные. Деревянные кубики такого размера, что построился высотный дом чуть не в натуральную величину. Уле-Александр даже смог втиснуться внутрь его, хоть и с трудом. Ещё было много машинок, раскраски и вырезалки и заводной медвежонок. Он танцевал, пока завод не кончится. Эх, жалко Андерс сидит один в кровати и ничего этого не видит, подумал Уле-Александр и спросил игровую няню:

– Можно я отнесу медвежонок в палату и покажу Андерсу?

– Да, я тебе разрешаю, – ответила няня. – Если хочешь, возьми ещё каких-нибудь игрушек. Только дай честное слово, что ты потом наведёшь в палате порядок и принесёшь игрушки назад.

– Обязательно!

Андерс очень обрадовался, что Уле-Александр вернулся так быстро.

– Я думал, ты только к обеду придёшь, – сказал он. – А ты вот!
– Смотри, какой мишка! – сказал Уле-Александр, и мишка станцевал на столике Андерса. – А скоро наша мама придёт, Андерс!

На другой день во время обхода главный врач подошёл к кровати Уле-Александра с очень довольным видом.

– Так, так, – сказал он, радостно потирая руки. – Твоё пребывание в больнице доставило нам много удовольствия, но завтра ты отправишься домой, потому что ты уже здоров. Но дома береги себя – побольше отдыхай, много не скачи.

– Ой! Меня вернут домой к маме, папе и Крохе? – уточнил Уле-Александр.

Весь день Андерс был молчалив и задумчив, но Уле-Александру было недосуг поразмыслить над этим, у него голова шла кругом от других дум. Он предвкушал, как увидит всех своих, и семью, и родню, и друзей, и расскажет им обо всём важном, что он теперь знает, а они-то нет. А с другой стороны, было странно уезжать из больницы, ему здесь понравилось.

На другое утро Уле-Александру и подавно было не до чего, ему надо было попрощаться со всеми ребятами, сёстрами и врачами. Андерс грустил, лёжа в своей кровати.

– Я очень расстроен, что тебя выписали, – признался он наконец. – Я останусь и без тебя, и без нашей мамы...

Но мама пришла с большим вкусным тортом для Андерса и сказала ему так:

– Андерс, дорогой, я не смогу приходить каждый день, мне ведь надо ухаживать за Уле-Александром и его сестричкой Крохой, но я постараюсь навещать тебя почаще. А Уле-Александр будет наверняка присылать тебе горы рисунков, и мы можем писать друг другу письма.

– Да, – кивнул Андерс, он очень повеселел оттого, что мама подумала о нём.

– Уле-Александр, нам пора идти, – сказала мама. – Я приехала на такси, оно ждёт.

А в такси оказался папа с Крохой и Пуф, он лаял и махал хвостом, Кроха улыбалась от уха до уха, а папа взял Уле-Александра на колени и чуть не раздавил его в объятиях, так он был рад снова увидеть своего сына.

Войдя в дом, Уле-Александр сказал удивлённо:

– Что это у вас палаты такие маленькие?

Он уже привык к просторным помещениям, всегда залитым светом. В этот день он улёгся рано, но ровно в шесть утра проснулся и сел в кровати.

– Где мой тазик для умывания? – спросил он.

Мама с папой спали.

– Где мой тазик для умывания? – Уле-Александр повысил голос.

Проснулась Кроха и загулила и долго не унималась. Мама открыла один глаз, но вид у неё был такой сонный, что, скорее всего, она прослушала всё, что говорил Уле-Александр.

– Мне нужен тазик для умывания и термометр, – терпеливо повторил он.

– Сынок, ещё шести нет, какой термометр, – жалобно сказала мама. – Поспи ещё, родной, рано вставать.

Но Уле-Александр привык в больнице вставать рано и ничего поделаться с собой не мог. Он вылез из кровати и отправился в ванную. Умылся, термометра не нашёл, зато увидел белый мамин передник и прихватил его с собой.

– Точно как у главврача, – сказал он сам себе. Взял плоску с холодной водой, ватку и вернулся в спальню.

– Обход! – закричал он с порога.

Кроха встала в своей кроватке и заверещала от восторга. Наконец-то в доме завёлся ещё один человек, кто просыпается рано. Остальных не добудишься, это она по опыту знает. Вот и приходится ей по утрам валяться без дела и разговаривать сама с собой. Но теперь пойдёт веселье!

Уле-Александр первым делом подошёл к её кроватке.

– Так, дружок, как дела? – спросил он.

– Дадада, – сказала Кроха. – Папа.

– Дойдёт и до него очередь, не волнуйся. Думаю, сегодня тебе уже можно разрешить вставать, – сказал Уле-Александр и перешёл к папиной кровати.

Тот спал.

– Ох, – расстроено протянул Уле-Александр. – А тут дела обстоят совсем плохо. Похоже, пациент без сознания. Сестра Кроха, пожалуйста, холодную водяную примочку ему на лоб. Кроха, ты сейчас как будто медсестра, поняла?

– Уле-Санд-Уле-Санд-Уле-Санд, – с готовностью ответила Кроха, которая не выговаривала пока «Уле-Александр».

– Лучше я сам сделаю. – С этими словами Уле-Александр обмакнул ватку в воду и легонько постучал папу по лбу.

Папа дёрнулся как пружина и сел, уставившись перед собой.

– Ужас, что за сон мне приснился, – сказал он. Потом лёг, повернулся на другой бок и немедленно заснул снова.

– Та-а-ак, – протянул Уле-Александр. – Дело хуже, чем я думал. У пациента очень высокая температура, он бредит. Тут не обойтись примочкой, тут нужна мокрая повязка на лоб. Сестра, я сам сделаю.

Он пошёл в ванную, нашёл своё полотенчишко, хорошенько намочил его, со всей силы выжал и вернулся в спальню.

– Посмотрим, – сказал он папе. – Надеюсь, повязка поставит тебя на ноги.

Пристроить повязку папе на лоб оказалось куда как непросто. Папа лежал спиной, но Уле-Александр всё-таки сумел вскарабкаться на него и прилепить повязку. Волос у папы на голове не так уж много, наверно, он всё-таки почувствует, что его лечат.

Папа почувствовал и проснулся.

– Что такое? – сказал он и сел в кровати. Повязка смотрелась как маленький ночной колпак. Но вид у папы был такой сердитый, что Уле-Александр даже струхнул. По счастью, мама тоже проснулась и переводила взгляд с папы на Уле-Александра и обратно.

– Это что? – спросила она.

– Ты разве не видишь, что я доктор? – удивился Уле-Александр. – Даже главный врач. Я делаю обход, а вы даже не подумали лечь ровно, чтоб мне удобно было. Но у папы по игре высокая температура.

Мама снова взглянула на папу и расхохоталась. Он от этого нахмурился пуще прежнего, но мама нашлась – достала из ящика своей тумбочки карманное зеркальце и протянула его папе, он как посмотрел на себя, так и сам рассмеялся.

А мама сказала:

– Раз уж мы всё равно проснулись, залезайте сюда и садитесь между нами, как будто сегодня воскресенье.

Кроху вытащили из её кровати, они устроились все рядышком и затеяли беседу, но внезапно Уле-Александр спросил:

– А завтрак нам скоро принесут?

– Сейчас встанем, и я накрою стол, – ответила мама.

– Я привык, что мне приносят завтрак в кровать, – объяснил Уле-Александр.

– У-у, поняла. Но теперь ты дома, если у тебя сил мало, поешь за столом, а потом полежи, – посоветовала мама.

Во время завтрака почтальон принёс письмо, и папа пошёл его забрать.

– Это тебе, Уле-Александр, – сказал он удивлённо. – Что бы это могло быть?

Ты помнишь сестру Алфхильд? Ту, что забыла сфотографировать глаза Уле-Александра? Так вот, глазами она не ограничилась – на снимках, которые она теперь прислала Уле-Александру, было хорошо видно и его и старика Мартина.

– Ну зачем вы посмотрели, – расстроился Уле-Александр. – Это был вам подарок на Новый год.

– Во-первых, мы ничего не рассмотрели, ты сразу вырвал снимок, – сказал папа. – А во-вторых, до Нового года ещё так далеко, что я точно всё забуду. Но мне пора на работу, счастливо оставаться.

– Я тебе в окно помашу! – сразу сказал Уле-Александр.

Он махал долго-долго, пока папа совсем не скрылся из виду, а тогда слез с подоконника и задумался – чем же теперь заняться? Странно, конечно, но ему захотелось обратно в больницу.

В дверь позвонили. Мама открыла – а там Ида с Монсом.

– Можно нам войти? – прошептала Ида.

– Конечно, – сказала мама тоже тихо, – вы его так ждали, еле дождались.

Ида кивнула, и они на цыпочках, крадучись двинулись по коридору. Монс запнулся о галошу.

– Тсс, – шикнула на него Ида. – Что нам тётя Петра говорила? Мы должны вести себя тихо и совсем не шуметь, потому что Уле-Александр был очень болен.

– Помню, – шепнул в ответ Монс, – я только о том и думаю.

Тут в коридор вышел сам Уле-Александр. О, как же он им обрадовался!

– Здравствуй, Уле-Александр Тилибом-бом-бом! – сказала Ида вежливо. – Как твоё здоровье?

– Доброе утро, Уле-Александр, – сказал Монс. Они замолчали и только смотрели на него во все глаза.

– Какие-то вы странные, – удивился Уле-Александр, – но заходите.

– Нам нельзя шуметь, – объяснила Ида.

Потом они с Монсом принесли по стулу, садиться не стали, но почему-то хором сказали «пожалуйста».

– Это вы к чему? – недоумённо спросил Уле-Александр.

– Я принесла тебе стул, чтобы ты отдохнул, ты же болеешь. Пожалуйста, садись, – сказала Ида.

– И я так же, – добавил Монс.

– Я лучше сяду на лошадку! – ответил Уле-Александр, залез в седло и стал качаться.

Ида недоверчиво посмотрела на него.

– В больнице очень страшно было? – наконец спросила она едва слышно.

– Нет, – сказал Уле-Александр. – Но я узнал там много важного. Вы, бедные, об этом и не слыхали.

Уле-Александр, пройдя больницу, чувствовал себя умудрённым опытом. Монс с Идой там ещё не бывали, что с них возьмёшь.

– Ты там плакал всё время? – уважительно спросила Ида. – Я бы точно ревела.

– Нет, конечно, – ответил Уле-Александр. – В больнице всё как дома – иногда всё отлично, а иногда всё не так.

Это он хорошо сказал, правильно.

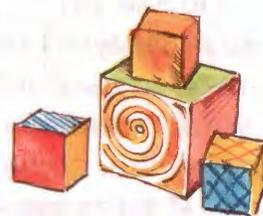
БОЛЬНИЧНАЯ СКОРОГОВОРКА

Тебя в больницу привезли? Не бойся и не плачь!
Теперь возьмётся за тебя ужасно умный врач.
И даже если всё болит, на помощь он примчится
И, словно доктор Айболит, расскажет, как лечиться.

В больнице все к тебе добры и всё тебе несут
И называют молодцом за каждую таблетку.
И все хотят, чтоб ты окреп и начал кушать суп,
И запеканку, и пюре, и вкусную котлетку.

И скоро сможешь ты сидеть
И даже рисовать.
Раскраски, кубики, медведь
Придут к тебе в кровать.

Уколы – это не пустяк, и каждая сестрица
Вам скажет, что и взрослые дрожат при виде шприца.
А дети этих процедур боятся как огня,
Едва завидят медсестру – «Ой, хоть бы не меня!»

Но знаешь, лучше поскорей покончить с этим делом:
Считать умеешь? Раз-два-ой! – и всё уже прошло.
Потом расскажешь во дворе, как был ты самым смелым,
Как ты не плакал и не ныл, хоть было тяжело.

Тому влетела муха в глаз,
Того кусали пчёлы...
«Ха! – скажешь ты, – да мне сто раз
Пришлось терпеть уколы!»

В кроватке мягкой ты лежишь, ухожен и умыт,
Попросишь – нянечка тебя горбушкой угостит.
И все хотят, чтоб ты окреп и стал ходить ногами
И поскорей, и поскорей домой вернулся к маме.

В больнице много детворы, и сёстры так добры,
Они бесшумно семенят, чтоб малыши поспали...
И непременно у тебя появятся друзья –
Друзья, с которыми нельзя проститься без печали.

· Когда отправишься домой,
Соседям помаша
И всем здоровья пожелай
Всерьёз и от души!

КТО ПЕРВЫЙ ОДЕНЕТСЯ?

У ле-Александр вернулся домой много-много дней назад и уже не скучал по больнице. Он сходил туда несколько раз проведать старика Мартина, тот держался молодцом, солёного не ел и уже почти поправился.

И Андерса Уле-Александр тоже навещал. Андерс очень радовался, что мама и Уле-Александр его не забывают. И вскоре выздоровел, за ним приехала мама и увезла его домой. На прощание Ида, Монс и Уле-Александр нарисовали ему по рисунку каждый, Андерс был в восторге и пообещал, что повесит все три над своей кроватью.

В первые дни после возвращения Уле-Александр выходил подышать воздухом ненадолго, но теперь он окреп, набрался сил и гулял на улице от завтрака до обеда. И аппетит у него тоже окреп, мама только смеялась и говорила, что Уле-Александра, видно, две недели не кормили.

Так что всё у него было хорошо, только одно портило ему настроение – необходимость каждое утро снова одеваться. Как раз по утрам совершенно не до того. Во-первых, он не видел своих игрушек всю ночь. Во-вторых, с Крохой тоже надо поиграть. И ещё сбегать на кухню повозиться с Пуфом в его корзине, потому что Пуф это обожает. А на кухню как зайдёшь, непременно захочется выдвинуть ящик шкафа, потому что в нём лежит штука для взбивания. Вы думаете, она сломана и не работает? А вот и нет! Уле-Александр быстро крутит ручку, и венчики тоже крутятся!

– Уле-Александр, оденься, пожалуйста, – напомнила мама. – Одежда лежит рядом с кроватью.

– Угу, – ответил Уле-Александр и совсем было пошёл одеваться, но застрял в гостиной.

Он залез под стол, там получается настоящий домик, и когда между ножками смотришь, это прямо как будто окошки. А в ванной брился папа и насвистывал, пришлось Уле-Александру посвистеть с ним на пару. И у него впервые получились два разных звука, раньше всегда высвистывался только один. Но каким образом папа выводит целые мелодии, оставалось загадкой.

– Ты оделся?! – крикнула мама.

Уле-Александр вылез из-под стола.

– Нет, не могу найти одежду.

– Я же тебе сказала: она лежит на стуле рядом с кроватью, где обычно.

– Понятно, – откликнулся Уле-Александр и действительно пошёл в спальню.

А там – две родительские кровати, и обе не застелены, кувыркайся не хочю. Обычно-то на них покрывала, гладко выровненные, на них не поскачешь. Уле-Александр решил нырнуть в кровать, как в воду, головой вперёд. Он нагнул голову и так застыл, очень уж здорово оказалось стоять, уткнув голову в колени. Но тут в дверях появилась мама.

– Когда отсюда смотришь, у тебя очень странное лицо, – сказал Уле-Александр.

– Мы не будем сегодня завтракать вместе с папой? – спросила мама. – Он уже уходит собирается, а ты никак не оденешься. Знаешь что, я беру твою одежду на кухню, там я хоть тебя вижу.

– Ладно, – проворчал Уле-Александр и пошёл за мамой следом.

– Для начала сними пижаму, – сказала она.

– Уже снимаю.

Он снял штаны, наступая на штанины, и расстегнул первую пуговицу пижамной кофты, но случайно взглянул в окно, а там порхала птичка!

– Ой, это она прилетела из самой Африки, чтобы пожить в Норвегии? – спросил Уле-Александр.

– Нет, – сказала мама, – это воробей, он живёт здесь и зиму, и лето. Ты не мог бы поднять штаны с пола? У нас не принято подметать его пижамами.

– А куда их тогда положить?

– На стул.

– А-а, – кивнул Уле-Александр.

Мама помогла ему расстегнуть последнюю пуговицу и сказала:

– Я пойду одену Кроху, а ты будь умницей и оденься сам к нашему приходу.

– Конечно, – кивнул Уле-Александр и взял в руки одёжку. «Интересно, а я могу запрыгнуть на столешницу? – подумал он. – Надо посильнее разбежаться и прыгнуть. Сейчас футболку надену и попробую». Но не тут-то было, футболка не желала надеваться. Уле-Александр пыхтел и пыжился, но рукава у этой футболки пришили так близко один к другому, что Уле-Александр стоял, вытянув руки вверх, и бодался с воротом, пытаясь высунуть голову.

- Мама! – крикнул Уле-Александр.
- Мама прибежала из спальни:
- Что случилось?
- Это неправильная футболка. Она вообще не надевается.
- Ещё бы. Это не футболка, а трусы, конечно, они через голову не надеваются.
- Ой, – удивился Уле-Александр, – то-то я и смотрю.
- Вот и я смотрю, что ты думаешь о чём-то другом.
- Да, а знаешь о чём? Смогу я запрыгнуть на кухонный стол или нет? Если хорошенько разбежусь?
- Ты для начала оденься, – посоветовала мама. – А потом уже пробуй.

На этот раз Уле-Александр был большой молодец и надел на себя и трусы, и майку, и штаны с рубашкой, но мама с порога сказала так:

- Умница, Уле-Александр, только рубашку наизнанку надел, так что придётся её снять и вывернуть.
- Угу, – кивнул Уле-Александр. Но, пока он стягивал рубашку, в голову пришла неожиданная мысль. «Странно, – подумал Уле-Александр, – что я родился самим собой, а не другим каким-нибудь мальчиком. Вот это был бы номер. Только ничего б не вышло, потому что я хочу быть самим собой».

За этими размышлениями он машинально снял с себя не только рубашку, но и футболку, штаны и трусы и снова стоял посреди кухни голяком, погрузившись в свои думы.

В кухню вошёл папа:

– Ой, сынок, ты всё никак не оденешься? Поторопись, раз-два – и готово. Мы садимся за стол через пять минут, и если ты уложишься в это время, то успеешь ещё прогуляться со мной, я выйду перед работой с Пуфом в парк.

Уле-Александра как подменили. Он внимательно смотрел, что берёт из кучи, надевал всё быстро, застёгивал правильно, так что, когда пришла мама с Крохой, он встретил её при полном параде.

Пока Уле-Александр жевал свой завтрак, он думал, сколько бы он всего интересного успевал, если б не надо было тратить время на одевание. И придумал одну хитрость, да такую отличную, что теперь главное было не забыть её.

Монс и Ида только диву давались, как странно вёл себя Уле-Александр в тот день. Стоило им заиграться, как он садился и говорил с умным видом:

– Главное, мне кое-что не забыть, – и ничего не объяснял, только шурился хитро.

Вечером к ним в гости зашли тётя Марен и тётя Лиза, и Уле-Александр забеспокоился, как теперь будет с его великолепной идеей. Как ему удастся осуществить её, если они наверняка захотят все зайти к нему перед сном пожелать спокойной ночи? Но надо ему как-то вывернуться, тогда завтра утром мама будет очень рада, что сынок её так быстро оделся.

Когда подошло время ложиться спать, Уле-Александр сказал:

– Я пошёл в душ, а потом сразу в кровать.

– Ничего себе, – восхитилась тётя Марен, – какой молодец! Вам даже уговаривать его не надо. Раньше он увиливал и не ложился как можно дольше.

– Да нет, укладываться он не спешит и сейчас, но сегодня, видно, очень устал. Уле-Александр, надень пижаму и потом зайди к нам попрощаться.

Уле-Александр захватил из спальни пижаму и пошёл в душ. Но тут и начинается хитрость – одежду он снимать не стал. Наоборот,

скинув ботинки, он натянул пижаму поверх штанов и свитера. Потом сполоснул лицо, руки и почистил зубы.

Зеркало висело высоко над раковиной, пришлось Уле-Александру вскарабкаться на табуретку.

Да уж, вид не очень. Толстая сарделька в пижаме. Они сразу поймут, в чём дело, и не удастся ему завтра сделать маме сюрприз. Но Уле-Александр тут же нашёл выход из положения. В ванной висел мамин халат. Можно надеть его поверх, и никто ничего не заметит.

Халат оказался замечательный – он волочился за Уле-Александром по полу как королевская мантия. И Уле-Александр, чувствуя себя настоящим королём, с гордо поднятой головой вошёл в кухню.

– О, – сказала тётя Марен, – вот это красота.

– Мне самому нравится, – кивнул Уле-Александр. – Всем спокойной ночи.

– А мы не зайдём сказать тебе «спокойной ночи», когда ты ляжешь? – спросила тётя Лиза.

– Нет, лучше не надо, – торопливо вставила мама. – Ещё Кроху разбудим, а сейчас бы не хотелось.

– Лучше не надо, – сказал и Уле-Александр, помахал всем рукой и пошёл в спальню. Скинул мамин халат и залез под одеяло. Он натянул его чуть не до носа, потому что мама наверняка сейчас зайдёт.

Ох, ну и жарница! Так жарко ему ещё не бывало. Он приподнял край одеяла и стал проветривать.

Поскорей бы уже утро, думал он, а то зажарюсь. Зато сколько я всего успею до завтрака. Может быть, даже прогуляюсь. Нет, чтобы гулять отпустили, надо съесть завтрак. Ну и ладно, найдётся немало других интересных занятий.

Пришла мама, Уле-Александр быстро накрылся одеялом.

– Спокойной ночи, – сказала она. – Всё в порядке?

– Всё отлично, – ответил Уле-Александр, – спокойной ночи.

А мы завтра рано встаём?

– Скорей всего, да. Приятных снов, – сказала мама и ушла, а Уле-Александр немедленно задрал ноги и держал одеяло на весу, высоко над собой. Но это непростое дело, Уле-Александр быстро устал, да и спать хотелось. Если б не было так жарко, он бы уже заснул, но ничего не попишешь. Он накрылся одеялом и представил, что уснул на льдине, а может, просто вышел зимой пройтись в пижаме и босиком. Мороз до костей пробирает, даже хорошо, что одеяло тёплое.

В конце концов он сморился и уснул, а во сне, конечно, отшвырнул одеяло. Когда пришли родители и зажгли ночник, их мальчик спал без одеяла и был весь потный и в испарине. Папа взял его за пятку, он хотел сунуть ногу под одеяло, и вдруг сказал:

– Угадай, что я нашёл?

– Что? – спросила мама.

– Носки, – ответил папа. – Твой сыночек спит в носках.

– Ой, – взмахнула руками мама. – Он лёг спать в носках?!

– Ага, – ответил папа, бережно стягивая их с Уле-Александра. – Ну и толстый он стал.

– Ничего подобного, – ответила мама почти с обидой. – Он как раз в меру.

– Э-э, – неуверенно сказал папа. – Знаешь, я ещё кое-что нашёл. Он спит в штанах.

– Ну не выдумывай.

– А я и не выдумываю, – сказал папа и расстегнул на Уле-Алекса́ндре пижамную кофту.

– О, да здесь ещё и свитер. Он тоже надет на вашего мальчика, мамочка.

– Так он что же, надел пижаму поверх одежды? Вот хитрюга, – сказала мама.

И они сняли с него всю лишнюю одежду. Уле-Александр недовольно бурчал, потому что никто не любит, когда ему спать мешают. Но он не проснулся, только отмахивался от надоедливых родителей, и утром ничего из этого не помнил. Зато он отчётливо

помнил, как он решил родителей удивить, и, с трудом дождавшись, пока они приоткроют глаза, спросил:

– Спорим, я оденусь за полминуты?!

– Не успеешь, – протянул папа.

– Сейчас увидишь. Раз, два, три! – крикнул Уле-Александр и стал расстёгивать пижаму. – Ой...

Он даже пальцем в себя потыкал, не в силах поверить, что на нём нет его вчерашней одежды. Огляделся кругом. Одежда аккуратной стопкой лежала на стуле, на нём была только пижама. Мама с папой спрятались под одеяло.

– Обманщики! – крикнул Уле-Александр и кинулся к папиной кровати. Сейчас он папе задаст, пусть не прячется, и маме тоже.

– Зачем вы меня раздели? Я хотел быстро одеться, чтобы вы меня не подгоняли, а вы всё испортили!

Уле-Александр приподнял край одеяла, чтобы ухватить папу, но этот жулик сполз в самый низ кровати и теперь высунул голову с другой стороны.

– Ой-ой-ой, – заверещал он, – боюсь, боюсь.

Это было так смешно, что Уле-Александр рассмеялся, хотя и сердился. Тогда и мама осторожно высунула голову из-под одеяла.

– Так ты поэтому чуть не зажарился ночью? – спросила она.

– Да, потому что ты всегда ругаешь меня, что я медленно одеваюсь. И теперь опять начнёшь.

– Хорошо, одевайся столько времени, сколько тебе нужно, – сказала мама. – Понимаешь, мы дышим не только носом, но и всем телом. А когда на тебе одежда, пижама, да ещё одеяло сверху, тело не дышит, а это нехорошо.

Уле-Александр был безутешен, он горевал, что его прекрасный план провалился. И тут папа как закричит:

– Кто первый оденется, тот решает, что у нас будет на обед!

Уле-Александр заторопился. Он выскользнул из пижамы и стал быстро-быстро одеваться.

Папа тоже поднажал, но он залез так глубоко под одеяло, что очень долго не мог выбраться.

В этот день дома у Уле-Александра на обед были блинчики. Угадай, кто победил?

ЭТИ БЕДНЯГИ, БОЛЬШИЕ МАЛЬЧИКИ

Шли первые дни нового года, и Уле-Александр поздравлял всех прохожих. Кого ни встретит на улице, каждому кивнёт и скажет:

– С Новым годом!

А иной раз вместо этого он говорил, повторяя за взрослыми:

– И спасибо старому, – и делал очень хитрое лицо. На самом деле взрослые хотели сказать «спасибо старому году», но недоговаривали «году», и Уле-Александр делал точно так же.

Папа занялся своими делами и открыл два перекидных календаря – старый и новый. В старом все странички были исписаны вдоль и поперёк, скручены, замяты и серого цвета. А в новом сияли, нетронутые и аккуратные.

– Странно, – сказал папа. – Все дни нового года уже лежат перед нами, но мы ничего пока о них не знаем.

– А я бы хотел знать, – сказал Уле-Александр, – чтобы уже ни о чём не волноваться.

– Ну нет, – не согласилась мама. – Представь, ты бы знал, что во вторник на следующей неделе упадёшь и больно разобьёшь коленку. Ты бы уже начал грустить и огорчаться. По-моему, как сейчас – гораздо лучше. Мы живём день за днём, если он выдался хороший – радуемся, а если плохой, то хотя бы не переживаем по этому поводу заранее.

– Зато точно известно, каким будет день сегодня, – ответил Уле-Александр. – Сейчас я зайду за Идой, и мы пойдём к Монсу играть в магазин. Мы так вчера играли, но не наигрались. Ида

была продавщица, а Монс – таким ящиком с деньгами и сдачей, который стоит на прилавке.

– Мне пора идти, – сказал на это папа. – Увидимся за ужином. Чур с тебя рассказ, каким был день сегодня – точно как ты думал или не совсем таким.

Уле-Александр быстро оделся и уже собирался бежать к Иде, как вдруг из гостиной раздался громкий крик. Он на минуту стих, а потом загремел с новой силой. Вопила Кроха. Мама с Уле-Александром бросились на выручку. Вбежав в гостиную, они увидели, что со стола всё сметено, скатерть на полу, кругом черепки разбитых тарелок, сыр отлетел к пианино, перевёрнутая маслёнка прилипла к стулу, и всё усыпано скорлупой. Под скатертью кто-то дёргался, дрыгался и отчаянно вопил. Кроха, понятное дело.

Не мешкая мама сдёрнула с неё скатерть, чтобы посмотреть, всё ли в порядке.

– Думаешь, её чем-то стукнуло? – со страхом спросил Уле-Александр.

Но сколько они Кроху ни осматривали, ни одной шишки не увидели.

– Она, к счастью, не ушиблась, но очень напугалась, – сказала мама. – Доченька, скатерть нельзя стягивать, понимаешь?

– А-а-а-а! – кричала Кроха.

– Кроха, подумай о соседях, – напомнил Уле-Александр. – Нельзя так шуметь рано утром.

Но Крохе было не до того, чтобы думать о соседях. Она кричала и не могла остановиться.

– Остаётся музыка, она всегда помогает, – сказал Уле-Александр. – Мама, садись за пианино. Ты будешь играть, я выводить красивые трели, а Кроха стучать ладошками по басам, она это обожает.

Мама обречённо взглянула на разор в комнате и сказала:

– Она сама не своя, видно, очень напугалась. Сейчас её словами не убедишь.

Она села за инструмент, посадила Кроху себе на колени и заиграла. После каждого куплета Уле-Александр выводил красивую трель, а Крохе давали надавить на басы обеими ладошками два раза.

– На полу сидела Кроха
И сопела грустно:
В доме было слишком тихо,
В животе невкусно.

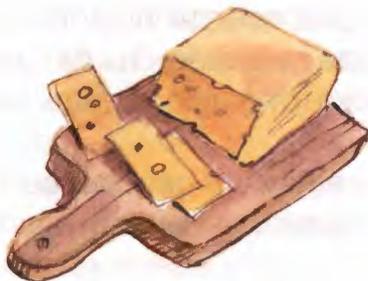
«Эх, добраться б до стола, –
Размечталась Кроха, –
Я бы время провела
На столе неплохо!»

Стол высокий, словно горка,
Но весёлая скатёрка
Со стола спустила край:
– За меня держись давай
И вставай... Ай!

Захотелось и скатёрке
Погулять, бедняжке.
На скатёрке едут с горки
Блюдечки и чашки,

Колбаса, и сыр, и джем,
И в тарелке каша...
Интересно стало всем:
Где же Кроха наша?

Под весёленькой скатёркой
С очень миленькой оборкой.
Мы пошли на крик и вой
И нашли её живой,
Вот такой... Ой!

Кроха смеялась до икоты. Мама принесла манеж и посадила в него Кроху. Она немедленно снова заплакала, потому что ей хотелось играть со всеми на пианино, а не сидеть одной в манеже. Но мама сказала:

– Фрёкен, ведите себя тихо, пожалуйста.

– Будьте так любезны, – сказал Уле-Александр.

– Зны, – повторила за ним Кроха и разразилась длинной речью, из которой ни мама, ни Уле-Александр не поняли ничего.

Уле-Александр тем временем собрал всё, что разлетелось по комнате, мама принесла веник и совок, и в четыре руки они быстро навели чистоту и порядок.

Уле-Александр взял флейту, свой прекрасный рождественский подарок, и собрался уходить.

– Я уже могу идти?

– Да, – ответила мама. – Ты берёшь флейту с собой?

– Ага. Я играю на ней каждый раз, как в магазин входит покупатель, – объяснил Уле-Александр и сыграл несколько нот. Это он сделал напрасно, потому что теперь примчался Пуф и стал скакать – просить, чтобы Уле-Александр взял его с собой.

– Я никак не могу, – оправдывался Уле-Александр, – ты нам весь магазин разломаешь.

– Лучше я попозже выпущу его погулять, – сказала мама. – Пока!

«Зато дальше день пойдёт, как я рассчитывал», – сказал себе Уле-Александр, спускаясь по лестнице. Он позвонил в дверь Иды.

– Собирайся скорее, – с порога заторопил он Иду. – Идём к Монсу, ты опять будешь продавщица.

– Я не могу, – сказала она, – мне надо гулять с коляской. Детям необходим свежий воздух.

Иде подарили на Рождество кукольную коляску, и она уже сложила в неё всех своих пупсов и куколок.

– И незачем так важничать только потому, что у тебя есть какая-то замурзанная коляска.

– Я не важничая, а коляска не замурзанная, как ты говоришь, а мамина. Она играла в неё в детстве, теперь тётя Петра её заново покрасила и расписала, и колясочка как новенькая.

– Ладно, ладно, бери её с собой. Но мы должны играть сегодня в магазин, мы Монсу вчера обещали.

Но дверь им открыла его мама.

– Нет, нет, Монс сегодня гулять не выйдет, он простужен и болеет, – сказала она. – Вчера пришёл с прогулки заочеченевший, он очень долго стоял на одном месте без движения.

– Да, – кивнул Уле-Александр. – Монс вчера был кассой, а они целый день стоят на прилавке без движения.

– Я передам Монсу привет от вас, – сказала его мама, – но, пожалуйста, не играйте сегодня у нас под окнами, а то Монс выскочит из кровати и побежит на вас смотреть. А ему надо лежать, иначе он долго не поправится.

– Ну вот, – сказал Уле-Александр Иде. – Что же нам делать? Обидно получилось.

– Мы пойдём на прогулку, – ответила Ида, толкая перед собой коляску в сторону ворот.

– Прогулку, прогулку, – сердито бубнил себе под нос Уле-Александр. Он шёл далеко позади Иды, заложив руки за спину, чтобы выглядеть ещё более сердитым. Шагал широко, но медленно и степенно, как ходят взрослые мужчины. И он уже придумал, во что бы поиграть.

– Ты почему отстаёшь? – спросила Ида.

– Я кое-что придумал, – сообщил Уле-Александр. – Давай играть, что я полицейский, а ты спрашиваешь у меня дорогу.

– Хорошо, – кивнула Ида, – я пошла.

Она быстро покатила вперёд коляску, а Уле-Александр неспешно двинулся в обход квартала. Проходя мимо магазинов, он ненароком рассматривал своё отражение в витрине. Вылитый полицейский, ничего не скажешь.

Вдруг он уткнулся в мужчину, спешившего ему навстречу.

– Молодой человек, ты, похоже, спишь на ходу. Надо же смотреть, куда идёшь.

– Простите, – ответил Уле-Александр. – Я задумался.

Мужчина пробормотал что-то неразборчивое и торопливо зашагал дальше.

– Он, видно, не понял, что перед ним полицейский, а то бы говорил со мной не так сердито, – вздохнул Уле-Александр.

Ида стояла на углу и ждала его.

– Господин полицейский, вы не подскажете – как пройти в парк? На улице такой шум, что дети не могут заснуть.

– Я вас с удовольствием провожу, – ответил Уле-Александр. – Нам по пути, я тоже собирался в парк. Хочу проверить, всё ли там в порядке.

Уле-Александр больше не ходил в прогулочную группу, но ему захотелось зайти поздороваться с прогулочной няней.

– Я поднимусь вон на тот холм, – сказала Ида.

– Сейчас тебя догоню, – пообещал ей Уле-Александр. – Только проверю, как там ребята гуляют.

Прогулочная няня очень обрадовалась Уле-Александру, и многие из ребят тоже подошли поздороваться.

– Ты не можешь вернуться в группу на следующий год? – спросил Малыш Пол.

– Нет, я не могу, я в школу иду, – ответил Уле-Александр. – Но наверняка моя сестрёнка скоро к вам придёт.

– Она тоже всегда что-нибудь выдумывает? – спросил Малыш Пол.

– Ещё как! Сегодня, например, она стянула скатерть со стола, и весь завтрак грохнулся на пол, – гордо сообщил Уле-Александр.

– А сколько ей уже? – спросила прогулочная няня.

– Скоро год, – ответил Уле-Александр.

– Ты очень вырос и повзрослел, – заметила няня.

– Время быстро идёт, – по-взрослому ответил Уле-Александр, заложил руки за спину, сказал: – Честь имею! – и откланялся; он

снова стал полицейским. Вдруг ему показалось, что он слышит голос Иды. И что она кричит. Уле-Александр сорвался с места и припустил во все лопатки. Что там стряслось? За всеми нужен глаз да глаз.

Как ты помнишь, Ида ушла вперёд. Она поднялась на холм – там было прекрасное поваленное дерево, на котором так удобно пеленать игрушечных младенцев. Ида достала своих детей из коляски и приступила к делу. С другой стороны холм круто обрывался вниз. Здесь с коляской не пройдёшь, решила Ида, вернусь обратно прежней дорогой. Только малышей перепеленаю.

За этими хлопотами она не заметила, как на холм поднялись двое больших мальчиков. Вид у них был скучающий.

– Сегодня заняться нечем, – сказал один. – Ни на лыжах не походишь, ни на санках не покатаешься.

На глаза им попалась игрушечная коляска на вершине холма.

– Интересно, – сказал один, – как эта штуковина по крутому склону поскачет.

– Пойдём столкнём её и посмотрим, – откликнулся второй.

Ида как раз переодевала последнюю куклу, когда увидела, что мальчишки схватили коляску и собираются спустить её с обрыва.

– Это моя коляска! – закричала она. – Сейчас же поставьте на место!

– Мы вернём, – ответил один. – Это болид для скоростных спусков, сейчас сама увидишь.

– Полиция! – закричала Ида. – Полиция!

Коляска покатились под горку. Сперва устойчиво и ровно, но потом начала подпрыгивать и шататься. И тут же влетела в дерево. Трах-тарарах – полный крах. Коляска перевернулась, все пупсы рассыпались кто куда.

– Забавно, – сказал один из мальчишек. – Тащи её снова наверх, попробуем ещё раз.

Ида от ярости и злости шипела на парня, который остался на вершине холма. Но вдруг громко сказала:

– А теперь уматывай, вон моя полиция идёт.

Парень струхнул, но, когда увидел, о каком полицейском речь, так захохотал, что чуть живот не надорвал. Уле-Александр запыхался, он бежал всю дорогу, но теперь заложил руки за спину и неспешно поднимался по холму. Прежде чем говорить, надо отдышаться, так он решил.

– Что здесь происходит? – спросил он самым густым басом, каким только мог.

– Не лезь не в своё дело. Мы играем в коляску, вот и всё.

Тут как раз второй парень притащил наверх коляску, но куклы так и остались валяться по всему склону, их он собирать и не подумал.

– Куртка серая, брюки коричневые, – сказал Уле-Александр. – На вид приятный, а на самом деле неизвестно.

– Ты чего ерунду болтаешь? – спросил парень.

– Приметы запоминаю, как ты выглядишь, – сказал Уле-Александр. – Теперь второй – синий свитер, красный шарф. Не знаю, приятный ли он, я с ним ещё не говорил.

– Что он к нам пристал? – спросил второй парень.

– Представь себе, я сегодня полицейский, – ответил Уле-Александр. – Мне надо знать точно, как вы выглядите. А то арестую не тех, а это не положено.

Мальчишки стали перешёптываться, вид у них был сердитый. Уле-Александр даже забыл, что он полицейский, потому что мальчишки большие и, если полезут драться, им с Идой несдобровать.

Что делают в таких случаях полицейские? О, вспомнил наконец Уле-Александр, они свистят! Надо ему дать сигнал на флейте. Помочь им это не поможет, но хотя бы большие мальчишки поймут, что опыт у него есть.

Уле-Александр что было сил задудел на флейте. Мальчишки изумлённо оглянулись на него и зашептались быстрее.

– Видишь? – спросила Ида. – Играй ещё!

Что-то чёрное летело к ним со скоростью молнии. Это на зов примчался Пуф! Уле-Александр страшно обрадовался и обнял его за шею двумя руками. И Ида тоже.

– Это ваш? – спросили мальчишки. – Он злой?

– С нами не злой, он нас знает, – сказал Уле-Александр. – Он вообще не очень злой. Но если мы ему расскажем, что вы трогае-те новую коляску Иды, тогда он рассвирепеет. Хотя мы не любим ябедничать.

– А который час? – спросил один мальчишка другого. – Нам не пора домой? Ужинать!

– Да, как раз пора, – ответил второй. – Не очень-то и хотелось играть в вашу коляску. Спасибо за прокат.

И они ушли.

Ида тут же побежала собирать своих кукол, уложила их в коляску, по счастью не разбившуюся, и они с Уле-Александром вприпрыжку помчались домой.

За ужином папа спросил:

– Да, Уле-Александр, так день получился таким, как ты думал?

– Совсем нет, – ответил Уле-Александр. – Теперь дни вообще не будут, как прежде, потому что я больше не пойду гулять. Там большие мальчишки.

– Ты, кстати, знаком со многими очень хорошими большими мальчиками, – сказала мама в ответ. – Помнишь того мальчика на ёлке? И у нас в доме их много, да и вообще вокруг.

– Мама, а ты можешь с ними поговорить? Я запомнил их приметы.

– Нет, – сказала мама, – какой мне смысл ловить их? Они, видно, скучают и не знают, чем себя занять, раз развлекаются такими глупостями.

– У-у, – задумчиво протянул Уле-Александр, – об этом я не подумал.

– Но одно я готова сделать, – продолжала мама. – Научить моего сына не обижать младших, чтобы, когда вырастет, он не вёл себя как эти мальчишки.

– Тем более твоего сына не надо этому учить, он уже всё сам знает, – ответил Уле-Александр.

– Да, – кивнул мама, – уже знает.

– Бедняги эти большие мальчики, так сильно мучаются от скуки, – сказал Уле-Александр.

ЛЕТНЯЯ СТРИЖКА

– Ох, как у тебя волосы отросли! – сказала мама. – Тебе давно пора постричься, тем более ты завтра приглашён на праздник к Иде. Но вот беда, сегодня я никак не могу сходить к парикмахеру с тобой.

– А нельзя мне перед праздником просто побрызгать их такой папиной пшикалкой, от которой волосы хорошо лежат, и пригласить? – предложил в ответ Уле-Александр.

Завтра он пойдёт к Иде на день рождения. Хорошо бы она позвала только их с Монсом, но, кажется, гостей будет гораздо больше. Шесть человек, сказала Ида. А она плюс Монс плюс Уле-Александр – это трое. Значит, придут ещё трое. Уле-Александр их не знает, но Ида дружила с ними, пока сюда не переехала. Интересно, какие они окажутся.

Мама на кухне гладила бельё. Рядом стояла большая корзина, и мама брала из неё то одно, то другое. И Кроха была тут же, стояла в манеже и стучала по бортику. Похоже, все были при деле, один Уле-Александр ходил без работы.

Он снова вернулся в спальню. Над комодом висело очень большое зеркало, его мама повесила. Уле-Александр решил посмотреть, правда ли волосы стали слишком длинными. Странно, что они не могут просто лежать, как их причесали. Уле-Александр зачёсывает волосы набок, они ложатся аккуратно, в глаза не лезут, но стоит ему поиграть каких-нибудь пять минут, как волосы падают на лицо.

«Парикмахер – это интересная работа или не очень?» – подумал Уле-Александр, взял куклу Петру и посадил её в кресло перед зеркалом.

Мне нужен белый фартук, а Петре – полотенце на плечи, вспомнил Уле-Александр и побежал за ними в ванную. Нашёл мамин фартук, полотенце, прихватил огромные ножницы и бегом вернулся в спальню – Петра послушно сидела в кресле и спокойно его ждала.

– Здравствуйте, фрёкен, – сказал Уле-Александр. – Что будем сегодня делать? Стричься или бриться? Нет, вы ведь женщина, значит, бриться точно не будем. Но как вас постричь – подлиннее или покороче? Позвольте, положу вам на плечи полотенце. Вот так, хорошо. А мне нужно надеть фартук. Мы, парикмахеры, всегда работаем в белых фартуках. Ну вот, всё готово, начнём стричься. До чего у вас густые волосы! Даже ножницы в них путаются. Всё, одну сторону постригли. Получилось коротко, но не беда, волосы быстро отрастут.

Уле-Александр взглянул в зеркало. Вид у Петры был престранный – слева волосы короткие, как газон, а справа длинные.

– Теперь подстрижём со второй стороны, а то так нельзя ходить. Ну вот, хорошо. Теперь с двух сторон почти ровно, осталось затылок постричь. Вот и всё. Подождите минутку, смахну волосы с шеи, а то очень неприятно, когда они колются.

Уле-Александр взял мамину щётку для волос и поскрёб Петре затылок и шею сзади.

– С вас пятьдесят эре. Ничего страшного, можете заплатить в следующий раз. Это не проблема, всего доброго, до свидания.

Стрижка оказалась делом увлекательным, и Уле-Александр расстроился, что стрижь больше некого. А кстати, подумал он, кто стрижёт самого парикмахера? Наверняка он сам себе делает модную стрижку. Садится перед зеркалом, берёт в руки ножницы – и вперёд.

Уле-Александр посмотрел на ножницы, потом на себя в зеркале. Волосы очень длинные, ничего страшного, если он попробует

немножко их подровнять. Сначала чуточку подкоротит, совсем незаметно. А потом раз – и получится очень красивая стрижка. Уле-Александр взял ножницы и немножко обрезал волосы с одной стороны. Как он и думал – ничего не заметно. И совсем нестрашно. Глупо, что он постриг Петру, у неё волосы снова не вырастут, а жалко, они были такие красивые, чёрные, взлохмаченные. Теперь у неё совсем не тот вид, что раньше. Ладно, сейчас будем думать о другом – сейчас он пострижёт сам себя, и это точно дело неопасное: волосы у него растут так быстро, что мама только диву даётся.

Глаза боятся, а руки делают, подбодрил себя Уле-Александр. Надо провести пробор и начать с «короткой» стороны. Он стоял перед зеркалом и стриг себя, но дело шло туго, ножницы соскальзывали. Уле-Александр кромсал, кромсал и справился наконец. Жалко, что получилось ступеньками. Да и вообще, выглядела стрижка странно. Но Уле-Александр решил, что подровняет всё потом. Сейчас надо быстро постричь вторую сторону, а то отражение в зеркале довольно страшное, Уле-Александр аж сам испугался: половина головы голая, а на второй торчат во все стороны длинные волосы. У Петры вид был смешной, а у него ничуть.

Уле-Александр решительно оттянул чёлку и стал её стричь. Хоть не будет нос щекотать. Ой! Получилось слишком коротко и стоит торчком...

Просто не надо всё время в зеркало смотреть, решил Уле-Александр. Странной стрижка кажется с непривычки. Хотя за ушами действительно непорядок: клоки длинных волос, их надо убрать. Случайно Уле-Александр больно ткнул себя ножницами. Ой, надо поосторожнее. Да, вот так...

Уле-Александр всё-таки посмотрел на себя в зеркало. С одной стороны волосы явно длиннее, их надо подкоротить. Ой, перестарался – теперь слишком короткие стали...

– Уле-Александр! – позвала мама.

Он в ужасе взглянул на себя в зеркало. Что скажет мама, когда увидит его в таком виде? Уле-Александр кинулся в коридор, схватил шапку, поглубже натянул её и в таком виде вернулся в спальню.

– Чем ты тут занимаешься? – спросила мама, заглядывая в комнату. Вид у неё был весёлый и довольный. – У меня спина устала от глажки, всё время стою согнувшись, решила перерыв сделать.

– Так, разными делишками, – ответил Уле-Александр.

– Ты постриг Петру? Как жалко! У неё были такие красивые волосы.

– Я в парикмахера играл, – объяснил Уле-Александр.

– Вот оно что, – сказала мама. – Но знаешь, парикмахеры всегда после стрижки подметают с пола все волосы. Так что сейчас я дам тебе совок и веник и ты подметёшь, ладно? А что за светлые волосы тут? Уле-Александр, почему ты ходишь дома в шапке?

– Мёрзну, – ответил Уле-Александр. – Из окна сквозит, у меня прострел будет.

– Сними шапку, – сказала мама, – хочу посмотреть, как парикмахер сам выглядит.

Уле-Александр стянул с головы шапку. Теперь он стоял перед мамой со странной стрижкой на голове. Мама смотрела на него и ничего не говорила. Видно, она со страху разучилась говорить. Голова Уле-Александра была похожа на болото: здесь лысая проплешина, там кустик, здесь длинная былка.

– Знаешь, стричь самого себя трудно, оказывается, – сказал Уле-Александр наконец.

– Вижу, – ответила мама. – Ужас, ничего страшнее не видела. Иди теперь к парикмахеру, он посмотрит, что с этим можно сделать.

– Ты со мной не сходишь?

– Нет, я не могу оставить Кроху одну, и мне нужно догладить всё постиранное, у меня утюг горячий на кухне.

Уле-Александр снова натянул шапку пониже, взял деньги и пошёл в парикмахерскую. Сегодня он не скакал со ступеньки

на ступеньку, как делал обычно. О нет, он тащился медленно-медленно.

Вдруг какой-нибудь прохожий сдёрнет с него шапку?! Уле-Александр вцепился в шапку обеими руками и шёл так всю дорогу.

У парикмахера была большая очередь. Шапку Уле-Александр снимать не стал. В кресле сидел мужчина, всё лицо у него было покрыто мыльной пеной. Вот бы мне так, было бы смешно, подумал Уле-Александр, но парикмахер вдруг взял нож и стал пену соскребать. Фу, как противно. На это Уле-Александр точно не согласится. Он ждал свою очередь и смотрел, как парикмахер стрижёт других. Тот работал быстро, споро и при этом непрерывно разговаривал с клиентами. Казалось, он совсем не думает о стрижке, но так наверняка только казалось, потому что стриг парикмахер правильно, ровно и аккуратно, и все вставали с кресла очень красивые.

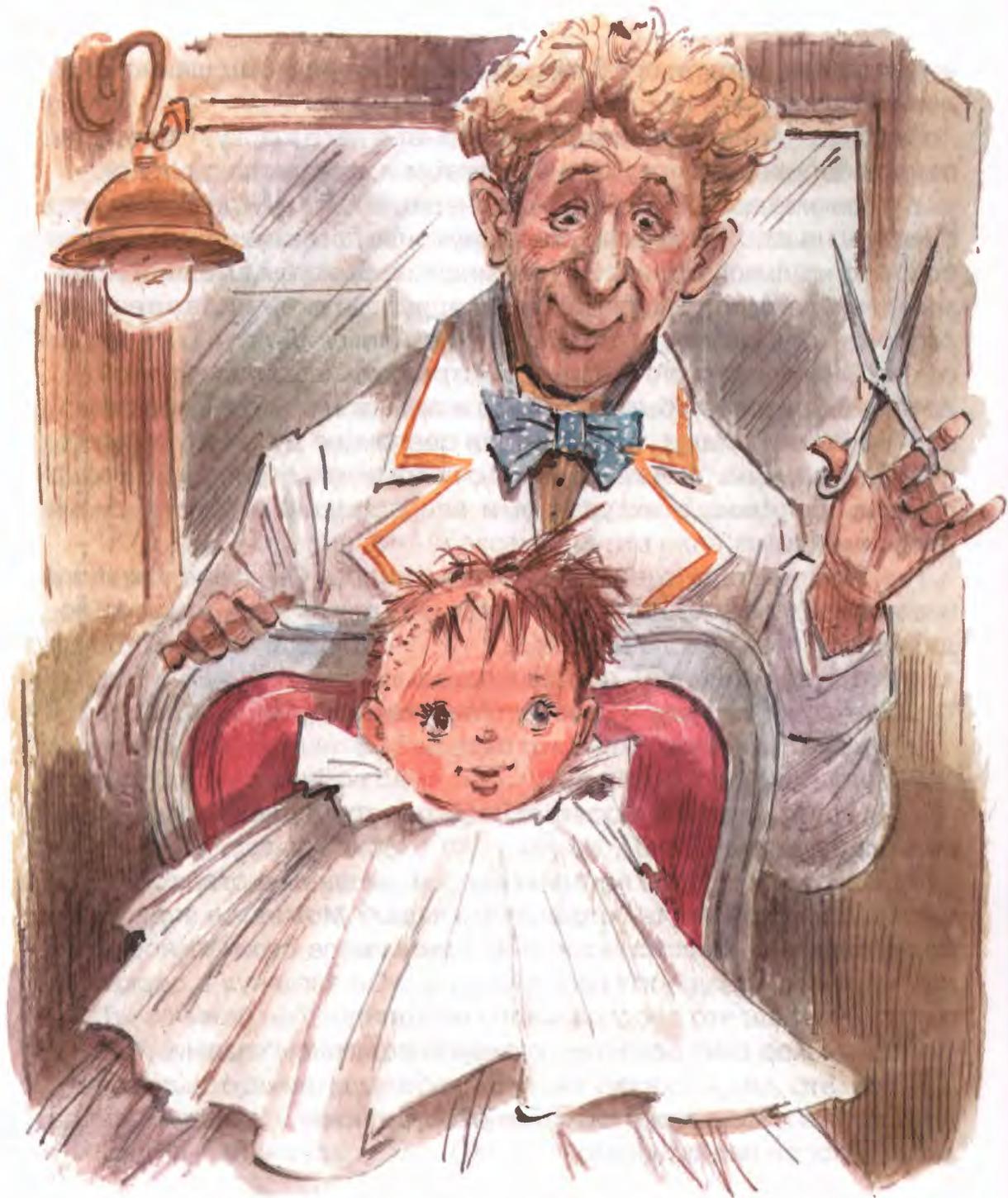
Наконец настала очередь Уле-Александра. Он залез в кресло и сел перед зеркалом. Парикмахер несколько раз нажал на педаль, поднимая кресло вверх.

- Что будем делать? – спросил парикмахер.
- Бриться я не буду, – ответил Уле-Александр.
- Нет, нет, конечно нет. А что будешь?
- Меня надо постричь.
- Ты хочешь, чтобы я состриг тебе помпон с шапки? Или ты её снимешь всё-таки?

– Сниму, – сказал Уле-Александр и медленно стянул с себя шапку. Может, он не так странно выглядит? Может, он всё просто придумал и зря расстроился, а на самом деле стрижка нормальная и ничего страшного не случилось... Он взглянул в зеркало... и сразу увидел, что расстраивался не зря.

Парикмахер смотрел на него округлившимися глазами.

– Вот это да, – сказал он тихо и больше ничего выговорить не смог. Но потом заметил, какое расстроенное у Уле-Александра лицо, и поспешно добавил:

– Ты, наверно, думал, что у меня сегодня слишком много работы, и хотел помочь? Знаешь, самому себя стричь несподручно. У меня тоже ничего не получается, я пробовал. Ну что же, давай пострижем тебя под машинку, тогда хотя бы всё будет гладко и ровно.

Он состриг несколько клочков ножницами, а потом сразу взял машинку и обрил всю голову.

Без волос Уле-Александр чувствовал себя ещё большим уродцем, чем даже с ужасной стрижкой.

– Они быстро отрастут, – пообещал парикмахер. – Тогда приходи снова, сделаю тебе модную причёску. А пока у тебя стрижка летняя, облегчённая, так и отвечай, если спросят.

Уле-Александр поклонился, расплатился, натянул шапку ещё ниже на уши и пошёл домой. В подъезде он встретил тётю Петру.

– Праздник уже завтра, – напомнила она. – Небось ждёшь не дождёшься?

– Я, кажется, не приду, – ответил Уле-Александр и бегом помчался к себе наверх.

Тётя Петра от удивления даже дышать перестала. Уле-Александр обожает ходить в гости, что случилось?

– Я неправильно его поняла, – сказала она сама себе.

Дома Уле-Александр шапку не снял и обедать вышел тоже в ней.

– Так-так, – сказал папа, – сними, пожалуйста, свой наряд гнома, хочу на тебя полюбоваться. Говорят, ты сегодня дважды побывал у парикмахера.

Уле-Александр снял шапку.

– Ну что же, – сказал папа, – ты сэкономил нам много денег. Стричься тебе ещё полгода не придётся.

– У меня летняя стрижка, – ответил Уле-Александр, – облегчённая.

– Я так сразу и понял, – сказал папа.

– Но на праздник я завтра не пойду, – добавил Уле-Александр.

– Не торопись, подумай хорошенько, – сказала мама.

Вечером, когда Уле-Александр уже спал, к маме зашла тётя Петра.

– Уле-Александр правда не собирается завтра к Иде на праздник? – спросила она. – Он что-то такое странное сказал мне сегодня на бегу.

Мама рассказала ей историю про стрижку.

– Вот оно что, – кивнула тётя Петра. – Этому горю легко помочь.

Проснувшись утром, Уле-Александр провёл рукой по волосам – они кололись как жёсткая щётка.

– Мама, я ещё подумал и решил – я в гости точно не пойду.

Тут затрезвонил телефон, звонила тётя Петра.

– Важное сообщение для гостей, – сказала она. – Им запрещается одеваться нарядно. У нас запланировано много серьёзных дел, и белые рубашки не годятся. Поэтому каждый придумывает себе весёлый костюм.

– Тогда я наряжусь старушкой и повяжу на голову платок, – сказал Уле-Александр.

– Отличная идея, – одобрила мама. – А я дам тебе мою старую летнюю юбку, она на резинке.

Едва наряженный старушкой Уле-Александр вошёл к Иде, он и думать забыл о своей стрижке. Чуть не прямо от двери тётя Петра расстелила рулон бумаги длиной во всю квартиру, и стоило гостю ступить за порог, как он тут же укладывался пузом на пол и включался в рисование. А куда деваться – тётя Петра сказала, что угощение будет, только когда они изрисуют всю бумажную полосу. Они даже толком поздороваться не успели, сразу принялись за работу.

Монс нарядился рыбаком и пришёл в жёлтых резиновых штанах и зюйдвестке, Ида стала трубочистом и вымазала лицо толстым слоем сажи. Две незнакомые Уле-Александру девочки были пиратками, а ещё один мальчик – пекарем.

Наконец огромная картина была закончена, и тётя Петра повесила её на стену на скотче. Они очень смеялись, рассматривая, что получилось, ведь рисовали они по отдельности и каждый что-то своё.

– Сейчас мы поедим, – громко сказала тётя Петра, – а потом у вас будет ещё одно необычное задание.

Они сели прямо на пол, а родители Иды нарядились поварами и подавали им угощения. Когда вид у всех стал сытый и довольный, тётя Петра сказала:

– А теперь все на поиски сокровищ! Я спрятала для каждого из вас по сюрпризу, но вам нужно найти именно свой подарок. Если вам попадётся чужой, то просто аккуратно положите его обратно, где нашли, и не говорите о нём остальным.

– А как же мы узнаем, где чей? – спросил Уле-Александр. – Читать мы не умеем.

– Хороший вопрос. Пока вы пировали, я нарисовала вас сегодняшних, так что вы легко себя узнаете.

Ребята кинулись на поиски. Это было ещё потому приятно, что сперва они лежали на полу и рисовали, потом сидели на полу и ели, так что ноги затекли и было самое время их размять. Тётя Петра оказалась мастерицей прятать, поэтому искали они свои подарочки очень долго.

Уле-Александр нашёл свой в цветочном горшке. На обёртке была нарисована старушка, и он догадался, что это его подарок. Внутри лежала очень-очень маленькая книжечка, сказка, чтобы папа или мама почитали ему на ночь.

Пока Уле-Александр искал свой подарок, он куда только не лазил и не заглядывал, весь взмок и сорвал с себя платок.

– Красивая у тебя стрижка, – сказала Ида, – совсем как у взрослого.

– Да, – кивнул Уле-Александр, – называется стрижка «летняя».

– У меня тоже такая, – сказал мальчик-пекарь и снял колпак с лысой головы.

– У одного меня не такая, – грустно сказал Монс, и вид у него стал несчастный.

– Ты не расстраивайся, – утешил его Уле-Александр, – я не всегда буду ходить с такой причёской. Полгода пройдёт, перейду обратно на зимнюю стрижку. Как раз лето будет.

– Честно? Тогда хорошо.

Остаток вечера они очень хорошо играли, и Уле-Александр не мог нарадоваться, что всё-таки пошёл на праздник.

ВОСКРЕСНАЯ ПРОГУЛКА

Дело было вечером, Уле-Александр уже лёг в кровать, но не мог уснуть. В спальне горел только ночник и сгустилась полутьма. А рядом с папиной кроватью стоял стул, и на спинке висел папин пиджак.

Уле-Александр лежал, смотрел на него и ясно видел, что на стуле сидит человек. И хотя Уле-Александр отлично знал, что это всего лишь пиджак, человек на стуле всё равно казался живым и страшным. В конце концов Уле-Александр позвал маму.

– Ш-ш, – шикнула на него мама, входя в комнату, – Кроху разбудишь.

– Я буду шёпотом говорить, – прошептал Уле-Александр. – Из-за пиджака мне кажется, что на стуле кто-то сидит.

– Вот глупыш. Смотри, – сказала мама и поднесла к нему пиджак, – это пиджак, видишь? И теперь я на твоих глазах вешаю его в шкаф.

Мама ушла, Уле-Александр зажмурился изо всех сил, но глаза упрямо открылись снова. Теперь он лежал и смотрел в потолок. Тот был гладкий, белый, так что смотреть особенно не на что, но прямо над своей головой Уле-Александр высмотрел трещину. Ой нет, то была не трещина, а большущий червяк – вот что это было такое! Уле-Александр видел его совершенно ясно. Вот

червяк пошевелился... Уле-Александр закрыл глаза и быстро открыл их снова. Червяк никуда не делся.

– Папа! – завопил Уле-Александр. – Иди скорее сюда! Не сердись, что я кричу. Я помню, что нельзя, но тут червяк на потолке. Приходи, сними его.

– Что ты такое говоришь? Где червяк?

– Вот наверху, – сказал Уле-Александр и ткнул пальцем.

– Нет, это просто маленькая трещинка, – сказал папа.

– Это червяк, я вижу.

– Хорошо, давай я залезу на стул и пощупаю, чтобы ты убедился, – согласился папа.

Папа залез на стул и провёл пальцем по потолку.

– Это трещина. Теперь ты убедился? – спросил он.

– Теперь да, но она шевелилась совершенно как червяк.

– Всё, сынок, пора спать, – сказал папа.

– Конечно, – ответил Уле-Александр, но заснуть не смог. С улицы доносилось слишком много непонятных звуков. То с шумом проезжали машины, то громко разговаривали прохожие.

А потом разговор на повышенных тонах начался за стеной, в гостиной. Там расшумелись мама с папой. С чего бы это?

– Я уверена, нам она не по карману, – услышал он мамин голос.

– Так я куплю подержанную, – с жаром ответил папа. – Это не такие большие деньги, зато сколько удовольствия!

– Разве ты умеешь... – Мама перешла на шёпот.

– Почти. И я очень быстро всему учусь.

– По-моему это несерьёзно, – сказала мама. – Ты как ребёнок, лишь бы поиграть.

Теперь рассердился папа:

– А почему мне нельзя поиграть? Что в этом плохого? Почему я должен вести себя как старик, ничего не хотеть, ничему не радоваться и только ворчать? Вам что, будет от этого много веселья?

Мама ответила сердито, но неразборчиво, но Уле-Александр и так уже услышал достаточно. Что к чему он не понял, но главное уяснил – они поссорились и сердятся друг на друга. Значит, придётся Уле-Александру с ними поговорить. Он вылез из кровати и распахнул дверь в гостиную.

– Ай-ай-ай, как нехорошо ссориться, – сказал он. – Разве можно так грубо разговаривать с другом? Не знаю, почему вы не можете договориться спокойно и зачем вам нужно ругаться, но я хочу дружить с вами обоими, так что перестаньте ссориться.

– Мы не ссоримся, – наконец сказала мама, – мы просто по-разному думаем.

– Мы обсуждаем, – добавил папа. – Мы вовсе не ссоримся.

Но вид у обоих был очень сердитый, и щёки у мамы горели пунцовым цветом.

Уле-Александр разозлился всерьёз. Он со всей силы подпрыгнул и сильно топнул ногой, а потом сказал:

– А я вижу, что вы ссоритесь!
– Что ты себе позволяешь? – возмутился папа.
– Ничего, – сказал в ответ Уле-Александр, – просто думаю по-разному и обсуждаю.

Папа покосился на маму, она на папу, и они оба захохотали. Повезло! Уле-Александр очень обрадовался. Раз они могут так смеяться, значит, и правда не очень сердитые.

– Мы сейчас договоримся, – сказала мама.
– Непременно договоримся, – поддакнул папа, взял Уле-Александра на руки и отнёс в кровать.

Потом Уле-Александр услышал, что родители живо что-то обсуждают, мама смеётся, а папа говорит:

– Давай возьмём карандаш и посчитаем. Видишь, получается. И квартплату я тоже посчитал, не волнуйся.

– Да, вроде получается, – сказала в ответ мама. – Будет здорово. Но только чур мы никому не скажем.

Всю следующую неделю папа почти не бывал дома. Придёт с работы, быстро пообедает и сразу убегает.

– Ты куда всё время ходишь? – спросил Уле-Александр.
– В специальную школу. Я, понимаешь, в своё время забыл кое-чему научиться, теперь навёрстываю.

Так продолжалось почти две недели, пока в воскресенье за завтраком папа не сказал:

– Мама, ты всё время крутишься с домашними делами. Давай сегодня я возьму Кроху с собой, а вы с Уле-Александром и Пуфом отправляйтесь в поход, пройдитесь по лесу.

Уле-Александр как раз упаковывал Кроху в её тёплый прогулочный мешок и теперь посмотрел на папу с недоумением. А мама ничуть не удивилась.

– С удовольствием, – сказала она. – Я чувствую, что засиделась дома, и рада буду прогуляться. Уле-Александр уже большой, он осилит долгий путь.

– Конечно, – кивнул папа. – Хорошей вам прогулки!

Он собрался в три минуты и выскочил из дому с Крохой на руках.

– Ты коляску забыл, – напомнил Уле-Александр.

– Мне удобнее так её носить, – ответил папа и умчался.

– Мама, скажи ему. На улице очень холодно, Кроха замёрзнет без коляски.

– Папа сам разберётся, – ответила мама невозмутимо. – А ты надевай высокие ботинки, в них удобнее всего ходить по лесу.

– Может, снежок возьмём? – предложил Уле-Александр.

– Нет, сегодня мы будем просто ходить. И поищем в лесу красивые тропинки.

– Может быть, надо еды захватить?

– Да, это хорошая идея, – кивнула мама. – И какао в термосе.

– Здорово! Я почти одет. Можно я тебя на улице подожду?

– Нет, не уходи один, пожалуйста, – попросила мама. А сама ужасно закопалась со сборами. Это на неё не похоже, обычно она одевается гораздо быстрее Уле-Александра. Но в то утро всё вообще было как-то чудно.

Мама выглянула в окно.

– Ещё немного, и пойдём, – сказала она.

– Но ты же одета, чего мы ждём?! – изумился Уле-Александр.

– Вот что, – загадочно ответила мама, – сходи, пожалуйста, в ванную, проверь, закрыли мы кран или нет.

И тихо засмеялась себе под нос.

Уле-Александр пошёл в ванную, там всё, конечно, было в полном порядке.

– Все краны закручены, – сказал он маме. – Мы можем уже пойти?

Мама выглянула в окно:

– Да, мы можем идти.

Они вышли из дома и сели на поезд, который ходит под землёй. Уле-Александр смотрел по сторонам во все глаза. О том, как странно вела себя мама утром, он давно забыл.

Как хорошо им гулялось в лесу! Уле-Александр готов был остаться тут на целый день. Мама смеялась, веселилась, дурачилась, играла с ним в прятки среди ёлок. Только прятаться оказалось трудно – только Уле-Александр приткнётся в укромное местечко, как прибегает Пуф, машет хвостом, лижется, и мама сразу догадывается, где искать Уле-Александра. Ещё оказалось, что мама взяла с собой дождевик. Они расстелили его, уселись и перекусили. А потом мама потащила дождевик за собой прямо вверх по горе.

– Уле-Александр, иди за мной, сейчас мы кое-что сделаем. Тебе понравится!

Идти оказалось довольно трудно: наст был твёрдый и скользкий, Уле-Александр то и дело съезжал назад. Но всё-таки постепенно взобрался на вершину и увидел, что мама сидит на дождевике.

– Мы опять будем завтракать? – спросил он.

– Нет, мы будем кататься. Садись передо мной, сейчас увидишь.

Дождевик медленно заскользил вниз, но потом поехал быстрее и разогнался. И мама, и Уле-Александр в голос вопили от восторга.

– Ещё! – сказал Уле-Александр, когда они домчались до низа горы. – Чур мы будем кататься много-много раз!

И мама тут же полезла вверх на горку, а Уле-Александр следом. Они катались целый час, не меньше.

– Пора нам потихоньку домой, – сказала наконец мама.

– Хорошо, что до поезда идти недалеко, а то я устал, – ответил Уле-Александр.

– Эх, – ответила мама, – а у меня нет денег на поезд, к сожалению. Придётся нам идти домой пешком. Путь неблизкий, но дорога отличная, и мы можем идти медленно, если тебе так удобнее.

Спускаться оказалось легко. Ноги сами несли Уле-Александра, он болтал без остановки и не чувствовал усталости. Но вот они спустились со всех горок, и теперь перед ними лежала ровная бесконечная дорога.

Она была очень, очень длинная. А конца видно не было. Сначала Уле-Александр решил об этом не думать и просто идти, но вдруг ему очень захотелось, чтобы дорога сделала поворот и показался город. Но нет, ничего подобного. Он шёл, шёл, а видел перед собой только дорогу.

Может, маме пожаловаться? Когда она сказала: «Уле-Александр уже большой, он осилит долгий путь» – он почувствовал гордость. Но теперь всё равно устал.

– Мама, это был долгий путь? – спросил он.

– По-моему, да, – ответила мама.

– И по-моему, тоже. А теперь хватит ходить, у меня ноги очень устали.

– Ну нет, – ответила мама как-то невпопад. Она как будто не слушала его, а думала о чём-то своём и всё время смотрела то на часы, то оглядывалась назад. Они шли вдоль шоссе, потому что машины проносились мимо на большой скорости. Вот ведь везёт кому-то – сел в машину и уехал, и не надо ноги мучить. Здорово, наверно.

Вдруг мама остановилась и сказала:

– Вот бы сейчас на машину сесть. Ты как думаешь?

– Конечно. Странно получается – ты лучше слышишь мои мысли, чем слова. Я сам только что об этом думал.

Вдали затарахтел автомобиль. Он громыхал и скрежетал и ехал медленнее других машин.

– Уле-Александр, вытяни руку и спроси, не подбросит ли она нас в город, – вдруг велела мама.

– Что ты сказала? – удивился Уле-Александр. – Разве так можно? Это невоспитанно.

– Вытяни, вытяни руку.

– Ты всегда говоришь, что надо вести себя вежливо и прилично. А теперь велишь мне говорить такое. А ты сама не можешь спросить?

– Нет, ты спроси.

Уле-Александр был в смятении и не нашёлся что ответить. Но и как быть, не знал. Вдруг машина правда остановится и довезёт их до города? А если она остановится, а шофёр разозлится на них? Ну, разозлится и уедет, ничего такого. Машина была уже близко. Она так шумела, что Уле-Александр почти не слышал маму. И вдруг рука его вытянулась и помахала машине, а потом Уле-Александр услышал свой голос:

– Простите, не подвезёте нас в город?

Машина остановилась. Уле-Александр взглянул на водителя. Это был мужчина с длинной белой бородой. Он показался Уле-Александру очень странным, но вслух Уле-Александр ничего не сказал. Мужчина распахнул дверцу и похлопал рукой по переднему сиденью, приглашая Уле-Александра сесть. Мама устроилась сзади.

– Огромное вам спасибо, – сказала мама. – Спасибо, что подобрали нас. Мы очень устали.

Мужчина молча кивнул.

Уле-Александр оглянулся назад. На сиденье рядом с мамой лежал младенец. Он был точно в таком меховом мешке, как у их Крохи. Уле-Александр всмотрелся в лицо малыша – сомнений нет, это их Кроха! Уле-Александр в ужасе взглянул на маму. Неужели этот мужик похитил их Кроху?

Пуф тоже залез назад, но вёл себя как дурень. Сначала обнюхал малыша и радостно замахал хвостом. Хоть теперь мама догадается, что их Кроху увезла чужая машина? Но мама сидела спокойно и зачем-то улыбалась.

Но дальше Пуф повёл себя совсем странно. Встал на задние лапы и принялся лизать водителя в шею и затылок. Уле-Александр не верил своим глазам. Но что-то в этом чужом мужчине чудилось как будто знакомое. На нём была огромная ушанка, натянутая на глаза, красный шарф, да ещё борода эта. Уле-Александр не знает ни одного человека с белой бородой. Нет, бородка есть у дедушки, но маленькая. А эта белая как вата и какая-то странная. Она как будто склеена из ниток. Да она фальшивая, вот в чём

дело! У их шофёра накладная борода, а мама ничего не понимает, сидит себе и улыбается. Надо что-то делать.

– У тебя борода фальшивая, – сказал Уле-Александр водителю, – и ты украл нашу Кроху!

– Ты прав, Уле-Александр Тилибом-бом-бом, – сказал мужчина, и Уле-Александр сразу узнал этот голос. – И можешь теперь стащить с меня бороду, если хочешь.

Уле-Александр потянул за бороду, она упала, и появился папа с очень хитрым выражением лица.

– Ой, – сказал Уле-Александр.

– Здорово ты нас разыграл, папа, – сказала мама.

– Ну что ж, поехали, – сказал папа.

– Ты умеешь водить? – спросил Уле-Александр. – Ты взял её напрокат?

– Нет, это машина наша, – сказал папа, – и я выучился водить. Она отлично ездит, только в горку ей трудно карабкаться. Тогда я разворачиваюсь и еду задом.

Уле-Александр смотрел на папу, открыв рот.

Папа повернул ключ в зажигании. Машина затарахтела, но тут же заглохла. Папа сделал так ещё несколько раз, и наконец машина тронулась.

– Ура! – закричал Уле-Александр. – Она ездит! Какие мы везучие, какая у нас отличная машина!

– Да, – сказал папа. – Она старая, зато опытная и знает всё о дорогах и поворотах. Я думаю, нам будет много радости от неё.

И они покатали в город, папа рулил осторожно и красиво. Когда они подъехали к их большому дому, Уле-Александру разрешили погудеть два разочка. Все дети, которые играли на улице, сразу оглянулись на них.

– Смотрите, старинный автомобиль приехал! – закричали они.

– Это наша машина! – гордо сказал Уле-Александр. А потом обошёл машину и осмотрел все колёса и постучал по капоту. – Папа, всё в порядке! Машинка готова покатать нас завтра.

– Отлично, Уле-Александр! – откликнулся папа.

– Жалко, что нельзя взять её наверх, в квартиру, – вздохнул Уле-Александр.

– Мне кажется, машинке больше нравится на улице, – ответил папа.

Он запер машину, дружески её похлопал и пошёл наверх вместе с Уле-Александром. Но сразу после обеда они оба заторопились на улицу, к машине.

– Нам надо навести лоск на машину, – объяснил папа.

– Вот именно, – кивнул Уле-Александр.

– Конечно, за машиной обязательно надо ухаживать, – сказала мама. – Не забудьте только вернуться хотя бы к кофе.

– Обязательно! – ответил Уле-Александр, взял папу за руку, и они побежали вниз по лестнице.

ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ УЛЕ-АЛЕКСАНДРА

ПЛОХОЙ МАЛЬЧИК

Уле-Александр давно заездил свой старый трёхколёсный велосипед вчистую, но ещё помещался на нём. Вот пришла весна, тротуары высохли, и папа достал велосипед из подвала. Он отчаянно скрипел, клацал и звякал, так что кататься на нём было вдвойне приятно. Особенно под горку. Колёса крутились быстрее и быстрее, а Уле-Александр сидел в седле, вытянув ноги далеко в стороны, и разгонялся так, что в ушах свистело. У Иды и у Монса тоже были трёхколёсные велосипеды, и ребята носились наперегонки и змейкой, и просто так.

По горке чуть вниз от высоченной башни Уле-Александра стоял старый кирпичный дом. Он был гораздо меньше по размеру, но в нём тоже жило много людей.

Однажды, когда ребята неслись вниз по горке, они увидели возле этого дома мальчика.

- Новенький, – сказала Ида. – Раньше он тут не жил.
- Точно не жил, иначе бы мы его знали, – подтвердил Монс.
- Может, гостит у кого-то, – догадался Уле-Александр.

Они на всех парах промчались мимо, а когда возвращались, мальчика уже не было.

На другой день они увидели его на прежнем месте. На них он не смотрел, но от велосипедов глаз не отрывал.

Засмотрелся, как здорово мы катаемся, подумал Уле-Александр.

Так же точно подумала Ида. Она выжимала из своего велосипеда самую большую скорость и смотрела через плечо на мальчика – видит ли он, как хорошо она катается. Но это не самый лучший способ ездить на велосипеде. Ида с разгона врезалась в дом, он аж содрогнулся.

Ида даже не ушиблась, но перепугалась и смутилась – вот позорище, так глупо навернуться с велосипеда. Сама мысль об этом бесила Иду. От злости она разрыдалась.

Уле-Александр и Монс кинулись Иде на выручку.

– Всё из-за этого мальчишки, – плакала Ида. – Он на меня пялился, я из-за него упала.

– Ого, – сказал Монс.

– Я хочу домой, – заявила Ида.

– Мы тебя проводим, – вызвался Уле-Александр.

Ида снова зарыдала. Монс и Уле-Александр шли слева и справа от неё и повторяли:

– Ида, не плачь.

Но Ида твёрдо решила плакать, пока не дойдёт до тёти Петры, а если Ида решила, она так и делает.

Из молочного магазина выскочила молочница.

– Ида, что случилось? Ты ударилась?

– Да, – прорыдала Ида. – Из-за этого нового мальчишки.

– Что ты говоришь?! – изумилась молочница. – Как он мог обидеть такую милую девочку?

На это Ида ничего не ответила и пошла дальше, рыдая в голос. Поднимаясь по лестнице, она упорно плакала. Сил на это уходило так много, что под конец слёзы текли уже от усталости.

Тётя Петра издали услышала громкий плач и открыла дверь выяснить, что стряслось. Увидев, что голосит Ида, тётя Петра

не на шутку перепугалась. Она втянула Иду в квартиру, Монс и Уле-Александр вошли следом.

Тётя Петра взяла Иду на руки. Ида обрадовалась, устроилась поудобнее, но кричать не перестала. Тётя Петра внимательно её осмотрела – ни ссадины, ни синяка. Она выждала некоторое время, в конце концов плач её утомил, и она сунула Иде в рот печенье. Пришлось той на время замолчать.

- Теперь расскажи мне, что случилось, – спросила тётя Петра.
- Я ехала на велике и врезалась и упала, всё из-за нового мальчишки, он плохой.
- Он тебя толкнул?
- Нет, не совсем.
- Это случается. Может быть, он ненарочно.

Ида не стала ничего больше объяснять. Ясно, что тётя Петра её не понимает. Она вытерла слёзы и сказала Монсу и Уле-Александру:

- Пойдёмте на улицу.
- Едва они вышли из подъезда, Ида прошептала:
 - Пусть тётя Петра и не верит, но я чувствую: этот новый мальчишка – плохой.
 - Может быть, – сказал Монс.
- Уле-Александр не заметил в мальчике ничего плохого, когда они проезжали мимо, но Ида говорила так уверенно, что Уле-Александр тоже задумался.
 - Что-то в нём загадочное, – сказал он наконец.
 - Вот именно, – кивнула Ида. – Давайте залезем под лестницу, надо поговорить.

Тем временем новый мальчик стоял возле своего дома. Он страшно испугался, когда Ида грохнулась с велосипеда. А когда она разрыдалась, ему стало очень её жалко – видно, бедняга сильно ушиблась, что так кричит. Ему захотелось подойти и утешить упавшую девочку, но тут на помощь прибежали два мальчика и увели её.

Они втроём ушли, но кое-что оставили. Три велосипеда стояли у стены дома. Везёт же людям – иметь такой велосипед! Здорово, наверно, кататься на нём. Мальчик никогда ещё на велосипеде не сидел. Интересно, трудно в седле удержаться? Мальчик долго-долго смотрел на велосипеды и решился. Он подошёл к ближайшему, это был старый велосипед Уле-Александра. Мальчик хотел только рассмотреть его вблизи. Ну, может, ещё поиграть понарошку, что это его велосипед, он только что накатался на нём, слез и теперь проверяет, всё ли с великом в порядке.

На этом велосипеде был даже маленький звоночек. Как было не проверить, звонит ли он? Звонит, да ещё как! Отличный звук. И теперь, когда мальчик дотронулся до велосипеда, ему, конечно, захотелось подержаться за руль. Ого, как здорово! Он взял велосипед за руль и аккуратно прокатил. А что, если сесть на велосипед? Мальчик долго стоял и не решался, но потом всё-таки сел, нажал на педали и – представьте себе – поехал! Отъехал немножко, повернул руль, развернулся и поехал назад.

Далеко уезжать было нельзя, чтобы хозяин велосипеда не подумал случайно, что он угнал его. Поэтому мальчик всё время катался туда-обратно.

А Уле-Александр, Ида и Монс сидели под лестницей и строили козни.

– Говоришь, что-то загадочное? – начала Ида. – Надо в этом разобратся. Мы можем спрятаться в саду у Монса и оттуда следить за ним. Или нести вахту у двери его дома. А как заметим что-нибудь загадочное, сразу говорим всем.

– Да, – согласился Уле-Александр. – Только сначала надо забрать наши велосипеды.

– Ой, правда, – сказала Ида. – Значит, нам придётся пройти мимо его дома. Хорошо, что нас трое.

– Да уж, – сказал Монс.

Едва они вышли из подъезда, как сразу его увидели. Плохой мальчишка катался на велосипеде туда-обратно.

- Теперь сами видите? – спросила Ида.
- Видим, – сказал Уле-Александр. – Это мой велосипед.
- Да, – кивнул Монс. – Хорошо, что не мой. Я бы побоялся пойти и попросить назад свой велосипед.
- Монс, ты же не боишься этого мальчишку, когда мы рядом? – строго спросила Ида.
- Нет. Это я просто пошутил.
- Давайте подкрадёмся незаметно, – скомандовал Уле-Александр.

Мальчик катался к ним спиной, а они на цыпочках полубегом спускались в его сторону. Он развернулся – а тут они, все трое.

Как же он испугался! Вздрогнул и собрался было объяснить, что никогда не катался на таком велосипеде и как это здорово оказалось... Но тут он взглянул на лица окруживших его ребят. Они были серьёзные и злые. Видно, это опасные ребята. Да, опасные. Мальчик спрыгнул с велосипеда и дунул в подъезд. Нет, на этой улице он никогда не приживётся. Он любил их старый дом, где они раньше жили, там было хорошо и приятно, а тут все злые.

А на улице Монс, Ида и Уле-Александр смотрели друг на дружку.

- Ну что я говорила? – начала Ида. – Пошли!
- Они подхватили велосипеды и на всех парах помчались во двор к Монсу. Там они залегли за штакетником и стали следить.
- Сначала ничего не происходило, наконец Уле-Александр сказал:
- Дверь приоткрылась. Видите?

Да, теперь они все увидели, что дверь приоткрылась и высунулась голова.

- Это страшно загадочно, – сказал Монс, – но я не буду бояться.
- Ты завтра первым заступишь на дежурство, – сказала Ида. – Если что-то случится, ты должен сразу нам доложить.
- Конечно, что же мне ещё останется, – ответил Монс.

На другой день Монс проснулся ни свет ни заря. «Что-то меня ждёт неприятное», – подумал он, и сразу вспомнил. Ему надо нести вахту и следить за новым мальчиком. Душа к этому делу

у Монса не лежала, но утром на улице так много людей, что хотя бы не страшно.

Он дошёл до дома нового мальчика и встал у дверей.

На другой стороне разгружалась машина. Вот шофёр вынул из грузовика поднос с восхитительными пирожными и понёс их в магазин. Монс засмотрелся на пирожные. Какие же они наверняка вкусные! Он прислонился к двери...

Дверь подалась назад, и Монс упал. И кто же поймал его сзади, а сам чуть не рухнул вместе с ним? Новый мальчик.

– О-о-о, – протянул Монс и со всех ног припустил к Уле-Александрю.

– Ого! – сказал Уле-Александр. – Правда? Так он караулил тебя за дверью. Наверняка хотел в плен взять. Надо нам быть осторожнее.

Мама Уле-Александра слышала их разговор, но ничего не сказала. Не сказала сразу, но вечером, укладывая Уле-Александра спать, спросила между делом:

– Уле-Александр, у нас тут новый мальчик появился?

– Да, появился.

– Вы его не обижаете? – спросила мама. – Ты ведь помнишь, как неприятно оказаться в новом месте, где ты никого не знаешь. Тогда человек чувствует себя очень одиноким.

– Не обижает, потому что мы с ним не играем. Он плохой, – объяснил Уле-Александр.

– Плохой? – удивилась мама.

– Да, и Монс, и Ида, мы все так думаем.

– Что ты говоришь? Вы, конечно, очень хорошо его знаете, раз судите о нём так уверенно.

– Да, хорошо знаем. Мы за ним следим по очереди, чтобы он глупостей не наделал.

– Мне даже интересно, как выглядит такой мальчик?! – В мамин голос сквозил ужас и восторг. – Умудриться быть всегда плохим, с утра до вечера! Это не каждому под силу!

Уле-Александр пристально посмотрел на маму. Что именно она хочет сказать? И выражение лица у неё странное.

Следить за плохим мальчиком на следующий день должен был Уле-Александр. Он долго простоял под дверью его дома, ничего загадочного не увидел, и ему надоело. Когда пришли Ида с Монсом, он сказал:

– Хватит здесь стоять. Давайте возьмём велосипеды и поедем кататься в парк. Мы будем все вместе, и велосипеды с нами, так что никакой опасности никому не грозит.

– Давайте, – согласилась Ида.

Когда Уле-Александр приехал обедать, он с порога услышал, что в спальне кто-то играет с Крохой, а она хохочет во всё горло.

– Дедушка пришёл? – спросил Уле-Александр.

– Нет, но у нас гость к обеду. Пойди с ним поздоровайся.

Уле-Александр приоткрыл дверь, заглянул в щёлку, но тут же захлопнул дверь и побежал к маме.

– Ты что делаешь, мама? Ты чего? Ты знаешь, кого ты позвала на обед? Это тот плохой мальчик! А ты разрешаешь ему играть с Крохой! Вдруг он ей что-нибудь плохое сделает?!

– Ты ошибся, – сказала мама, – с кем-то его перепутал. Это очень приятный хороший мальчик. Его зовут Оливер, и он сидел с Крохой, пока я ходила по своим делам. Его мама работает до обеда, но сегодня ей придётся задержаться до вечера. Она очень

обрадовалась, что её сынок пообедает у нас и побудет здесь. Представь, как ему неприятно сидеть одному дома целый день.

– Хм, – сказал Уле-Александр. – Уж не знаю, что скажут Ида и Монс. Ты позвала врага в наш дом.

– Я сказала маме Монса и тёте Петре, чтобы ребята приходили к нам после обеда играть. Мы что-нибудь весёлое придумаем. Я слышу, папа пришёл. Загляни, пожалуйста, к Оливеру и позови его за стол. Обед готов.

Уле-Александр медленно вошёл в спальню. Новый мальчик стоял на четвереньках перед манежем Крохи. На голове у него был её слюнявчик. Мальчик потряс головой, слюнявчик упал, Кроха зашлась от хохота.

– Тебя зовут обедать, – сказал Уле-Александр.

– Спасибо, – ответил мальчик. – Повезло тебе, у тебя сестричка.

– Хм, – хмыкнул Уле-Александр. – А у тебя нет?

– Нет, – ответил мальчик и поднялся на ноги. Но едва он сделал шаг к двери, Кроха заревела.

– Вдруг тебе разрешат посидеть со всеми? – сказал мальчик и вытащил её из манежа. Он взял её за руку, а Кроха другой рукой ухватилась за Уле-Александра, и так они пошли на кухню.

Уле-Александр молчал весь обед, он просто не знал, что сказать. Зато новый мальчик разливался соловьём. Он рассказывал о своей старой улице, вспомнил всех тамошних ребят, и под конец Уле-Александр почти забыл, что это тот самый плохой мальчик.

После обеда он показал Оливеру все свои игрушки и не успел глазом моргнуть, как они вдвоём уже строили железную дорогу из конструктора. И так увлеклись, что ничего вокруг не замечали, но вдруг раздался звонок в дверь. Тут Уле-Александр снова вспомнил всю эту историю с плохим мальчиком, но когда он увидел перекошенные лица Монса и Иды, то чуть не захохотал.

Монс сразу стал искать себе игрушку, а Ида уселась на стул нога на ногу и завела с мамой разговоры как взрослая дама. Но, когда мальчики решили играть в станцию, чтобы Уле-Александр был

станционным смотрителем, Монс – вокзалом, а новый мальчик – скорым поездом, Ида не выдержала и тоже сползла со стула на пол.

– Я буду простым поездом, – сказала она и встала на четвереньки.

Уле-Александр дунул в свою флейту, и поезд поехал.

У них едва нашлось время попробовать пирог, так увлекла их игра, но в конце концов мама сказала, что гостям пора по домам.

– Никогда бы не подумал, что он такой хороший, – сказал Уле-Александр маме, когда ребята разошлись.

– Ты же не знал его, ты не успел с ним познакомиться, – сказала мама. – Я думаю, он точно как ты – обычно симпатичный и приятный, но иногда раздражённый или в плохом настроении. Все люди так устроены.

– Хм, – задумался Уле-Александр.

– Он очень огорчился, что всё так вышло с велосипедом. Он боится, как бы ты не подумал, что он хотел отобрать его у тебя.

– Нет, я так не думал, – сказал Уле-Александр.

– Он ни разу даже не сидел на таком велосипеде, – продолжала мама. – Неудивительно, что ему захотелось на нём прокатиться.

– Мне не жалко, пусть ещё прокатится.

– Может быть, даже завтра? – сказала мама.

– Очень возможно, – ответил Уле-Александр.

ОЛИВЕР

На следующий день после того, как мама пригласила нового мальчика на обед, Уле-Александр, Монс и Ида сидели на ступеньках большого дома и разговаривали.

– Честное слово, я была уверена, что он плохой, – говорила Ида. – Я так думала.

– Но мама говорит, что не бывает плохих детей. Все дети хорошие, а если кто-то сердится, задирается и всё такое, значит, он устал, проголодался или ещё что-нибудь.

– Но Оливер не сердился и не задибался, – сказал Монс.
– Мы думали, что он нарочно так паялился на меня, чтобы я упала, – напомнила Ида.

– Потом он взял мой велосипед, но он просто хотел попробовать, – сказал Уле-Александр.

– А знаете, что я делаю, когда я устала и сержусь? – спросила Ида. – Я падаю на пол и брыкаюсь двумя ногами. Это значит, что я очень сержусь.

– А я не так, – сказал Монс. – Я ухажу один в комнату, залезаю под стол, ничего не говорю, но очень злюсь.

– Я так никогда не делаю, – ответил Уле-Александр. – Я со всей силы топаю ногой один раз, а потом сжимаю зубы, как будто хочу показать маме, что почистил их, и шиплю как кот. А мама говорит, что я похож на льва, только она говорит это гораздо смешнее и ласковее. Мне приходится изо всех сил подзуживать себя, чтобы злиться дальше и ненароком не улыбнуться раньше времени. Поэтому я сразу говорю, из-за чего разозлился, и всё проходит.

– Ничего себе, – удивилась Ида. – Вот была бы история, если бы мы все трое одновременно очень разозлились.

– Да уж, – протянул Уле-Александр. – Ну что, ребята, пойдём посмотрим, не стоит ли Оливер у своего дома?

– И сегодня мы будем с ним дружить, да? – добавила Ида.

– Да, – кивнул Уле-Александр. – Я дам ему прокатиться на моём велосипеде.

– А я на моём, – сказала Ида.

– И я на моём, – добавил Монс.

Они сели на велосипеды и поехали вниз по горке. И точно – Оливер стоял перед своим домом. Он стоял тихо и молча, пока они сами к нему не подъехали.

– Хочешь прокатиться на моём велике? – спросил Уле-Александр.

– Спасибо. Очень хочу.

– И на моём прокатись, – сказала Ида.

– И на моём, – добавил Монс.

– Я первый предложил, – сказал Уле-Александр. – Чур первый велик мой.

Ида насупилась, и было видно, что очень рассердилась.

– Ты сейчас упадёшь и будешь брыкаться двумя ногами? – спросил Монс с большим интересом.

Ида ничего не ответила, только косичками тряхнула.

– Можно я буду одалживать велосипеды по-одному? – спросил Оливер.

– Да, – ответила Ида. – Но чур я вторая в очереди. А у тебя никогда не было велика, что ли?

– Не было, – сказал Оливер. – У нас денег на него нет. Маме приходится работать очень много, чтобы заработать нам на жизнь. Папа наш в больнице, а надо платить за квартиру и вообще.

– Где уж тут взять денег на велосипед. Жизнь очень вздорожала, – сказал Уле-Александр. Он много раз слышал, как взрослые говорят так друг другу.

– Нет, мы очень хорошо живём, – тепло проговорил Оливер. – У нас вкусный обед каждый день. Мама умница у меня.

– Почему мы не взрослые? – распалилась Ида. – Вот вырастем, заработаем кучу денег и купим Оливеру велик.

– Лучше б мы прямо сейчас заработали кучу денег или накопили и купили Оливеру велик. Тогда мы могли бы все вместе гонять в парке наперегонки, было бы здорово.

– Я как подумаю об этом, сразу улыбаюсь, – сказал Оливер.

– Знаете, что я придумал? – сказал Уле-Александр и перешёл на шёпот для большей таинственности. – Помните, бывают такие люди, они ходят по дворам, поют и играют, а им кидают деньги в шляпу.

– Я могу играть на расчёске, – заявил Монс.

– А я умею стучать крышками, – вспомнила Ида.

– Я тоже могу играть на расчёске, – сказал Уле-Александр, – а Оливер будет дирижёр. Но нам нужны кепки. У каждого должна

быть кепка или шляпа. Давайте так: сейчас мы все идём по домам и ищем, что найдётся, а потом встречаемся тут.

Уле-Александр влетел в квартиру совершенно запыхавшись. Мама была на кухне, но Уле-Александр не мог тратить время на разговоры с ней. Он знал, что у папы есть кепка. Она лежит на полке. Уле-Александр подцепил её зонтиком и выудил. Там же на полке виднелась и шляпа. Надо захватить и её, неизвестно, найдётся ли что у Оливера.

Когда Уле-Александр спустился вниз, все уже были в сборе. Ида одолжила у тёти Петры шляпу от солнца. У неё были такие широкие поля, что стоять рядом с Идой никто уже не мог. Монс щеголял в папиной кепке, она сползала ему на глаза. Уле-Александр тоже надел кепку, а шляпу одолжил Оливеру – тот очень обрадовался.

– Начнём с чужого двора, – решил Уле-Александр. И они вышли за ворота.

– Мы войдём, встанем красиво, скажем: «Раз, два, три!» – и сыграем, – сказал Уле-Александр.

Они дошли до каких-то ворот и зашли во двор.

– Как-то здесь страшно, – поёжился Монс. – Мы здесь никогда не бывали.

– Это просто тут в арке темно, – сказала Ида. И правда, как только они вышли в сам двор, стало светлее и веселее.

– Да тут полно окон, – прошептал Уле-Александр. – Значит, и квартир полно, а в каждой люди. Ого, сколько денег наберём! Раз-два-три – начали!

Уле-Александр с Монсом наяривали на расчёсках, Ида стучала крышками со всей силы, а Оливер дирижировал и пел высоким, тонким голосом.

Распахнулось одно окно, и к их ногам упал кулёк. Но, когда они развернули его, там была всего одна монетка в пять эре.

– Прекрасно, – сказал Уле-Александр. – Видите, получается.

Они долго кланялись и махали окну, откуда им бросили пятак.

– Переходим ко второму номеру, – сказал Уле-Александр. – Раз-два-три!

Они заиграли песню «Все маленькие пташки». Монс знал партию второго голоса, и песня звучала божественно, Уле-Александр аж заслушался. И вдруг посреди песни раздался грозный рык из какого-то окна.

– Это что за дети? Вы откуда взялись? Вы здесь не живёте! Ну-ка марш отсюда, а то сейчас я спущусь. Ишь расшумелись!

Уле-Александр обвёл всех взглядом.

– Выходим строем, – сказал он. – Не бежим! А то он решит, что мы его испугались.

– А мы по правде испугались, – ответил Монс, – но ему этого не покажем.

Они гордо вышли на улицу, но заходить в чужие дворы им что-то больше не хотелось.

– Давайте сходим в магазин, узнаем, сколько велосипед стоит, – предложила Ида.

Трёхколёсный велосипед стоял у самых дверей магазина.

– Мы хотели спросить, сколько такой стоит, – сказал Уле-Александр.

– Сорок крон, – ответил продавец.

– Ого, – протянул Уле-Александр. – Придётся нам ещё попеть.

Они пришли в свой двор. Тут они никого не боялись, потому что всех знали.

– Раз-два-три – поём! – скомандовал Уле-Александр.

Только они начали, как рядом с ними упал свёрток. А в окне наверху показалась лохматая голова тёти Петры.

– Как чудесно! – крикнула она. – Почти как в Италии. Там всё время поют серенады под окнами!

Следом распахнула окно мама. Она бросила им кулёк с четырьмя кексами.

– Мама опять всё перепутала, – вздохнул Уле-Александр. – Но подкрепиться тоже надо.

Как ни странно, из других окон им ничего не кинули.

– Пойдёмте ко мне считать, – предложил Уле-Александр.

В первом дворе им подали пятак, а тётя Петра набила в свой свёрток много монеток по одному и два эре, и сколько там получилось денег, было пока непонятно.

– Мне пора домой, – вспомнил Оливер. – Я обещал сварить картошку к маминому приходу, а мне ещё в магазин надо зайти.

– До завтра! – сказал ему Уле-Александр на прощание.

Дома мама помогла им сосчитать деньги. Набралось девятнадцать эре.

– Это слишком мало, – вздохнул Уле-Александр. – Нам надо сорок крон.

– Зачем вам так много денег? – удивилась мама.

– Нам надо заработать Оливеру на велосипед, а он стоит сорок крон.

– У-у, – задумчиво протянула мама. – Я думаю, что самое простое – устроить ярмарку у нас в доме. Мы попросим всех, кого знаем, прийти и купить билет.

И мама тотчас позвонила тётё Петре. Ничего лучше она и придумать не могла: тётя Петра загорелась идеей ярмарки. Она вспомнила массу странных прекрасных предметов, которые она может пожертвовать на продажу. Уле-Александр тоже пересмотрел все свои игрушки и решил, что отдаст грузовик. Мама испекла три каравая вкусного хлеба и пирог, а Монс притащил две старые вешалки.

Ярмарка была назначена на среду, но все дни до неё у ребят было очень много дел.

Наведываться к Оливеру они не успевали, а сам он думал, что знает их пока слишком мало, чтобы заявиться к ним без приглашения. Он с радостью вспоминал тот день, когда они ходили по дворам и пели. Денег на велосипед они, конечно, не набрали, ну и ладно. Зато ребята добрые и хотели ему помочь. Оливер только не мог понять, почему они больше не приходят, почему не хотят с ним разговаривать. Какие-то они всё-таки странные. Сперва были злые, потом стали добрые, а теперь никакие.

Оливер расстраивался зря, но он же ничего не знал. Просто мама Уле-Александра сказала, что, может, и неплохо заранее не рассказывать Оливеру о ярмарке. Вот будет для него сюрприз, если они наберут денег ему на велосипед!

В среду ровно в четыре часа тётя Петра позвонила в дверь квартиры Уле-Александра.

– Прошу прощения, благотворительная ярмарка проходит здесь? – спросила она так, будто никогда в глаза не видела ни Иду, ни Монса, ни Уле-Александра.

– Здесь, – ответил Уле-Александр. – Не хотите ли купить билеты?

– А сколько стоит один билет?

- Десять эре, – сказал Уле-Александр.
- Десять эре, – повторила Ида.
- Десять эре, – добавил Монс.
- Большое спасибо, поняла. Тогда я хочу десять билетов, чтобы выиграть этот грузовик, десять – для кружки с трещиной, пятнадцать билетов – для вешалки, потому что мне их вечно не хватает, и пять вот для этого клубка шерсти.
- Это очень дорого тебе будет, – шёпотом сказал Уле-Александр.
- Да уж, – кивнула тётя Петра и достала монетку в десять крон.
- Вот, получите, пожалуйста. А сдачи не надо, пусть пойдёт на хорошее дело.
- Ничего себе! – восхитился Уле-Александр. – У нас уже десять крон и девятнадцать эре! Отлично!

Потом пришли бабушка с дедушкой, и родители Иды, и родители Монса, и даже соседка Уле-Александра.

Дедушка вёл себя странно. Войдя, он сразу подошёл к ярмарочному столу и сказал:

- Пять билетов, пожалуйста.
- Купил и сел на диван. Но через короткое время подошёл к столику снова:
- Пять билетов, пожалуйста.
- И так он говорил каждый раз.
- Представляете, теперь мы вообще не знаем, сколько у нас денег, – сказал Уле-Александр.

Мама купила несколько билетов за Кроху, папа – за Пуфа, Монс, Ида и Уле-Александр купили по три билета каждый. Но вот настало время разыгрывать билеты. Мама принесла огромную кастрюлю, они сложили в неё все билеты, и Монс, Ида и Уле-Александр стали по очереди тянуть их. Прежде чем запустить руку в кастрюлю, они каждый раз крепко зажмуривались.

Тёте Петре достался грузовик, который отдал Уле-Александр, дедушка выиграл клубок шерсти, а родители Монса, к большой их радости, – два маминых каравая. Пуфу досталась треснувшая

кружка, а Крохе – вешалка. Уле-Александр получил пирог, который испекла мама, а Ида с Монсом – по карандашу.

На этом ярмарка закончилась, но тётя Петра и бабушка с дедом остались. Им не терпелось узнать, хватает ли денег на велосипед. Тётя Петра считала, мама пересчитывала.

– Тридцать восемь крон и пятьдесят эре, – сказала она наконец. – Не хватает всего полторы кроны.

– Столько наверняка есть у меня в копилке, – сказал Уле-Александр. – Я коплю с Нового года.

Он достал ключ, открыл копилку, и мама помогла ему отсчитать полторы кроны.

– Сколько сейчас времени?! – громко крикнул Уле-Александр.

– Без четверти пять, – ответила мама.

– Успеем! – сказал Уле-Александр. Он схватил пакет с деньгами и выскочил за дверь, Ида и Монс бросились следом, и они со всех ног припустили в магазин.

– Нам нужен трёхколёсный велосипед, – прохрипел запыхавшийся Уле-Александр. – Вот сорок крон. Пожалуйста!

– Трёхколёсный велосипед? Извольте получить, – ответил продавец. И принёс красивый синий велосипед.

– Вам его упаковать? – спросил он для порядка.

– Нет, не надо, – ответила Ида.

Они вывезли велосипед на улицу и покатали. Уле-Александр вёл за одну ручку, Монс – за другую, а Ида сидела на седле.

– Только бы он был дома, – сказал Уле-Александр.

Оливер, как всегда, стоял около своего дома. Сегодня, похоже, тоже Уле-Александр играть не придёт и остальные не придут. Надо мне придумать себе занятие, подумал он и нарисовал классики. Когда ребята подошли, он как раз прыгал в дальнем углу.

– Привет, Оливер! – закричала Ида. – А вот и мы.

Он очень обрадовался; ребята это сразу увидели. Но он смотрел только на них, не на велосипед.

– Закрой глаза, – сказал Уле-Александр. – Тебе сюрприз.

Ида слезла с велосипеда, и они бесшумно подкатили его к ногам Оливера.

– Открывай! – сказали они хором.

Оливер открыл глаза и посмотрел. Он смотрел, смотрел, смотрел. Потом осторожно коснулся велосипеда пальцем.

– Он твой, – сказал Уле-Александр. – Ты можешь сесть на него.

Оливер всё ещё не сказал ни слова. Он осмотрел колёса, седло, потом аккуратно сел на велосипед и покрутил педали.

– Он ездит, – сказал Оливер и улыбнулся во весь рот. – Катится. По-настоящему.

– Мы сбегает за нашими великами и поедем в парк кататься, все вчетвером, – предложил Уле-Александр.

Оливер всё так и улыбался. Какой же он был счастливый, когда катил вслед за ребятами в парк по гладкой красивой дороге! Но, когда они два раза объехали весь парк, он сообразил, что давно хочет им что-то сказать.

– Спасибо, – сказал он.

– Хм, – пробормотал Уле-Александр. – Ты тоже зарабатывал на него деньги. Помнишь, мы петь ходили?

– Да, конечно, – ответил Оливер и покатил дальше.

Оливер радовался своему велосипеду не только в первый день. Он с него, можно сказать, не слезал, катался каждый день с утра до вечера, и скоро его прозвали Оливер-с-велосипедом.

В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Уле-Александрю всегда казалось, что лето проходит слишком быстро. Но это пролетело ещё быстрее, чем обычно, потому что Уле-Александр с тревогой и любопытством ждал сентября.

За это лето всё изменилось. Уле-Александр очень вырос, не говоря уже о других ребятах.

Малыш Пол-из-палисадника, например, стал таким солидным, что запретил называть себя Малыш Пол. Уле-Александр попробовал перейти на просто «Пол-из-палисадника», но это было какое-то совсем незнакомое имя. А Оливер-с-велосипедом вообще изменился до неузнаваемости, потому что он теперь ходил в очках и имел взрослый вид. Увидев эти очки, Уле-Александр чуть не лопнул от зависти, а придя домой сказал маме:

– А долго ещё до моего дня рождения?

– Очень долго. Много месяцев.

– А до Рождества?

– Четыре с половиной месяца, – ответила мама.

– Отлично, – просиял Уле-Александр. – Тогда я сразу скажу, что мне подарить на Рождество. Я хочу очки. И они мне действительно очень нужны, раз я в школу иду. Я буду как бабушка – надел очки и сразу могу читать. Так что это очень полезный подарок.

– Тебе для чтения очки не нужны, – сказала мама. – У тебя хорошее зрение.

– А у Оливера есть очки. И у него в них вид очень важный. И я тоже хочу.

– Оливеру очки прописал врач.

– Вот почему, стоит мне придумать прекрасный план, ты всегда говоришь, что он мне не подходит, – мрачно сказал Уле-Александр.

– Понимаешь, – ответила мама, – не бывает настолько прекрасного плана, чтобы подходил всем и всегда. А теперь иди ещё погуляй, погода сегодня изумительная.

Монс тоже изменился, но совсем немного. Он упал, и теперь у него были скобки из пластыря на лбу и на носу. Но в остальном он был Монс как Монс, хоть это Уле-Александра радовало.

Однажды он зашёл к Монсу и сказал:

– Четыре дня осталось.

– Ой, – испугался Монс. – Пора точить карандаш.

На другой день Уле-Александр снова пришёл к Монсу и принёс свой пенал.

– Хочешь посмотреть мой пенал? – спросил он. – В нём три отделения. Одно для карандаша, одно для ластика, а третье для чего хочешь.

– Хм, – сказал Монс. – Знаешь, карандаш надо бы поточить поострее.

Монс принёс свой ножичек, Уле-Александр встал у поленницы и стал снимать с карандаша стружку за стружкой. Но стоило ему оточить острие, как грифель ломался и приходилось начинать всё сначала. А карандаш на глазах становился короче. Наконец Уле-Александр справился.

– Теперь хорошо? – спросил он Монса.

– Хорошо, только надо бы поострее, – ответил Монс.

– Ты прав, – вздохнул Уле-Александр и снова взялся за ножичек. Он так старался, что карандашная стружка летела во все стороны. Вдруг грифель хрустнул.

– Сломался, – сказал Монс.

– Смотри, какой карандаш стал малюсенький – он теперь влезает в кармашек для чего хочешь. Больше я его точить не буду. Завтра всего два дня останется.

– Во сколько нам туда приходиться? – спросил Монс.

– В двенадцать. И взрослые могут нас проводить.

– Понятно, – сказал Монс. – Всё равно все там будем.

– Конечно. Ну ладно, пойду отнесу пенал домой.

Выйдя от Монса, Уле-Александр увидел Оливера. Тот, как всегда, сидел на своём синем велосипеде, но вид у него был несчастный.

– Ужас, – сказал он. – Не хочу туда идти.

– Мне тоже немножко не по себе, – ответил Уле-Александр. – Хотя и любопытно тоже.

– Тебе-то что, – ответил Оливер, – тебя мама отведёт. А моя мама работает. Знаешь, как страшно одному идти?

– А папа ещё в больнице? Слушай, неужели у тебя нет какой-нибудь тёти или бабушки?

Оливер покачал головой:

– В городе нет.
– Ты можешь пойти со мной и мамой, – предложил Уле-Александр. – Но тебе, наверное, хочется своего отдельного взрослого, да?

– Конечно, мне хочется отдельного.
– Давай подумаем. Тётя Петра поведёт Иду, а мама Монса будет провожать Монса. Вспомнил! Я знаю одного ничейного взрослого – моя бабушка! Ты наверняка можешь взять её напрокат.

Оливер очень обрадовался.
– А можешь её спросить? – сказал он. – Передай ей от меня поклон и скажи, что я подарю ей индейца. Может быть, даже вместе с конём.

После обеда Уле-Александр побежал к бабушке.
– Ты хочешь получить индейца вместе с конём?
– Очень хочу. Можешь так и записать.
– Тогда тебе нужно проводить Оливера в школу в первый день. Его мама работает, а ему очень хочется прийти со своим отдельным взрослым.

– Как интересно! – обрадовалась бабушка. – Слышишь, дед? Я снова пойду в школу. Передай Оливеру, что я согласна и точно не забуду. Я зайду к вам заранее, чтобы нам не опоздать.

– Прекрасно, – сказал Уле-Александр.
В день, когда Уле-Александр шёл в школу в первый раз, он проснулся ни свет ни заря. Мама, папа и Кроха безмятежно спали. Если они хотят проспать всё на свете, это их дело, решил Уле-Александр, но он встанет пораньше и точно никуда не опоздает. К счастью, мама сложила на стул всё, во что ему сегодня одеваться.

Он в пять секунд натянул на себя одежду, оставалось только позавтракать. Есть Уле-Александр совершенно не хотел, но знал, что скажут на такое заявление мама с папой, и скрепя сердце решил хотя бы попробовать.

Он вышел на кухню, и Пуф очень ему обрадовался. Но и он не собирался вставать в такую рань, поэтому сонно лизнул

Уле-Александра и тут же залез обратно в свою корзинку, свернулся клубком и уснул. Уле-Александр открыл хлебницу и достал буханку хлеба. Надо её нарезать. Уле-Александр положил хлеб на доску и взял чёрный ножик.

– Главное – не торопиться, – сказал он сам себе. – Тогда точно не порежешься.

Уле-Александр отлично справился, правда, куски получились довольно толстые, но это ведь не беда. Уле-Александр намазал на хлеб масло, а сверху варенье. Бутерброды вышли очень вкусные, но очень сытные, сразу чувствуется, кто их делал. Уле-Александр съел один и объелся. Остальные подождут папу с мамой, решил он.

Позавтракав, он открыл ранец и проверил, лежит ли в нём пенал. Тот был на месте, и в нём красовался новый длинный карандаш, который дал Уле-Александру папа взамен исструганного.

Тут наконец на кухню, зевая, вышла мама.

– Завтрак готов, ешь скорее, – сказал Уле-Александр.

– Иди поиграй на улице, – посоветовала мама. – До школы ещё четыре часа.

– Хорошо, – кивнул Уле-Александр. Вышел из квартиры, но через пять минут вернулся.

– Долго ещё ждать? – спросил он.

– Очень долго, – ответила мама.

– Плохо, – грустно сказал Уле-Александр. – Я ни дома усидеть не могу, ни на улице погулять.

– Знаешь что, – предложила мама. – А порисовать ты не хочешь? Нарисуй, как Уле-Александр идёт в школу.

– Это я могу, – кивнул Уле-Александр и взялся за рисунок. Накалякал его в две минуты и сказал: – Лучше я пойду посмотрю, как там остальные.

Сначала он спустился на четвёртый этаж к Иде. В дверях он столкнулся с её родителями, они опаздывали на работу.

– Поздравляю, школьник! – сказал папа Иды.

– И вас с праздником, – ответил Уле-Александр.

Ида сидела на стуле в полной готовности. Косички туго заплетены, платье отглажено, на спине ранец. Но бедная тётя Петра! Она не успела собраться и металась по дому в халате, пытаясь навести порядок. Взяла сыр со стола, чтобы убрать, но некстати вспомнила, что не застелила постели. Пошла стелить постели и припомнила, что не погладила платье, в котором ей идти в школу. Включила утюг, но поняла, что накопилось слишком много грязной посуды, и принялась её мыть.

Тогда Ида сказала:

– Уле-Александр, придётся нам сегодня помочь тётю Петре, иначе порядка не будет. Давай сначала уберём со стола.

– О, какие вы милые, дети, – сказала тётя Петра. – Как вы меня выручили! А то я сегодня рассеянная.

Ребята убрали со стола и пошли стелить постели.

– Тётя Петра, только дай честное слово, что ты быстро оденешься, – попросила Ида.

– Конечно, – очень уверенно сказала тётя Петра. – Только платье поглажу.

А утюг тем временем сильно разогрелся. Тётя Петра лихо провела им по платью, утюг сердито зашипел, тётя Петра вскрикнула... и на платье прямо на животе расплылось коричневое пятно.

– Какой ужас! – простонала тётя Петра. – Что же мне делать? Это моё единственное подходящее платье. Не могу же я идти в школу в рабочем халате, в котором рисую.

– В первый день точно не можешь, – ответила Ида. – Давай подождём, пока утюг остынет. Ты догладишь платье, и мы на него посмотрим.

– Что бы я без тебя делала, Ида? Ты такая разумная! – сказала тётя Петра.

Она немножко выждала и погладила всё платье, утюг стал уже подходящей температуры, так что новых пятен тётя Петра не насажала. Она решительно надела платье на себя... и снова огорчилась, потому что коричневое пятно очень бросалось в глаза.

– Придумала! – вдруг сказала тётя Петра. И притащила свою большую плетёную сумку, с которой ходит на рынок.

Она держала её у живота, и теперь никто в целом мире не догадался бы, что утюг оставил след на платье, – посреди квартиры стояла нарядная дама в наглаженном платье и с большой сумкой.

– Очень хорошо, – одобрительно кивнула Ида. – Тебе осталось только причесать волосы, а то ты очень лохматая.

– Да, да, сейчас, – всполошилась тётя Петра.

Но волосы тёти Петры любили причёсываться долго, и чем больше она их расчёсывала, тем пышнее торчали они во все стороны и уже почти закрыли ей лицо.

– Попробуй намочить расчёску, – посоветовал Уле-Александр, – обычно помогает.

Тётя Петра вышла в ванную, а когда вернулась, её было не узнать – волосы лежали гладко, как прилизанные.

– Честно, мне больше нравится, когда ты курчавая, – сказал Уле-Александр.

– Они сейчас высохнут, – успокоила его тётя Петра, – и станут ещё пышнее, чем были. Ну всё, я готова идти в школу.

– Я чуть не забыл с вами, что сам иду в школу, – вдруг вспомнил Уле-Александр. – Мне пора бежать. Увидимся в школе.

Оказалось, что дома его дожидаются и бабушка, и Оливер. На бабушке был красивый красный кардиган, когда-то Уле-Александр

ходил с ней вместе его покупать. Оливер сидел важный и гордился, что бабушка так красиво нарядилась.

Мама тоже было готова, и они тронулись в путь.

Уле-Александр и Оливер сперва убежали вперёд, но ближе к школе Уле-Александр взял маму за руку, а Оливер пристроился к бабушке.

На школьном дворе яблоку негде было упасть: множество детей, и с каждым свой взрослый. Дети не носились вокруг, как обычно, а стояли тихо и чинно: ждали.

– Ты знаешь, что мы будем делать? – спросил Уле-Александр.

– Я думаю, вы просто поздороваетесь с учительницей, и всё, – ответила мама.

– Фуф, как мне всё это не нравится, – сказал Уле-Александр.

Так они простояли довольно долго, пока наконец из школы не вышел человек и не закричал громким голосом, что все приглашаются в физкультурный зал.

– Это завуч, – представила его мама.

В зале завуч объявил, что сейчас будет читать список первоклассников, а кто услышит своё имя, должен говорить «Я!» как можно громче.

– Не зря я боялся, – вздохнул Уле-Александр. – Начинается.

– Ничего страшного, – подбодрила его мама. – Просто скажешь «Я!», и всё.

– Это страшно, – ответил Уле-Александр.

Он стоял и произносил про себя «Я!» каждый раз, как выкликали новое имя. Похоже, до Уле-Александра этот завуч нескоро доберётся. Уле-Александр услышал, что назвали Иду и она как ни в чём не бывало ответила «Я!».

Потом назвали много разных имён, Уле-Александру незнакомых, но вдруг он услышал фамилию Монса.

Повисла долгая пауза, наконец Монс тихо сказал: «Я».

Потом перечислили ещё много-много имён и дошли до Оливера. Но он якать не любил, поэтому отвечать не стал. Бабушка пропела: «Я-я-я!» – так что он мог и не говорить ничего.

«Я-я-я-я», – повторял Уле-Александр про себя, но, когда очередь наконец дошла до него, он не смог произнести ни звука! Рот открывался, губы шевелились, но ни звука не было слышно! Уле-Александр рассердился. Он так долго тренировался, а голос его подводит.

Уле-Александр глубоко вдохнул и наконец крикнул «Я!». Да так, что стены задрожали.

– Вот молодец, – похвалил его завуч.

Потом Уле-Александр познакомился с учительницей и пошёл в свой класс. Уле-Александр, Монс и Оливер, к их общей радости, попали в один класс.

Учительница очень мило поговорила с ними о том о сём и отпустила их домой. Уле-Александр прямо парил в воздухе, такое он чувствовал облегчение. Надо же было так глупо испортить себе всё лето мыслями о том, какая страшная и ужасная жизнь ждёт в школе, а там оказалось очень интересно.

Когда Уле-Александр пришёл домой, его послали в магазин.

– Ты сегодня в школу ходил? – спросила продавщица.

– Да, ты же знаешь.

– Что ты там делал?

– Громко ответил «Я!», – очень гордо сказал Уле-Александр. – И если ты ещё не ходишь в школу, то знай, что и тебе в первый школьный день придётся громко и внятно сказать «Я!», так что начинай тренироваться.

ВСЕ ЛЮДИ РАЗНЫЕ

– **В**от как так получается, – спросил Уле-Александр, – только что радовался и вдруг огорчился?

– Ты какие-то трудные вопросы задаёшь, – ответила мама. – А сейчас ты грустишь или радуешься?

– Не радуюсь, – ответил Уле-Александр. – Вот если бы у меня было сто пятьсот тысяч миллионов крон, тогда бы я радовался.

- Это неизвестно, – вздохнула мама.
- Во всяком случае, я бы очень обрадовался, если бы у меня было пятьдесят эре на мороженое, – сказал Уле-Александр.
- Это тоже неизвестно. Мороженое ты съешь за пять минут и снова станешь искать, чем себя порадовать.
- Сегодня меня всё равно никак не порадовать, – грустно сказал Уле-Александр, – потому что Оливер, Монс и Ида заняты и мне не с кем играть. А кроме того, есть одна вещь, о которой я не хочу говорить, а она меня огорчает больше всего.
- Если ты не хочешь говорить, мне трудно узнать, о чём речь, – ответила мама. – Но я твёрдо знаю, что часто нас радуют совсем маленькие простые мелочи.
- Уле-Александр пробубнил что-то непонятное. Мама стала убирать со стола. Уле-Александр смотрел-смотрел и тоже включился.
- Потом мама мыла посуду, а Уле-Александр её вытирал.
- Значит, ты не хочешь узнать, чего я не хочу говорить? – спросил Уле-Александр.
- Хочу, – сказала мама, – но не хочу давить на тебя. Будет охота, сам расскажешь.
- Мне вообще-то хочется, – объяснил Уле-Александр, – но я не знаю, как тебе сказать.
- Сейчас я лопну от любопытства. Я едва сдерживаюсь, чтобы не начать выпытывать у тебя.
- Уле-Александр улыбнулся во весь рот: смешно, что маме так хочется узнать, что он не хочет ей говорить.
- Скажи немножко, – попросила мама.
- Ты очень рассердишься, – вздохнул Уле-Александр и снова огорчился.
- Да? – сказала мама. – Давай тогда я сразу посержусь, а потом ты расскажешь. Слушай: Уле-Александр, как только тебе такое в голову пришло? Что мне с тобой делать, скажи на милость?

– Нет, ты не так будешь сердиться. Ты скажешь: «Опять ты об этом, Уле-Александр? Сколько можно обсуждать одно и то же? Я ведь сказала тебе...» Вот так ты будешь сердиться.

– Ладно, – кивнула мама. – Опять ты об этом, Уле-Александр? Сколько можно обсуждать одно и то же? Ну всё, я посердилась. Теперь говори спокойно.

– Хорошо. Начинается на «р».

– Р-р-р-р-р, – зарычала мама. – Нет, Уле-Александр, скажи ещё букву.

– Ра, – подсказал Уле-Александр.

– Ра, ра, ра... – задумалась мама.

– Ран, – продолжал подсказывать Уле-Александр.

– Ран, ран, ран, – повторила мама несколько раз. – Нет, я не знаю никакого рана.

– Ра-не.

– Угадала! – закричала мама. – Ранец!

– Правильно, – сказал Уле-Александр. – Молодец. Только ты всё равно меня не слышишь, хотя я тебе много раз говорил.

– А вот и нет, – сказала мама. – Мне кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать.

– В школу с такими ранцами никто не ходит. И все ко мне задираются: а чего это ты с таким ранцем? У тебя чего, нет нормального, как у нас? Я не знаю, что им отвечать. Они меня замучили.

Когда Уле-Александра собирали в школу, родители не стали покупать ему ранец. Папа отдал ему свой. Он был почти новенький, потому что папа носил его всего один год, а потом перешёл в старшую школу и уже ходил с сумкой. А ранец лежал бережно упакованный и ждал своего часа.

Папа не стал никому его отдавать, он мечтал, что, когда у него родится сын, он подрастёт и будет ходить в школу с этим прекрасным ранцем.

Тот и вправду был очень хорош. Коричневый, из свиной кожи и с кожаным ушком на замке.

И в первый день Уле-Александр пошёл в школу с ранцем, который казался ему очень хорошим. И на следующий день, и ещё дня три Уле-Александр был по-прежнему очень доволен своим ранцем. Но потом несколько вредных ребят стали над ним смеяться.

– А чего это ты с таким ранцем?! – кричали они на весь школьный двор. – У тебя чего, нет нормального, как у нас?

Уле-Александр пугался и ничего не отвечал. Но, когда они и на следующий день не унялись и продолжали дразнить его из-за ранца, Уле-Александр рассвирепел. Он метал в них грозные взгляды, но не мог придумать достойного ответа.

Из-за этого глупого ранца ходить в школу стало совсем не так приятно, как показалось вначале.

– Оливер тоже огорчается, – пожаловался Уле-Александр маме. – У него заплатка на попе, а они тычут пальцами и ржут.

– Просто у мамы Оливера золотые руки, поэтому ей под силу починить его одежду. Передай ему при случае, что такой рукодельницей можно только гордиться. Но вернёмся к твоему ранцу. Будь он потрёпанный, рваный, без застёжки, я бы согласилась на новый. Но покупать второй ранец просто так – это всё равно что выкинуть деньги в форточку. Сам посуди – в мире много-много детей. И нет двух одинаковых. У каждого своё лицо, свой характер. Кто сказал, что такие разные дети должны любить одно и то же? Что им должны нравиться совершенно одинаковые рубашки, кеды и ранцы? Это просто глупость какая-то, Уле-Александр.

– Когда ты так говоришь, всё кажется очень легко, – ответил Уле-Александр. – Но не знаю, помогут ли такие слова в школе. Боюсь, эти мальчики удивятся, если я им отвечу.

– Может получится и так, – сказала мама. – Но смотри, что я делаю: я кладу в этот конверт столько денег, сколько стоит новый ранец. И постараюсь докладывать сюда немножко каждую неделю. Глядишь, мы скоро наберём денег тебе на письменный стол.

– Настоящий? С ящиками?

– Да.

– У меня ещё есть десять эре, – сказал Уле-Александр, – добавь туда. Мне кажется, я уже перестал грустить и хочу пойти гулять. Пока!

Никого из ребят на улице не было, но Уле-Александр не расстроился. Подумаешь, сказал он себе, неплохо когда-нибудь и одному пройтись.

И он решил прогуляться в центре. Одному это даже приятнее. Не надо никого ни ждать, ни подгонять. Захотел остановиться – стоишь, захотел пойти дальше – пошёл.

Уле-Александр дошёл до большой улицы. Здесь звенели трамваи, было полно машин и толпа людей – они спешили с работы домой. Уле-Александр решил, что надо сесть, тогда будет удобнее смотреть по сторонам, слишком много вокруг интересного. Он устроился на краешке длинной витрины. И сперва долго рассматривал её саму, потому что в ней были разложены книги. Смотреть на них оказалось увлекательно, хотя они были и взрослые. Но зато на обложке каждой – по картинке. Уле-Александр сидел так, пока у него не затекла шея. Тогда он повернулся и стал разглядывать машины. Ему многие нравились. Вон от той синей он бы не отказался. И от этой красной...

Устав от машин, он переключился на людей. Мама правду сказала – нет двоих одинаковых людей, все разные. Рассматривать их было очень интересно. Уле-Александр даже игру придумал: он

смотрел сначала на ноги и старался отгадать, как выглядит их обладатель. Но это оказалось невозможно. Уле-Александр то и дело хохотал, как сильно он ошибался. Он чувствовал себя зрителем в кино. Мимо всё время проплывали новые лица, ничуть не похожие друг на друга.

Когда сидеть так стало невозможно, потому что затекла и спина, и шея, Уле-Александр побрёл домой. Чуть выше по улице он увидел широкое окно и рядом зеркало. Длинное и тоже широкое. Уле-Александр отражался в нём в полный рост. Но подумал понарошку, будто вовсе не знаком с мальчиком в зеркале. «Так-так, – сказал он себе, – значит, вот он какой, этот Уле-Александр Тилибом-бомбом. Один-единственный такой в целом мире, других нет. А теперь пойду-ка я домой, на людей я сегодня вдоволь насмотрелся».

Подойдя к своему высокому большущему дому, он увидел Оливера.

– Уже вернулся? – спросил Уле-Александр.

– Да, – кивнул Оливер. – Мы с мамой ходили стирать в такую огромную прачечную. По-моему, мы всю нашу одежду перестирали.

– У-у, – протянул Уле-Александр. – Значит, вы очень устали. Тогда до завтра, увидимся в школе.

– Хорошо бы меня от школы совсем освободили, чтоб мне туда не ходить больше, – вздохнул Оливер. – Мне уже сейчас противно думать про завтра, а всё из-за заплатки на попе.

– Не обращай внимания, и всё. Ты должен гордиться, что у тебя мама рукодельница, – сказал Уле-Александр.

– Хорошо тебе говорить, у тебя небось штаны без заплатки.

– А если б у меня тоже была заплатка на попе, ты бы обрадовался?

– Ещё как! Я бы скакал от радости.

– Тогда мне надо быстрее домой, – вдруг сказал Уле-Александр. – До завтра!

Едва войдя в дом, он кинулся к маме:

– Ты должна успеть до завтра пришить мне заплатку на школьные брюки на попу!

– Порвал? – огорчилась мама. – Как жалко, они новые.

– Нет, не порвал, – сказал Уле-Александр. – Но Оливер очень обрадуется, если у меня тоже будут штаны с заплаткой.

– Вот оно что, – кивнула мама. – Тогда, конечно, сделаю. С заплаткой брюки прочнее, а у меня есть материя того же цвета.

Весь вечер Уле-Александр был рад и доволен. Ага, не ожидали, думал он. Но к утру храбрости поубавилось, и Уле-Александру стало не по себе.

Он тщательно умылся, оделся, причесался. Сегодня ему идти в школу с неправильным ранцем и с заплатой на попе... Уле-Александр как будто застыл, и за завтраком маме пришлось говорить ему: «Откуси бутерброд» и «Жуй, пожалуйста».

Уле-Александр не любил опаздывать и всегда приходил в школу задолго до звонка. «Сегодня мне не надо было сюда торопиться», – запоздало сообразил он, входя в ворота. На школьном дворе кучей стояли ребята из его класса. И Оливер уже тоже пришёл, но жался в дальнем углу и к остальным не шёл.

Завидев Уле-Александра, два главных дразнильщика громко завопили:

– Ранец-рванец-оборванец! Из хлама достали, Уле отдали! Эй, дай поглядеть!

– Смотрите! – крикнул в ответ Уле-Александр и повернулся к ним спиной: – Видели, у меня ещё на попе заплатка!

Он решил, что лучше сразу покончить со всем одним махом.

– Ну-ка встаньте в ряд! – не останавливаясь строгоскомандовал он.

От изумления все послушно стали в шеренгу.

– Посмотрите друг на друга, – не унимался Уле-Александр. – Вы видите двух совершенно одинаковых ребят?

Все долго пялились друг на друга и на Уле-Александра, но в конце концов покачали головами:

– Нет, мы тут все разные.

– А почему вы тогда думаете, что ранцы у всех должны быть одинаковые? – спросил Уле-Александр. – А заплатка на брюках – это круто. Значит, кто-то у вас в семье умеет очень хорошо шить.

Теперь к ним подошёл и Оливер. Он улыбался во весь рот и до того расхрабрился, что вилял попой.

– Кто хочет потрогать мой ранец? – не унимался Уле-Александр. – Здесь все люди взрослые и умеют считать деньги, да? Никто не намерен их в форточку выкидывать? Я не собираюсь покупать ещё один ранец, когда у меня уже есть хороший. Смотрите, какой он кожаный, и ушко на замке. Если я отправлюсь на Северный полюс, он мне отлично подойдёт.

– Мне твой ранец очень нравится, – сказал Монс.

– Здорово, что у тебя латка на штанах, – сказал другой мальчик. – У меня самого такие, и мама говорит, чтобы я ходил в них в школу. А я боюсь, что меня задразнят, как Оливера. Поэтому я хожу в школу в выходных брюках, но теперь получается, что выходных брюк у меня нет.

– Это обидно. Ты лучше приходи завтра в школу в латаных штанах. А пока айда в салки играть! – крикнул Уле-Александр и погнался за мальчиком.

Минуты не прошло, и весь класс уже носился по школьному двору и ни у кого не было времени думать о всякой ерунде вроде ранцев и залатанных штанов.

БАБУШКА

Однажды в гости к Уле-Александру пришёл дедушка. Мама с папой очень обрадовались, мама сварила кофе и поставила на стол кексы и печенье. Кроха вопила от восторга и хватала деда за штанины, а Уле-Александр улыбнулся заговорщицки и сказал:

– Ты вовремя пришёл, дед. Сейчас я научу тебя писать цифру 5, потому что я теперь умею.

Но дед был на себя не похож. Он пробубнил себе под нос: «Угу», и больше ничего не сказал.

– Что-то случилось? – не выдержала наконец мама. – С бабушкой всё в порядке? Она не больна?

– Нет, она не больна, – ответил дедушка. – Но с ней что-то странное творится. Даже не знаю, как объяснить. Она весь день ходит и поёт, а иногда смеётся. Я спрашиваю, в чём дело, а она говорит: не волнуйся, всё в порядке, но мне надо потолковать с Уле-Александром.

– Она наверняка придумала что-то эдакое, – с восторгом сказал Уле-Александр. – Перед тем как она брала меня с собой покупать красный кардиган, она тоже такая была.

– Ты думаешь? – спросил дед с некоторым сомнением. – Слушай, Уле-Александр, может быть, ты сбегашь к нам и посеCRETничаешь с бабушкой, пока я тут у вас кофе пью?

– Да, я прямо сейчас сбегаяю, – ответил Уле-Александр и добавил, чтобы сказать дедушке приятное: – Тебе она наверняка тоже скоро расскажет этот секретик.

Дедушка, кстати, стал гораздо больше похож на себя обычного. Видно, разговор о бабушке помог.

Бабушка очень обрадовалась Уле-Александру и кивнула ему с заговорщицким видом.

– Очень хорошо, что ты пришёл, – сказала она. – Я тебя как раз и ждала, у меня к тебе дело есть. Дедушки нет, так что можем сеCRETничать без помех. Пойдём на кухню, чтобы никто не подслушал.

Едва присев на табуретку, бабушка спросила:

– Уле-Александр, как ты думаешь – я на самолёте летала?

– Думаю, нет, – ответил Уле-Александр.

– Разве это правильно? – спросила бабушка. – Я прожила семьдесят лет, все кругом только и делают, что летают туда-сюда...

– Ты собралась в полёт, бабушка? – перебил её Уле-Александр.

– Да, мне очень хочется слетать куда-нибудь и пожить в хорошей гостинице. Я никогда не делала ни первого, ни второго. Одно меня останавливает – для такого путешествия нужен верный попутчик.

– Конечно, – кивнул Уле-Александр. – А разве дедушка с тобой не полетит?

– Ты знаешь, у меня духу не хватает с ним об этом поговорить. Он много раз торжественно клялся, что никто не сумеет заманить его в самолёт. И тогда я подумала, что, если ты согласишься со мной полететь, у меня уже будет попутчик. Полетишь со мной? – От нетерпения бабушка вскочила с табуретки и переминалась с ноги на ногу.

– Я? – переспросил Уле-Александр. – Ты предлагаешь мне полететь на самолёте? Ты точно обо мне говоришь? – Он оторопел и едва верил своим ушам. – Ты спрашиваешь, хочу ли я полетать на самолёте с тобой вдвоём?

– Да. И пожить в очень хорошей гостинице. Это предложение в двух частях. А деньги у меня есть на сберегательной книжке. Я копила много-много лет, так что наверняка хватит. Когда мы можем отправиться? ..

– Не знаю, я же в школу теперь хожу. Может быть, на зимние каникулы?

– Ой нет, это слишком долго ждать. А у вас не бывает длинных выходных?

– Бывают, – кивнул Уле-Александр. – Ближайшие выходные как раз длинные.

– Тогда мы отправляемся в субботу, – сказала бабушка, – а вернёмся рано утром во вторник, и ты сразу пойдёшь в школу. Отличный план.

– Ты просто меня разыгрываешь, – наконец понял Уле-Александр. – Это ты мне понарошку предлагала.

– Да нет же, – сказала бабушка. – Я серьёзно. Только бы тебя папа с мамой отпустили.

– Ой, об этом я не подумал, – испугался Уле-Александр. – Но с тобой меня наверняка отпустят. А деду ты совсем говорить не будешь?

– Скажу, конечно. Но я хочу сначала купить билеты, иначе не поверит, что я не шучу. Не забудь позвонить мне, что ты дошёл до дома.

– Хорошо, – сказал Уле-Александр, – обязательно.

Он вышел на улицу. Мысли кружились как карусель и путались, Уле-Александр шёл и сам с собой разговаривал.

– Я полечу, – говорил он, – на самолёте.

Сперва он сказал просто: «Я полечу на самолёте». Потом стал повторять на все лады: «Я полечу на САМОЛЁТЕ, я ПОЛЕЧУ на самолёте, Я полЕчу на Самолёте, я ПолЕЧУ на саМОлётЕ».

Постепенно до него дошло, что это правда, и Уле-Александр даже струхнул слегка. И тут он услышал над головой мерное та-рахтение.

Он задрал голову. Высоко-высоко в небе летел самолёт. Обычно Уле-Александр думал о самолётах, как о чём-то странном и далёком, но сегодня он как будто бы сам взмыл в воздух, перенёсся в самолёт, сел рядом с пилотом и посмотрел на город сверху вниз.

На самом деле он просто стоял на тротуаре, запрокинув голову назад, но чувствовал себя вторым пилотом в кабине самолёта. Голова кружилась, а пришлось запрокинуть её ещё сильнее, чтобы не потерять самолёт из вида. И вдруг Уле-Александр пошатнулся и шлёпнулся на попу.

– Кто-то тут совершил жёсткую посадку, – услышал он знакомый голос, это дедушка возвращался домой. – Ты чем занят?

– Я летал на самолёте, – объяснил Уле-Александр.

– Вот оно что, – сказал дедушка, провожая взглядом самолёт. – Всё понятно.

Уле-Александр страшно перепугался – вдруг он ненароком выдал бабушкину тайну?

– Нет, я не по-настоящему летал, я просто смотрел на самолёт. Люди часто любят пролетающими самолётами.

– Угу, – кивнул дедушка. – Ты головой не ударился? Как-то ты странно разговариваешь.

– Нет, нет, со мной всё в порядке.

– Хорошо провёл время у бабушки?

– Очень хорошо. Она скоро расскажет тебе секрет, но лучше она сама это сделает, потому что я обещал никому не рассказывать, так что я не хочу говорить.

– И правильно, мальчик мой, – кивнул дед. – Ну ладно, побреду я домой не спеша.

Уле-Александр снова поднял глаза в небо, но самолёт уже улетел. И тогда Уле-Александр придумал другую игру – теперь он сам

был самолёт. Он качнул крыльями и взмыл в облака. Дед смотрел ему вслед и посмеивался в бороду.

– Посмотрим, верно ли я угадал, – пробормотал он себе под нос.

Уле-Александр летел до самого дома, потом, кружа над ступеньками, взмыл вверх и приземлился в квартире, едва дыша.

– Хорошо провёл время у бабушки? – спросил папа.

– Хы, хы, – просипел Уле-Александр.

– Ты так запыхался, потому что бежал? – спросила мама.

Уле-Александр покачал головой. Он не бежал. Он снова расставил руки в стороны и качнул ими как крыльями.

– А, понял, – сказал папа. – Ты летел.

– Да, – просипел Уле-Александр. – И мы с бабушкой полетим на самолёте.

– Вы идёте на карусели?

– Нет, мы полетим на настоящем самолёте, – сказал Уле-Александр и показал пальцем в потолок.

– Что ты такое говоришь? – спросила мама, и на лице её отразился ужас. – Вы собираетесь летать по воздуху?

– Да, – сказал Уле-Александр. – Бабушка прожила много лет, но ни разу не летала. Она больше не хочет откладывать. И она возьмёт меня с собой, если вы разрешите.

– Хм, – сказал папа. – Мама, что скажешь? Я бы разрешил.

– Это что же получается, – заговорила мама с испугом. – Вы предлагаете мне стоять на земле и смотреть, как мой родной сын исчезает за облаками?

– Я понимаю, что тебе тоже хочется, – ответил Уле-Александр. – Но я, честное слово, всё-всё потом тебе расскажу.

– Знаешь, если у бабушки правда есть деньги, давай ему разрешим, – сказал папа. – Это будет для него настоящее приключение.

– Хорошо, – кивнула мама. – Но куда вы летите?

– Мы улетим из нашего города и будем жить в хорошей гостинице, – объяснил Уле-Александр. – Только мне кажется, бабушка пока не решила, куда нам лететь.

– Давай-ка сразу позвоним бабушке и спросим, – сказала мама.

– Привет, привет, – бодро ответила бабушка в трубке. – Сейчас я всё тебе расскажу. Сначала я думала отправиться за границу, но это трудно вписать в короткие выходные, так что я передумала, и теперь мы летим в...

Я не хочу пока говорить, какой город выбрала бабушка, чтобы ты сам догадался. Я назову его только на последней странице, так что у тебя много времени подумать. Там мы остановимся на две ночи в роскошной гостинице, а в понедельник вечером сядем на ночной поезд и во вторник утром будем дома.

– Хорошо, – сказала мама.

Уле-Александр попросил трубку на минуту.

– А дедушка уже в курсе? – спросил он.

– Представляешь, он сам догадался! И он мне разрешил лететь, всё в порядке.

– Очень хорошо, – обрадовался Уле-Александр, потому что делать что-то тайком от деда – это лишаться половины удовольствия. – До свиданья, бабушка, я побежал на улицу всем рассказывать.

Он помчался напрямик к Монсу.

– Представляешь, я в субботу полечу на самолёте!

– Да ладно, – махнул рукой Монс. – Опять сочиняешь. Прямо не могу понять, как тебе удаётся столько придумывать? Но меня не проведёшь, я не дурачок. Я сразу понял, что ты меня разыгрываешь.

– Честное слово! Мы с бабушкой летим.

– На самолёте?

– Да.

– Тогда у меня будет уже двое знакомых, кто летал, – мой дядя и ты.

– Я ещё не успел рассказать Иде и Оливеру, так что мне пора бежать дальше.

Они вдвоём вышли из дома, и Монс сиял от гордости не меньше, чем Уле-Александр.

На улице они сразу натолкнулись на Оливера.

– Я знаешь, что буду? – спросил Уле-Александр. – На самолёте летать!

– Фу, – протянул Оливер. – Ты очень боишься?

– Боюсь? Да я радуюсь! Айда Иде рассказывать!

Им открыла дверь тётя Петра. Монса так распирало, что он не выдержал и брякнул первым:

– Уле-Александр собирается такое сделать!..

– Что ты говоришь? Заходите скорее.

– Такое-претакое, – добавил Монс.

– Да? – сказала тётя Петра. – А я думала просто такое...

– А что, Уле-Александр? – спросила Ида.

– Угадай!

Ида задумалась и спросила:

– Это относится к минералам, планетам или животным?

– Наверно, к минералам, потому что его делают из стали, – ответил Уле-Александр.

– Оно есть здесь в комнате? – спросила тётя Петра.

– Нет, – ответил Уле-Александр, а Монс захихикал.

– Оно есть в нашем городе?

– Не совсем в городе, – уклончиво ответил Уле-Александр.

– Оно ездит на колёсах? – продолжала тётя Петра.

– Оно может ездить и на колёсах тоже.

– Это не такой корабль, который движется по земле и воде?

– Нет. Он умеет гораздо больше.

– Он летает по воздуху? – догадалась тётя Петра.

– Да. Вот что я буду делать!

– О, вот это здорово! – сказала тётя Петра. – Я однажды тоже летала. Тебе очень понравится.

Бабушка и Уле-Александр улетали в субботу, и дни до субботы пролетели очень быстро.

Вечером накануне полёта Уле-Александр лежал в своей кровати и думал. Одно дело – говорить о самолёте, а другое – когда через несколько часов уже лететь. Уснуть Уле-Александр не мог. Зачем, собственно, мне подниматься в воздух? – думал он. Мне и на земле очень хорошо. И если бы завтра его ждала самая обычная суббота, тоже было бы совсем неплохо. После школы он бы пошёл к Монсу, а не тащился в аэропорт. И они бы отлично поиграли с Монсом, Оливером и Идой, если только к ней подружки не нагрянут. И всё было бы такое знакомое, приятное, хорошее. И безопасное.

В спальню зашла мама.

– Всё не спишь? – спросила она.

– Не сплю. Думаю, как завтра полечу.

– Понятно, – сказала мама. – Знаешь, думать о таких вещах на ночь никогда хорошо не получается. Утро вечера мудренее. Проснёшься, и всё тебе покажется прекрасным, вот увидишь.

Мама сказала правду. Потому что утром Уле-Александр сразу почувствовал щекотку во всём теле, так ему не терпелось лететь. И если бы полёт вдруг отменили, Уле-Александр страшно бы расстроился.

Но до полёта ещё надо было сходить в школу.

– Я не высижу ни одного урока, – сказал Уле-Александр.

– Прекрасно высидишь, – ответила мама. – Тебе и так счастье привалило с этим путешествием, так не хватало вдобавок ещё и школу прогуливать.

Но уроки пролетели незаметно и быстро. По случаю субботы им разрешили рисовать в своё удовольствие.

Уле-Александр нарисовал большой самолёт, а в нём сидели они с бабушкой и махали руками.

Потом учительница прочитала им сказку и отпустила по домам. Из школы он шёл вместе с Монсом и Оливером.

– Знаешь, что я придумал? – спросил Монс. – Когда ты будешь пролетать над городом, мы с Оливером можем высунуть в чердачное окно флаг и махать им.

– Здорово! Я буду смотреть внимательно. Вы будете махать белым флагом или красным?

– У меня есть красное полотенце, – объяснил Монс. – Я могу привязать его к швабре и махать.

– Уговор, – кивнул Уле-Александр. – Тогда я вас увижу.

– Это я первый раз буду махать самолёту, – сказал Оливер. – Счастливого полёта, Уле-Александр!

– Пока! Я вернусь во вторник утром, можем пойти в школу вместе.

Чемодан Уле-Александра давно был сложен и ждал хозяина, а с ним вместе ждала бабушка и её чемодан.

Бабушка очень обрадовалась, что Уле-Александр уже пришёл.

– Вот и ты. Отлично! Ну, пойдём потихоньку.

Бедная бабушка была раздосадована: она рассчитывала, что дедушка проводит её в аэропорт. И вдруг перед самым выходом деду кто-то позвонил, и ему пришлось срочно уехать по делам. Он очень извинялся, но ничего поделать не мог.

– Мы с Крохой вас проводим, – сказала мама. – Пойдёмте.

Идти было недалеко. Только до автобусной остановки на большой улице. У аэропорта есть свой автобус, он возит путешественников из города на аэродром и обратно.

Крохе сегодня разрешили не ехать в коляске. Она шла между мамой и Уле-Александром и быстро-быстро переставляла свои маленькие ножки. Иногда они заплетались, и Кроха норовила упасть, но мама и Уле-Александр тут же подхватывали её.

Он очень радовался, что Кроха идёт с ними. Пока следишь, чтобы она не упала, некогда думать, что скоро тебе отрываться от земли и лететь по воздуху.

А понравилось ли им с бабушкой летать или нет – об этом ты узнаешь в следующей главе.

ПОЛЁТ

Погода была пасмурная. Бабушка совсем расстроилась. Она всю неделю только и мечтала, как они в лучах солнца будут лететь над горами и долами. Но что поделаешь. Билеты куплены, и вот стоит автобус, который отвезёт их в аэропорт.

Сначала бабушка подошла к стойке и показала их билеты. У них тут же забрали чемоданы, сказали, доставим и отдадим вам по прилёте. В самолёте, оказывается, есть отдельный отсек специально для чемоданов.

Уле-Александр вообще-то готов был таскать свой чемодан сам.

– Ещё потеряется, – сказал он с сомнением.

– Не волнуйся, – успокоила его мама. – Чемодан прилетит вместе с тобой, вот увидишь. Давайте садиться в автобус.

У мамы, бабушки и Уле-Александра было по своему отдельному месту, а Кроха сидела на коленях у брата, вернее, крутилась и прыгала.

– Ту-ту-ту, – говорила она.

– Кроха, скажи – самолёт, – попробовал научить её Уле-Александр.

– Са-а-ёт, – сказала Кроха.

– Нет, не так. Самолёт.

– Са-а-ёт, – повторила Кроха.

– А ехать в этом автобусе тоже хорошо, да, бабушка? – сказал Уле-Александр. – Вот бы он раз и взлетел!

– Ох уж да, – сказала бабушка как-то рассеянно. Она вообще была сегодня задумчивая. Но это неудивительно: сегодня ей предстоит впервые в жизни подняться в воздух!

Автобус выехал из города и покатил по шоссе. Потом впереди показался аэродром. На поле стояли маленькие самолётики и большие самолёты.

А вдруг им достанется такой малюсенький? Они в нём и не поместятся, наверно. Нет, только не это. Уле-Александр хотел лететь на большом самолёте.

Автобус остановился, и они вошли в чудное круглое здание. Здесь был ресторан и огромный холл, а в нём множество людей. Голос в громкоговорителе сказал:

– Пассажиры в Америку. Ваш самолёт готов к вылету.

Бабушка и Уле-Александр переглянулись и покачали головами.

– Это не наш, – сказала бабушка. – Мы летим не в Америку.

– У вас ещё много времени, – заметила мама. – Посадка через полчаса, пойдём выпьем кофе в кафе.

Уле-Александр наострил уши и смотрел во все глаза, чтобы ничего интересного не пропустить. Все дни ожидания он почему-то думал, что полетят только они с бабушкой. А тут столько народу, и все куда-то летят.

Сидеть и чего-то ждать Уле-Александр очень не любил. Ему принесли молоко и вкусную булочку с кремом, но есть он опасался. Сейчас только он набьёт полный рот, как скажут, что пора прощаться с мамой и Крохой. Тут недолго и поперхнуться. Или вообще не в то горло попадёт.

Недалеко от Уле-Александра сидел пожилой господин и читал газету. Уле-Александру не было его видно, а то бы он очень удивился: господин читал газету вверх ногами.

Если он вообще её читал, а не просто прятался за ней.

Наконец голос в громкоговорителе объявил их рейс.

Бабушка встала, но Уле-Александр уже тянул её за пальто и хотел бегом бежать в самолёт.

– Тебе надо сейчас попрощаться с нами, – сказала мама. – Мы не можем проводить вас дальше. Вы пойдёте в самолёт, а мы помашем вам отсюда из-за ограждения.

– Понятно, – кивнул Уле-Александр. – До свидания, мама. Не скучай. Я скоро вернусь к тебе. Кроха, до свидания!

Кроха очень огорчилась, что старший брат улетает. Уголки губ у неё опустились, лицо суксилось, из глаз потекли слёзы.

– Кроха, я привезу тебе диковинный заморский подарок, – пообещал Уле-Александр, и это помогло: Кроха повеселела.

Бабушка и Уле-Александр вышли на лётное поле. Самолёт уже стоял и ждал их. Это был большой самолёт, и Уле-Александр обрадовался. В нём, конечно, хватит места не только для них с бабушкой, но и ещё для кого-нибудь.

По очень узкой лесенке, похожей на трап, только задранный высоко наверх, они поднялись в самолёт. Здесь рядами стояли кресла – очень красивые кресла. Уле-Александр побежал и сел у окна, а бабушка устроилась рядом с ним.

– Может, надо пустить тебя к окну? – спросил Уле-Александр.

– Нет, мне и так хорошо видно, – ответила бабушка. – Ну всё, Уле-Александр, теперь мы точно полетим, передумать поздно.

Мама с Крохой стояли на поле за ограждением, мама махала и махала им не останавливаясь. Уле-Александру вдруг стало очень её жалко: она наверняка тоже хочет в полёт – и он изо всех сил замахал в ответ.

В самолёт между тем набилось очень много людей, и теперь все они рассаживались по местам.

Пожилой господин, читавший газету вверх ногами, тоже летел этим же самолётом. Он сел позади Уле-Александра и бабушки. Если бы они оглянулись, то господин поспешно закрыл бы лицо газетой, опять повернутой вверх ногами.

Но Уле-Александр ничего этого не заметил, он смотрел в окно и махал маме с Крохой.

Задраили дверь, пришла дама в красивой форме и пилотке набекрень и сказала:

– Пристегните ремни!

– Это стюардесса, – объяснила бабушка. – Лучше мы сделаем, как она говорит.

Уле-Александр осмотрел своё кресло. Ничего себе – оказывается, в него вделан роскошный ремень с широкой пряжкой. Бабушка помогла ему справиться с застёжкой, и ремень защёлкнулся.

Пришла стюардесса и раздала всем маленькие жёлтые упаковки жвачки. Ого!

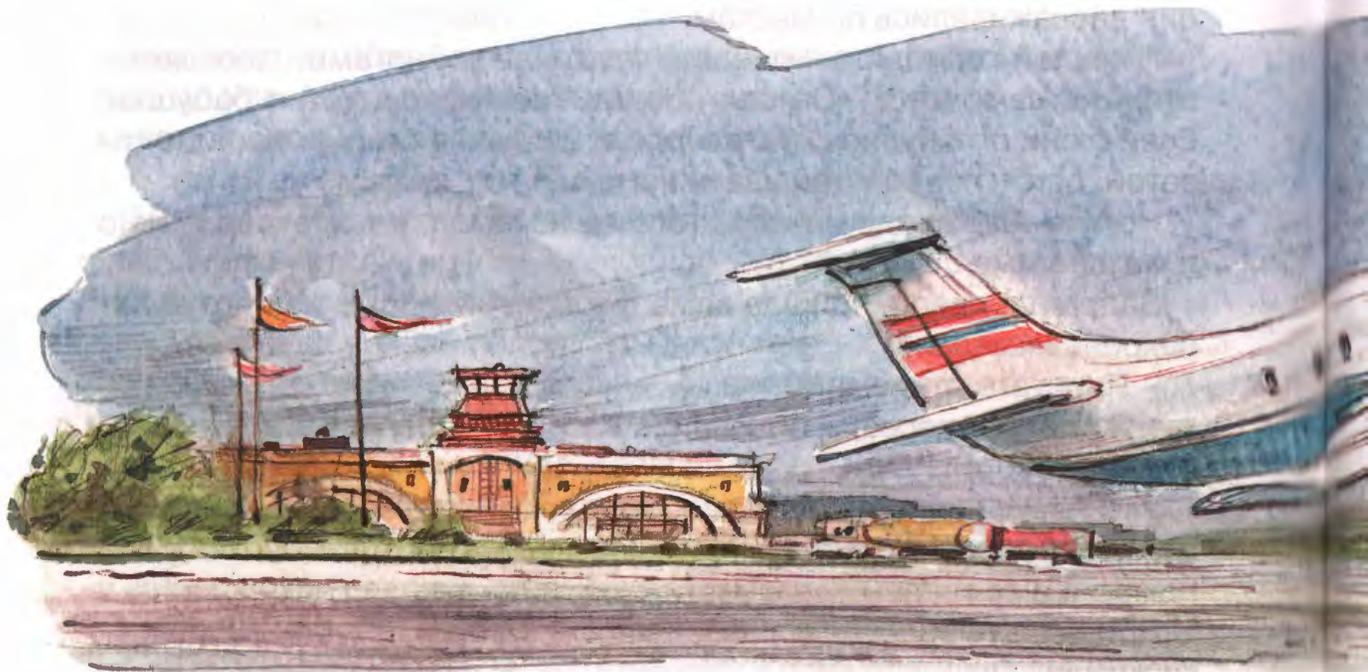
– Большое вам спасибо! – сказал Уле-Александр и дёрнулся, чтобы встать и поклониться. Но тугой ремень не пустил, и Уле-Александр снова плюхнулся в кресло.

– Дайте и мне жвачку, пожалуйста, – попросила бабушка. – С ума сойти. Я никогда ещё жвачку не жевала, мне ведь раньше не надо было.

– Её полезно жевать, когда мы набираем высоту, – объяснила стюардесса. – И оставьте пару пластинок на посадку.

Уле-Александр и бабушка послушно положили жвачку в рот и, как только самолёт покатил вперёд, изо всех сил начали жевать. Уле-Александр отчаянно замахал маме, но самолёт быстро набирал разгон, и очень скоро она пропала из виду.

– Несётся как гоночный автомобиль, – сказал Уле-Александр. – Мы ещё на земле, представляешь?

– Вот и хорошо, – ответила бабушка.

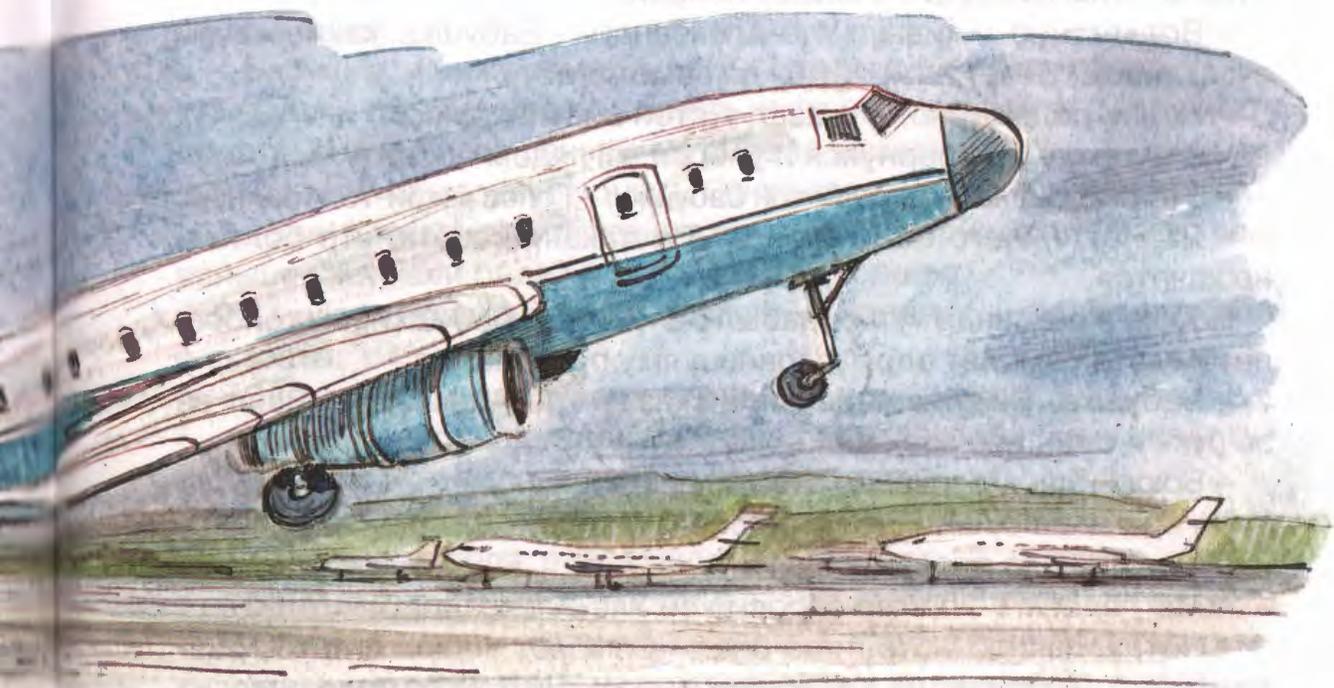
– Я думаю, что на земле, – поправился Уле-Александр. – За окном серость, ничего не видно.

Самолёт двигался быстрее и быстрее. Мотор ревел. Уле-Александр прижался носом к стеклу и вдруг увидел, что земля уже под ними.

– Бабушка, – закричал он, – мы летим! Мы в воздухе!

Она кивнула, улыбнулась, но ничего не ответила, боясь хоть на секунду перестать жевать жвачку.

Но как досадно, что такая пасмурная погода прилась именно на эту субботу! Туман был густой и плотный, за окном Уле-Александр видел только глухую стену серости. Самолёт нырял вверх-вниз, и лететь было точно как идти по морю на моторке, когда хмарь и зыбь.

– Знаешь, что я вспомнил? – всполошился Уле-Александр. – Монс и Оливер сейчас нам машут. Они собирались привязать полотенец к швабре и махать в чердачное окно, но я их не вижу. Города вообще не видно.

– Эх, обидно. Но нам всё равно приятно знать, что они нам сейчас машут, правда ведь?

Вдруг стало светло. Уле-Александр выглянул в окно, а там ясно и хорошая погода. Землю не видно, но видно облака. Они плывут над другими облаками, и сияет солнце.

– Ах, красота! – ахнула бабушка. – Смотри, смотри, облачные сугробы, а в них солнце кувыркается!

Сколько хватало глаз, везде белели облака. Пышные, как сахарная вата, причудливые, как снежные фигуры, огромные, как волны с барашками.

– Так даже интереснее, чем в хорошую погоду, – сказала бабушка. – Мы как будто в сказку попали.

– Вот именно, – кивнул Уле-Александр. – Бабушка, какие же мы счастливые! Везёт нам, летим на самолёте.

– Верно подмечено, – сказал густой низкий голос.

Уле-Александр обернулся и упёрся взглядом в газету.

– Это ты сказала? – спросил он бабушку. – Голос какой-то странный.

– Я? Нет, ничего не говорила. Тут такая красота, что болтать не хочется.

Но Уле-Александр тут же забыл о странном бабушкином голосе, потому что самолёт вдруг словно в яму провалился.

– Бабушка, мы уже падаем, – сказал Уле-Александр. Взял её за руку и сжал изо всех сил.

– Боюсь, да, – серьёзно ответила бабушка.

Но время шло, а ничего страшного не происходило.

Мимо прошла стюардесса.

– Мы падаем? – прямо спросил её Уле-Александр.

– Нет, конечно, – ответила она. – Самолёт вошёл в поток разреженного воздуха, не такого плотного, а тогда самолёт всегда

немножко проваливается. А потом он выбирается из этой ямы, мы их так называем, и снова летит ровно.

– Бабушка, мы не упали, – сообщил Уле-Александр.

– Да, представь себе, – сказала она.

Оказалось, стюардесса пришла не просто так. Она принесла бутерброды, кофе для бабушки и стакан молока для Уле-Александра.

– Бог мой, – восхитилась бабушка. – Мало того, что я парю между небом и землёй. Так меня здесь ещё и кофе угощают. Спасибо огромное!

Уле-Александр оказался очень голодный и уплетал завтрак за обе щеки. Вот ведь удовольствие – летать! Жевать жвачку, когда самолёт набирает высоту, скользить над облаками и любоваться сказочной красотой. В другой раз, когда погода нахмурится, Уле-Александр вспомнит об этих чудесах и не будет кукситься. Уле-Александр пил, ел и смотрел в окно.

И вдруг увидел, что облака прохудились, и в дырки видно горы далеко внизу.

– Бабушка, я вижу земной шар! – завопил Уле-Александр.

Бабушка так дёрнулась, что чуть кофе не опрокинула. Можно подумать, она никогда раньше не видела земного шара.

– Сказка! – выдохнула она. – Почти так же красиво, как облака.

Но Уле-Александр испуганно притих. Мотор звучал иначе, чем раньше. Неужели беда? А всё было так хорошо...

Вернулась стюардесса, забрала у них подносы, чашку и стакан и сказала:

– Застегните, пожалуйста, ремни. Самолёт садится.

– Господи! – прошептала бабушка. – Куда же мы будем садиться? По-моему, я видела под нами море.

Уле-Александр посмотрел в окно. Самолёт кружил, а под ними были огромные поля, разрезанные дорогами.

– Бабушка, жуй жвачку. Помнишь, что нам говорили?

Ему не пришлось говорить дважды. Бабушка выхватила из сумки пакетик, сунула в рот несколько жвачек и принялась жевать их

изо всех сил. Она жевала и ни на что не отвлекалась, а самолёт нарезал круг за кругом, приближаясь к земле. Они опускались всё ниже, и самолёт закладывал всё более крутые виражи. И вот они почти у самой земли, но опускаются ещё ниже, толчок и отскок, снова толчок и отскок, а потом толчок, и самолёт со свистом несётся вперёд по земле.

– Бабушка, мы сели. Можешь больше не жевать.

– Угу, – прошамкала бабушка, но жевать не перестала, видно, уже привыкла.

– Да, но мы летели не сюда, – потом сказала она стюардессе. – Нужный нам город стоит среди высоких гор, а здесь равнина.

– Вам придётся выйти здесь и пересесть на другой самолёт, – ответила стюардесса.

– Первый раз летаю, а столько приключений, – сказала бабушка. – И кто после этого скажет, что жить скучно?

Самолёт подрулил к большому зданию. И в нём тоже оказался внутри ресторан и зал ожидания.

– Сейчас мы пообедаем, – сказала бабушка, – чтобы у нас были силы для следующего полёта.

Они заказали сосиски, потому что и бабушка, и Уле-Александр их обожают. Сосиски оказались на редкость вкусные, так что оставим наших путешественников жевать их в своё удовольствие, а сами отдохнём до следующей главы.

ГОСПОДИН С ГАЗЕТОЙ

– **В**ообще-то я уже налеталась, мне довольно, – сказала бабушка после обеда. – Но на полпути не остановишься, так что летим дальше.

Но вдруг их пригласили сесть в автобус.

– Что такое? – удивилась бабушка. – Так мы всё-таки не полетим?

Автобус быстро ехал по полю. Аэродром был огромный, но автобус неуклонно приближался к морю.

– Куда нас везут? – совсем всполошилась бабушка. – Мы сейчас в море въедем!

Но автобус остановился у причала. И Уле-Александр увидел маленький гидроплан, серый и ржавый. Он качался на волнах и клевал носом. Чтобы войти в него, надо было пригнуться, но и внутри стоять в полный рост было невозможно. Они шустро нашли себе место и сели.

– Как-то здесь тесно, – сказала бабушка.

– Угу, – ответил Уле-Александр. Он был занят – смотрел по сторонам. Вон опять тот господин с газетой. Сел сразу за ними, как и в большом самолёте, и снова уткнулся в газету. Вы не поверите, но газету он опять держал вверх ногами! Наверно, это газета необычных новостей, подумал Уле-Александр. Присмотрелся к ней повнимательнее и очень удивился. В двух местах прямо посреди газеты зияли дырки. А когда Уле-Александр взглянул в них, ему показалось, что с той стороны на него глядят два глаза. Ничего себе! Уле-Александр ткнул бабушку в бок и шёпотом доложил ей обстановку. Пока бабушка поворачивала голову, глаза исчезли.

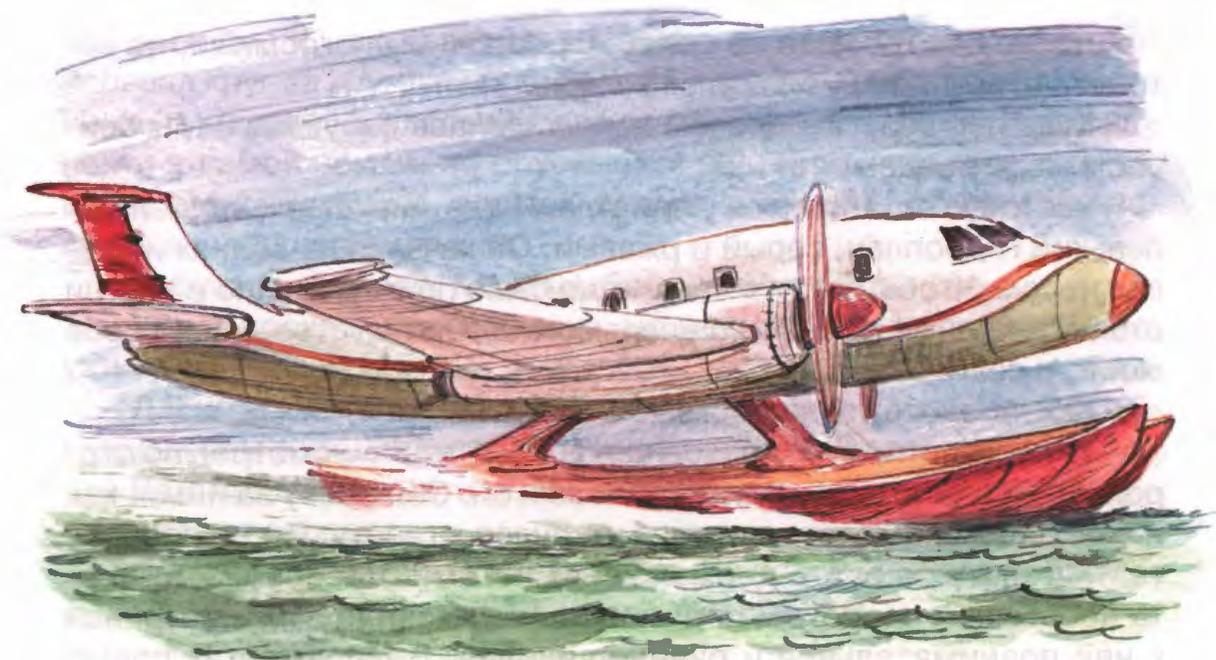
– Уле-Александр, не отвлекайся на пустяки. Смотри, сколько кругом интересного, сейчас что-нибудь пропустишь.

И правда. Дверь задраили, стюардессы тут не было, но рулевой сказал в громкоговоритель: «Застегните ремни!» И гидроплан рванул вперёд, разрезая воду и вздымая стены волн и брызг слева и справа.

– Гоняет, как водный скутер, – сказал Уле-Александр.

Тем временем бабушка успела оценить обстановку.

– В небо взлетать не будем, – сказала она, – но какая я молодец, что припрятала несколько жвачек. На, Уле-Александр, возьми. Пригодится на случай, если эта телега решит попрыгать по волнам.

– Он разгоняется, – заметил Уле-Александр. – Бабушка, смотри – кругом вода! Ого, мы всё-таки взлетаем!

– Жую, жую, – ответила бабушка.

В первом самолёте, в большом, они сидели выше крыльев, а здесь как будто бы ниже. Под ними синело море, такое прозрачное и чистое, что во многих местах видно было дно глубоко-глубоко внизу.

Они летели над холмами, скалами и утёсами. Там стояли дома, ходили люди и ездили машины, сверху они казались шустрыми муравьями.

– Им там внизу кажется странным, что мы летим тут, наверху. Да, бабушка? – спросил Уле-Александр.

– Да, – ответил господин с газетой.

Бабушка обернулась к нему.

– Я в состоянии ответить сама, – сказала она строго. – А мужчин, которые прячутся за газетой, чтобы на меня смотреть,

я не люблю. Так что извольте помолчать! – И бабушка гордо посмотрела на Уле-Александра.

Газета затряслась в руках этого господина, как будто бы он хохотал над бабушкой, но она не обратила на это ни малейшего внимания.

– Я уже радуюсь, что скоро мы будем в гостинице, – сказала она. – Наверняка там хорошо и уютно.

– Даже странно, что мы снова будем ходить там по земле, – сказал Уле-Александр бабушке. – А ещё странно, что мы с тобой просто сидим и разговариваем, а сами летим по воздуху.

– Очень странно, – поддакнул голос из-за газеты.

– Давай не обращать на него внимания, как будто мы не слышим, – сказала бабушка. Она зевнула. – Что-то я утомилась, прикорну на секундочку.

Уле-Александра тоже клонило в сон, но он решил не спать. Прижался носом к стеклу и смотрел на землю. Странно думать, что во всех этих домиках живут люди. Для них это самый обычный день, обычные дела. Но ещё более чудно лететь над горами.

Они тут всегда, а Уле-Александр узнал о них только сегодня.

Да, многого он ещё не знает, но подождите – вот он вырастет и объедет всю Норвегию! И заморские страны тоже, скорее всего.

Так он сидел и думал, но вдруг увидел много-много домов и высокую гору за ними. Наверняка сюда они и летят. Уле-Александр подёргал бабушку, она разлепила глаза и спросила:

– Дед, ты кофе хочешь?

– Бабушка, ты всё перепутала. Ты не дома, а в самолёте, – сказал Уле-Александр.

– Верно, – спохватилась бабушка. – А мне снился такой уютный сон, что я дома, с дедушкой. Надеюсь, кофе себе он сумеет сварить. Уле-Александр, мы прилетели. Смотри, смотри, дома. Ой, только бы самолёт в них не врезался! – снова перепугалась бабушка.

– Не бойся, всё наверняка обойдётся, – сказал Уле-Александр, чтобы успокоить бабушку, хотя у самого кошки на душе скребли. Самолёт кружил над городом.

– Лучше я закрою глаза, – сказала бабушка.

Но Уле-Александр решил не зажмуриваться. «Я должен следить, чтобы посадка прошла хорошо», – сказал он себе. В окно было видно море, потом крыши домов, потом снова море. А если они рухнут в воду? Как надо правильно плыть? Он вытянул вперёд руки и поплыл, делая вдох на каждый гребок. И вдруг случайно задел бабушку по носу.

– Мы врезались? – спросила она.

– Нет, я просто вспоминаю, как плавают, – объяснил Уле-Александр.

Самолёт с шумом сел на воду, подняв огромный фонтан брызг, и заскользил вперёд. Рулевой, видимо, отчаянно тормозил, потому что самолёт быстро снизил скорость, элегантно подрулил к причалу и остановился.

– О-ла-ла, – сказала бабушка. – Мы снова на земле и больше летать сегодня не будем. Скажи, здорово, да, Уле-Александр? Мы с тобой полетали аж на двух разных самолётах, простом и гидроплане. Запомни хорошенько, потому что нам надо будет написать обо всём дедушке.

– Не волнуйся, я ничего не забуду, – сказал Уле-Александр. – Жалко, бедный дедушка всего этого не видел.

– Я ему предлагала, – вздохнула бабушка. – Захотел бы, всё увидел.

– А вот не захотел, но увидел, – сказал господин с газетой.

– Хорошо, что мы уже прилетели, – громко произнесла бабушка. – В этом гидроплане даже поговорить спокойно не дают.

Они вышли и остановились: ноги как ватные, не слушаются. Странно тут всё на земле.

Ты ведь ещё не догадался, в какой город они прилетели? Я назову его только на последней странице, так что у тебя ещё много времени.

Их чемоданы доставили в специальный домик на причале, и тут бабушка прошептала Уле-Александрю:

– Смотри, теперь я буду важная дама, – а потом сказала громко: – Не будете ли вы так любезны заказать нам такси до гостиницы?

– Конечно, сейчас закажем, – ответили те, кто выдавали багаж.

Бабушка гордо огляделась вокруг, а Уле-Александр подмигнул ей и сказал:

– Ты была очень важная дама.

Бабушка продиктовала адрес, и таксист привёз их к дверям роскошной гостиницы. Бабушка и Уле-Александр потянулись было взять свои чемоданы, но об этом и речи не было: шофёр сам донёс чемоданы до входа, а там их подхватил человек в фуражке с блестящими буквами. Следом за ним Уле-Александр и бабушка вошли в огромный зал и остановились у длинной стойки.

Бабушка назвала себя, и ей выдали ключ. Тут же появился другой человек в фуражке и попросил оказать ему честь позволить проводить дорогих гостей в их номер.

– Будем рады вашей компании, – ответила бабушка, подмигнула Уле-Александру и прошептала: – Не тушуйся. Пусть думают, что мы к такому обращению привыкли.

Они поднялись на лифте и вышли в длинный-длинный коридор с красной дорожкой на полу и пронумерованными дверями по обеим сторонам.

– Сюда, пожалуйста, – сказал провожатый. – Комната двести три.

Бабушка и Уле-Александр чинно зашли вслед за ним в маленькую прихожую со шкафами слева и справа, а оттуда в большую комнату. В ней стояли две кровати, великолепный письменный стол, два кресла и ещё диван.

– Достаточно ли вам всего? – спросил провожатый и поклонился.

– Благодарю, – сказала бабушка. – Сейчас подумаю. Нет, вроде бы всё есть. Спасибо, что проводили нас. Весьма любезно с вашей стороны.

Мужчина ушёл, а бабушка провальсировала круг по комнате.

– Смотри, Уле-Александр, – конверты и писчая бумага с видом гостиницы. Сейчас я напишу письма всем знакомым, чтобы они знали: я путешествую и живу в гостинице.

– Здесь ещё ванная есть, – сказал Уле-Александр, открыв дверь сбоку.

– Правда? – восхитилась бабушка. – Я обожаю принимать ванну! А ну-ка, сейчас мы здесь создадим уют.

Она сняла с шеи шарф и постелила его на стол, получилась маленькая красивая скатерть. Потом вытащила из сумки фотографию дедушки и поставила её на ночной столик. Но не подумайте, что у неё не было с собой ещё и фотографии мамы, папы и Крохи. Её она поставила на второй ночной столик.

– Это наверняка звонок, – сказал Уле-Александр, рассматривая сонетку на стене.

– Можешь позвонить один раз, если очень хочешь, – разрешила бабушка.

Уле-Александр дёрнул за шнурок.

И почти сразу в дверях появилась женщина в белом фартучке.

– Чем могу помочь? – спросила она.

– Бутылку лимонада и два стакана, – ответила бабушка. – Если вас не затруднит.

– Нисколько, наша работа – помогать гостям, – ответила женщина.

– Ты прямо все слова знаешь, – похвалил Уле-Александр.

– Я заранее почитала, как живут в гостиницах, – ответила бабушка с достоинством.

Женщина тотчас вернулась с лимонадом и стаканами, но ещё она принесла букет цветов.

– Вам просили передать, – сказала она.

Бабушка не на шутку удивилась.

– Букет просили передать нам? – спросила она. – Вы уверены?

– Конечно, – кивнула женщина.

Едва она вышла за дверь, бабушка взяла в руки букет и прочитала на карточке: «В благодарность за приятное совместное путешествие. Господин с газетой».

– Я зря на него сердилась, – сказала бабушка, – видишь, он усоветился, что плохо себя вёл.

Цветы были очень красивые, бабушка поставила букет в центр стола. Потом они позвонили родителям Уле-Александра, потому что обещали сообщить им, как только доберутся до места. Уле-Александр сам с ними поговорил.

– Мне очень понравилось, – сказал он. – Бабушка всё время жевала жвачку, один раз мы подумали, что падаем, но это самолёт просто провалился в воздушную яму, а теперь мы живём в гостинице. Мы позвонили в звонок, и нам принесли лимонад и букет от господина с газетой. В гостинице бабушка ведёт себя как очень важная дама. Она просит, чтобы вы сразу же позвонили дедушке и передали привет.

Домашние Уле-Александра очень обрадовались, что он и бабушка долетели хорошо и всем довольны.

Но не успел Уле-Александр положить трубку, как телефон зазвонил снова.

– Простите за беспокойство, у нас для вас сообщение. Вам просили передать, что в половине восьмого вы приглашены на ужин, столик заказан в ресторане.

– О-о, – только и сказала бабушка. – Спасибо.

– Ничего не понимаю, – пожаловалась она Уле-Александру. – Видно, в гостиницах так заведено. Но времени уже семь с лишним, мне надо поторопиться, а то не успею привести себя в порядок.

Найти ресторан не составило никакого труда. У дверей их встретил мужчина в белом кителе и спросил:

– Добро пожаловать. Бабушка и Уле-Александр, если не ошибаюсь?

– Да, – кивнула бабушка. Она совсем растерялась – неужели они в гостиницах всё обо всех знают?

– Позвольте проводить вас к вашему столу, – сказал официант. Он уверенно шёл впереди, они семенили за ним. Наконец он остановился, показал на столик и сказал:

– Желаю приятного вечера!

За столиком уже сидел господин с газетой и прятал за ней лицо.

– Опять он! – испуганно вскрикнула бабушка, спряталась за официанта и вцепилась в его китель.

– Не уходите от нас, – попросила она. – Это скверный человек. Он сидел за нами в самолёте, он прислал нам цветы, он за нами следит. Я боюсь садиться с ним за стол.

Тогда господин неспешно отодвинул газету в сторону. Сначала они увидели белую бороду, а потом и всё лицо. Думаю, ты уже догадался, кто был этот господин? Да, ты прав – это, конечно, был дедушка.

– Добрый вечер. Прошу к моему столу, – сказал он.

– Дед, значит, ты тоже летал сегодня на двух самолётах – обычном и гидроплане? – на всякий случай уточнил Уле-Александр.

– Летал, – кивнул дедушка, – а теперь живу в этой гостинице.

– Вот здорово! – обрадовался Уле-Александр. – Значит, вместе повеселимся!

– Ещё как! – пообещал дедушка. – Но как я повеселился в полёте, так мне вряд ли ещё когда-нибудь удастся.

– А что тебя так развеселило? – хотела знать бабушка.

– Этого я не скажу. Приятного вам аппетита!

ПАРАД БОТИНОК

О, как сладко спалось Уле-Александру в гостинице. Так приятно было лежать в широкой кровати, он бы даже поперёк поместился. И она была мягкая-мягкая, а сколько подушек и подушечек к ней прилагалось! Дома Уле-Александр спал на ровном и жёстком, мама говорит, что это полезно для спины. Полезно-то оно полезно, но до чего уютно спать на мягкой перине! Можно откинуться назад и провалиться в подушки. Правда, Уле-Александр всего несколько раз так сделал, потому что был слишком сонный и быстро заснул. Ничего удивительного, что его клонило в сон – он летал сегодня на двух самолётах, а потом в ресторане его встречал родной дедушка! Надо же, какой он оказался хитрец и выдумщик: сел с ними в один самолёт, пристроился сзади, а сам прятался за газетой, и они его не узнали.

Утром Уле-Александр проснулся очень рано. Бабушка ещё спала, но Уле-Александру не терпелось поскорее встать. Он оделся, стараясь не шуметь, на цыпочках дошёл до двери и выскользнул в коридор. Приятно выбраться из номера. И в коридоре красиво, красная дорожка на полу. Но у всех-всех дверей стояли ботинки.

Так в гостиницах принято. Ты выставляешь свою обувь за дверь, рано-рано утром любезный человек её чистит, и ты забираешь

свои ботинки начищенными до блеска. Но выглядело всё это чудно. Словно ботинки и туфли вышли за дверь сами по себе. И теперь стоят, смотрят на красную дорожку и прикидывают, не прогуляться ли им по ней. Вот бы они правда умели ходить! То-то было бы смешно. Кстати, если поставить ботинки носками вперёд на дорожку, то они как будто пойдут.

И Уле-Александр немедленно взялся за дело. Сначала он ставил ботинки попарно напротив дверей, из которых они вышли. Но если ставить башмак за башмаком, то колонна обуви будет плотнее и длиннее. Уле-Александр как раз и хотел, чтобы колонна получилась как можно длиннее. Сказано – сделано. Под конец Уле-Александр лёг на живот и долго любовался обувной колонной.

– Вперёд – марш! – скомандовал он. Он почти закрыл глаза, только маленькая щёлочка оставалась. И когда так смотришь, то кажется, будто ботинки вправду вышли на парад.

– Стой – раз-два! – скомандовал он.

Он так увлёкся игрой, что не подумал, а не выйдет ли кто-нибудь сейчас в коридор. И тут приоткрылась дверь, высунулась рука и стала нашаривать ботинки. Но у двери их не было, потому что ботинки ушли маршировать. Уле-Александр замер и лежал не дыша. Что это он такое устроил? Большой мальчик, ходит в школу, живёт в гостинице – и на тебе... Дверь открыли пошире. Уле-Александр увидел пижаму в синюю полоску, поднял глаза выше – белая борода. Это дедушка!

От радости Уле-Александр чуть не завопил, но вовремя вспомнил, что многие спят, потому что ещё рано. И он прошептал тихо-тихо:

– Дедушка, привет.

Дед вышел в коридор.

– Это ты? Чем ты здесь занимаешься? Ты не видел мои ботинки? Я вечером выставил их в коридор, чтобы почистили, а теперь их нет.

– Тут они. Пошли на парад.

Дедушка широко улыбнулся:

– До чего зрелище потешное!

Он постоял ещё некоторое время, но вдруг сказал с испугом:

– Уле-Александр, а если сейчас кто-нибудь проснётся, станет искать ботинки, а их на месте нет? Ему может не понравиться, что ботинки ушли без спросу. Давай-ка скоренько расставим всё как было. Чур моя левая сторона коридора, а твоя – правая.

Дедушка принялся споро расставлять обувь, Уле-Александр старался не отставать. К счастью, ставил он их пара за парой, так что теперь легко было разобраться, из какой двери ботинки вышли. Он чуть не рассмеялся, так потешно выглядел дедушка: спит по коридору в пижаме и расставляет чужую обувь.

Уле-Александр оставалась последняя пара, когда он услышал, что кто-то поднимается по лестнице. Он спрятал руку с ботинками за спину и шепнул:

– Дед, кто-то идёт. Ты уже всё?

Дедушке не хотелось, чтобы его застигли в коридоре в пижаме, но скрыться в коридоре негде, а до своего номера уже не добежать. Оглядевшись, он увидел подставку для цветов с большим зелёным растением на верхнем ярусе. Растение росло в горшке.

Уле-Александр не успел и глазом моргнуть, как дедушка встал рядом с подставкой и водрузил себе на голову горшок с зелёным растением. Он стоял по стойке «смирно», а длинные листья свисали ему на лицо, закрывая его.

В коридор вошла женщина. Она прошла рядом с дедушкой, не заметив его, и остановилась перед своей дверью.

– Куда подевались мои туфли? – спросила она.

– Вот они, пожалуйста. – Уле-Александр бережно поставил туфли перед дамой и поклонился красиво, как только мог.

– Это ты навёл на них глянец? – спросила дама. – Молодец, вот тебе крона.

– Нет, не я, – замотал головой Уле-Александр.

– Не скромничай. Держи.

И Уле-Александр остался стоять в коридоре с кроной в руке. Дверь захлопнулась у него перед носом, да и не мог он ворваться в чужой номер без разрешения.

Мимо него рысцой пробежал дедушка. Он поставил горшок на место и торопился в свой номер, пока никто больше не вышел в коридор.

– Уле-Александр, догоняй. Зайди ко мне!

– Что мне делать с этой кроной? Я же не чистил её туфли, – растерянно спросил Уле-Александр.

– Я придумал, – сказал дедушка. – Мы положим монету в конверт и напишем на нём: «Спасибо тому, кто чистит нашу обувь по ночам». Так будет честно.

– Хорошо, что ты с нами поехал, – сказал Уле-Александр.

– Ещё бы, – кивнул дед. – Но теперь нам надо поторапливаться. Сегодня мы поедем на фуникулёре, который поднимается прямо на высокую гору. Пойдём посмотрим, встала ли бабушка.

Он постучали в номер бабушки и Уле-Александра, но никто не ответил.

– Видно, ещё спит, – сказал дед. – Придётся её будить.

Они вошли в комнату. Кровать была пуста. Но в ванной кто-то пел не хуже настоящей певицы: «Я лечу высоко над землёй...»

– Ванну принимает, – сказал дед.

– Так она же вечером купалась, – изумился Уле-Александр.

– У нас дома ванны нет, – объяснил дедушка, – а она обожает купаться, вот и наслаждается.

– Бабушка! – крикнул он. – Мы с Уле-Александром пошли вниз, завтракать. Догоняй!

– Догоню, догоню, догоню, – пропела бабушка из-за двери.

Посреди ресторана стоял длинный стол, весь уставленный едой. Сыры, джемы, колбасы, омлеты и много ещё каких-то съедобных вещей, которые Уле-Александр не знал даже как называются.

– Мы берём по тарелке, – объяснил дед, – и набираем на неё всё, что хотим.

Дедушка тут же сообразил, чего ему хочется, а Уле-Александр всё ходил вокруг стола с пустой тарелкой и ничего не мог выбрать.

– А ты ничего не хочешь? – спросил дед.

– Хочу. Но мне сперва надо узнать про всё, что здесь есть. Иначе трудно выбрать.

– Я тебя понимаю, – сказал дед. – Но ты можешь подходить и брать еду много раз.

Дедушка выбрал столик, и только они сели, как тут же подошёл официант и поставил на стол маслёнку и яйца.

– Чай или кофе? – спросил он дедушку.

– Кофе. Я пью его по утрам, чтобы проснуться.

Официант повернулся к Уле-Александру:

– Чай или кофе?

Уле-Александр смутился. Это официант у него спрашивает, чай или кофе? Что же делать?

– Кофе, – неожиданно для себя ответил Уле-Александр, повторяя за дедушкой.

– Хорошо, – кивнул официант и исчез.

Дедушка и бровью не повёл, он с любопытством наблюдал за гостиничным народом.

– Ты слышал? – спросил Уле-Александр.

– Не дрейфь, школяр. Тебе принесут к кофе большой стакан молока. Мы в него капнем кофе, ты и не заметишь. От одного раза вреда не будет.

Уле-Александр вздохнул с облегчением. Но до чего всё же странные порядки в этих гостиницах.

А вскоре пришла бабушка, она нежно пахла чистотой и душистым мылом. И они долго и вкусно завтракали.

– Хватит лениться, – сказал наконец дед. – Пора на прогулку. Не забудьте плащи и зонты.

– Там солнце и тепло, – ответила бабушка.

– Ты, видно, забыла, в каком ты городе, – улыбнулся дед.

Ну что, ты пока не догадался, где очутился Уле-Александр? Ничего страшного, время ещё есть.

Когда они вышли на улицу, бабушка стала дразнить деда:

– И кто заставил меня взять зонтик? Ты посмотри, какое солнце!

– Поживём – увидим, – ответил дед.

Гулять по этому городу оказалось одно удовольствие. В нём было много старых необычных домов и то и дело встречались узенькие проулки. Их ещё чуточку сузить, и Уле-Александр смог бы встать в распор.

– Пойдёмте уже на фуникулёр, – позвал дедушка. – По-моему, это главная достопримечательность города.

Уле-Александру что-то капнуло на голову. Странно, удивился он, погода хорошая, небо голубое. Уле-Александр задрал голову и увидел прямо над собой не небесную голубизну, а чёрную дождевую тучу, незнамо откуда взявшуюся. Пока он дивился на неё, ему за шиворот упали ещё две капли, и тут же полил сильный дождь. Уле-Александр мгновенно накинул плащ, а бабушка раскрыла зонт. Дед хмыкнул. Бабушка ничего не сказала, но вид у неё был очень озадаченный.

Улица полезла в горку, и они увидели аккуратный домик.

– Нам сюда, – сказал дед.

Фуникулёр «Флэйбанен», прочитал Уле-Александр. Они купили билеты в окошке, словно на обычную электричку, прошли вперёд и остановились у решётки. Теперь они были внутри горы.

Сперва было видно только рельсы, они уходили отвесно вверх. И вдруг оттуда сверху скатился вагончик!

– Ничего себе, так ездить! – присвистнул Уле-Александр. – Пассажиры наверняка все попадали и валяются на полу.

Но поезд, даром что скатился с почти отвесной горы, аккуратно подъехал к платформе и чинно остановился.

– Ну вот, – сказала бабушка, – посмотрели на эту диковину. Теперь можно и назад в гостиницу идти.

– Нам ещё прокатиться на диковине надо, – сказал дед. – Сама понимаешь, раз уж мы в этот город приехали, то не можем

вернуться домой, не прокатившись на фуникулере. Вперёд, дорогая!

Хотя поезд стоял на откосе, сидеть на скамейках было не труднее, чем обычно.

Уле-Александр стал рассматривать пассажиров. Люди как люди, по их лицам никогда не скажешь, что они собрались карабкаться в гору на поезде. Сидят, болтают как ни в чём не бывало.

Не то что бабушка: она от страха закрыла лицо руками.

Прозвенел звонок, и поезд поехал.

– Бабушка, тут ничего страшного нет, – уговаривал её Уле-Александр. – Мы ещё даже из туннеля не выехали.

– Ладно, попробую, – сказала бабушка и приоткрыла глаз.

Наконец поезд выбрался из туннеля, и Уле-Александр смог всё увидеть. Дед сказал правду: поезд забирался на отвесную гору. Но ещё страшнее было смотреть назад: позади них был обрыв. А если поезд не удержится и заскользит назад?

Тут поезд остановился, а дедушка сказал:

– Это нижняя станция.

Поезд немножко раскачивался, бабушка боялась и рук от лица не отнимала.

Вскоре мимо них проехал встречный поезд.

– Когда один поезд стартует вверх, второй идёт вниз, – объяснил дед. – Уле-Александр, так сильно можно не бояться. Эти стальные тросы абсолютно надёжные. Ты посмотри, какой они толщины.

– Угу, – промычал Уле-Александр. Сию секунду ему совсем не хотелось разговаривать. Он старался и не дышать даже, чтобы поезду легче было карабкаться в гору.

Под ними лежал город и синело море. Красота такая, что глаз не отвести.

– Бабушка, посмотри, какой вид, – позвал её дед. – Сказка!

– Я подожду, пока мы поднимемся на самый верх, – ответила бабушка из своего укрытия.

Вдоль путей вверх по склону один за одним тянулись дома.

– Представляешь, жить здесь. Неужели они каждый день ездят на этом поезде? – спросил Уле-Александр.

– Кто в городе работает, ездит, – ответил дед. – Но они к этому привыкли. Посмотри на них – никто не боится. Только у вас с бабушкой вид испуганный.

Когда поезд добрался наконец до вершины и остановился, бабушка опрометью выскочила из вагона.

Они действительно приехали на вершину горы, и вид отсюда был такой, что дух захватывало. Они всё осмотрели, погуляли, и бабушке тут тоже очень понравилось, но, когда пришло время ехать вниз, она сказала:

– Всё отлично, но ещё раз в этот поезд вы меня не заманите.

– Вот ещё, – фыркнул дедушка. – Бабушка, ты же у нас такая смелая! Ты на самолёте летала, по сравнению с ним фуникулёр – просто ерунда. Давай ты будешь молодчина, ладно?

– Ну хорошо, уговорил, – сказала бабушка. – Давайте тогда сразу спускаться, чтобы уже покончить с этим.

Бабушке, видимо, очень хотелось быть молодчиной, и по дороге вниз она даже ни разу не закрыла глаз.

– А я тоже привык так ездить, – гордо сказал Уле-Александр. – Дед, посмотри – у меня вид не испуганный?

– Ни капельки.

Когда вагончик остановился внизу у платформы, бабушка расцвела точно солнце. Она бодро шагала впереди всех и приговаривала:

– Хорошо, что у нас ещё одна ночь в гостинице. Я успею ванну принять.

Уле-Александр переглянулся с дедом, они ничего не возразили: им хотелось доставить бабушке удовольствие.

Бабушка вволю понежилась в ванне, а потом села писать открытки всем знакомым. Писала она одно и то же: «Я прилетела сюда на самолёте. Живу в этой гостинице. Привет, бабушка».

А Уле-Александр дописывал: «И от меня привет. Уле-Александр».

ВДАЛИ ОТ ДОМА И СНОВА ДОМА

Ты когда-нибудь жил в гостинице? Понравилось? Уле-Александр в гостинице очень понравилось. Вторую ночь в широкой мягкой кровати он проспал так же хорошо, как и первую. Но утром не рискнул снова идти играть с чужими ботинками. Уле-Александр валялся в кровати и смотрел по сторонам. На глаза ему попала сонетка на стене. Надо всё-таки её попробовать, подумал Уле-Александр.

Только надо придумать, что он хочет попросить.

Уле-Александр взглянул на бабушку. Она ещё спала, и Уле-Александра осенило – вот что её точно порадует, так это кофе в постель! А себе он заодно попросит стакан молока и булку. Отличный план!

Уле-Александр дёрнул шнур и стал ждать.

Вскоре раздался стук в дверь, Уле-Александр на цыпочках подошёл к ней и прошептал: «Доброе утро, заходите, пожалуйста». Вошла женщина в тёмном платье с белым передником. «Будьте так добры, принесите, пожалуйста, бабушке кофе, а мне молока. И ещё две булочки».

– Но тут Уле-Александр вспомнил про дедушку. Он ведь тоже любит пить кофе по утрам. «А вы можете принести кофе ещё и мужчине с белой бородой? – спросил Уле-Александр. – Он живёт вот тут», – сказал Уле-Александр и показал на нужную дверь.

– Хорошо, – кивнула женщина и исчезла. Неужели она успела запомнить, что Уле-Александр попросил? Наверняка просто подумала, что мал он ещё заказы делать.

Но оказалось, что ничего подобного: женщина всё отлично запомнила. И пяти минут не прошло, как она снова постучала в дверь. На этот раз Уле-Александр не вылез из-под одеяла, а крикнул «Войдите!» так громко, что бабушка аж подпрыгнула в кровати. Она уставилась на дверь с перекошенным от страха лицом, но, когда поняла, что происходит, улыбнулась и покачала головой:

«Ох уж этот дедушка. Чего он только не придумает, чтобы меня разбудить».

Когда та же женщина чуть позже принесла кофе деду, он тоже покачал головой: «Ох уж эта бабушка. Проснулась ни свет ни заря и мечтает меня разбудить. Но вам большое спасибо. Кофе в постель – это так уютно».

Уле-Александр с бабушкой спустились на завтрак. Подойдя к их столу, бабушка сделала реверанс и сказала деду:

– Спасибо за кофе.

А дед поклонился и сказал:

– Спасибо за кофе.

– Я его не заказывала, – ответила бабушка.

– И я не заказывал, – сказал дед.

– Это всё я! – очень-очень гордо сказал Уле-Александр.

Собираясь на прогулку, Уле-Александр прихватил с собой все свои деньги, чтобы купить всем подарки.

– Начнём прогулку с рыбного рынка, – сказал дед. – Там очень интересно.

И правда, там оказалось много людей, шумно и очень интересно. На пристани рядами стояли продавцы рыбы и громко кричали, расхваливая свой товар.

– Они так странно говорят, – удивился Уле-Александр. – Хотя вроде по-норвежски, я их понимаю.

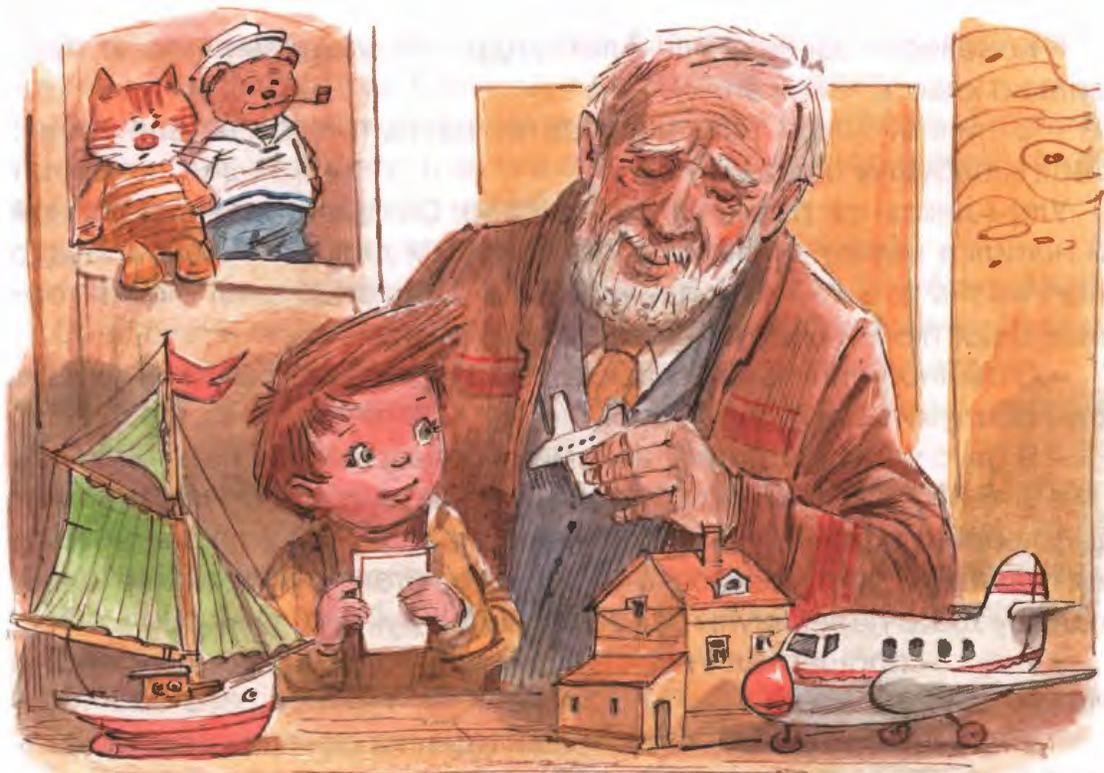
– В Норвегии все говорят немножко по-разному¹, – объяснил дед. – Но мы друг друга понимаем. Так даже веселее, чем когда все жители страны одинаково разговаривают.

– А в садке рыба живая плавает, – сказал Уле-Александр. – Я хочу купить одну маме в подарок.

– Она не доедет до дома, – покачал головой дед, – в поезде слишком жарко.

¹ В Норвегии три государственных языка и множество диалектов. По речи собеседника норвежец безошибочно определит, в какой части страны тот родился и вырос.

- Я могу везти её в ведре с водой. Пусть себе плавает.
- Лучше ты расскажешь маме об этом рынке и городе, тогда ей захочется сюда приехать. А тут она сама себе выберет рыбу, какую захочет. Договорились? Уле-Александр, а сколько у тебя денег?
- Точно больше двух крон.
- Мне кажется, лучше всего тебе купить красивые открытки с видами города и всем их подарить, – сказал дед.
- Я буду рассказывать и показывать, это ты здорово придумал, – оживился Уле-Александр.
- Смотри, в этом магазинчике много разных открыток. Пойдём посмотрим.
- Они все втроем вошли в магазин, и бабушка закричала с порога:
 - О, наш фуникулёр! Мне надо десять таких открыток!
 - Ещё бы, – рассмеялся дед. – Будешь всем рассказывать, что каталась на «Флэйбанен». То-то все будут восхищаться, какая ты смелая.
- Уле-Александр купил открытки для мамы, папы, тётушек, Иды, Оливера и Монса.
 - Но Крохе и Пуфу надо что-нибудь другое, открытки им вряд ли понравятся, – сказал он вслух.
- В магазине игрушек дед отыскал маленький самолётик.
 - Вот хороший подарок Крохе. Ты ей расскажешь, что летал на таком.
 - Но у меня тогда совсем денег не останется, а я ещё Пуфу ничего не купил.
 - Я предлагаю заглянуть на кухню в нашей гостинице, – сказал дед. – Наверняка у них есть косточка или мясные обрезки. Для Пуфа ничего лучше не придумать.
 - Я тоже хочу в гостиницу, – вступила в разговор бабушка. – Мне пора принять ванну.
 - А мне надо кое-что прочитать, – откликнулся дед. – Только не знаю, чем бы тебе заняться, Уле-Александр.
 - Я схожу на кухню и попрошу косточку или мясо.

На кухне кипели огромные котлы размером с бочонок. Уле-Александр долго топтался в дверях, не осмеливаясь войти. Но в конце концов его заметил главный повар и спросил, что Уле-Александр хочет.

Тот подробно перечислил все подарки, которые купил домой, и рассказал, что Пуф больше всего на свете любит мясо и косточки. Повар собрал для Пуфа большой красивый свёрток.

– Можно я тут у вас побуду? – спросил Уле-Александр. – Бабушка принимает ванну, дед читает важные бумаги, а мне скучно. Знаете, как хорошо я вытираю посуду? Вы сейчас её мыть не собираетесь?

– Сейчас не собираемся, – ответил главный повар, – потому что нам пора накрывать столы. Если хочешь, можешь нам помочь.

– Конечно, – закивал Уле-Александр. – Я давно выучил, как правильно класть нож и вилку.

– Отлично. Тогда тебе поручается накрыть стол на вас троих: тебя и бабушку с дедом.

Уле-Александр рьяно взялся за дело. Он брал тарелки по одной и носился между кухней и залом с таким деловым видом, будто всю жизнь только тем и занимался. А под конец снял с окна горшок с цветком и водрузил его в центр стола.

– Отлично, – похвалил главный повар. – Может быть, ты хочешь сам обслужить их?

– Я бы с удовольствием, но у меня белого кителя нет.

– Это не беда, – ответил главный повар и принёс Уле-Александру красивую белую тужурку. Рукава, правда, были очень длинные, но главный повар ловко закатал их, и всё стало отлично. Уле-Александру даже перекинули салфетку через руку.

– Идут, – прошептал Уле-Александр. – Только бы они не пошли на кухню меня искать.

– Это я сейчас улажу, – пообещал один из официантов. – Передам им от Уле-Александра, чтобы они садились, он сейчас придёт.

Бабушка с дедом очень удивились, но послушно сели за празднично накрытый стол.

– Приятно, что нам сегодня поставили цветы, – сказала бабушка. – Наверно, чтобы нам не так грустно было уезжать.

Тут появился Уле-Александр. Пошатываясь, он тащил супницу. Бабушка смотрела на него круглыми глазами.

– Ой, – только и выдохнула она.

Зато дед держался как ни в чём не бывало.

– Благодарю вас. Поставьте, пожалуйста, вот сюда, мы сами разольём. А вы не будете обедать с нами?

– На работе не ем, – ответил Уле-Александр и опрометью бросился на кухню. Потом он подал им фрикадельки с фасолью и картофелем и яблочный мусс на десерт.

От вида и запаха вкусной еды Уле-Александр так проголодался, что еле дождался, пока бабушка с дедом всё съедят.

Потом его позвали на кухню и накормили до отвала. Главный повар сказал, что платить за его обед бабушке не придётся, потому что Уле-Александр его честно заработал.

– Что желаете на десерт? – спросил главный повар.

– Я бы хотел мороженое, если можно, – ответил Уле-Александр.

Съев очень вкусное мороженое, Уле-Александр вежливо сказал всем спасибо, взял подарок для Пуфа и пошёл к бабушке.

Остаток дня пролетел очень быстро, но вот пришло время уезжать.

Бабушка на прощание долго-долго оглядывала их уютную комнату.

– Спасибо этому дому, – сказала она наконец. – Мне здесь хорошо жилось. Очень бы хотелось забрать с собой ванну, да нельзя. А жаль.

Они не спеша дошли до вокзала и отыскивали свой поезд. После роскошных просторных номеров было очень странно очутиться всем троём в маленькой комнатке. Спать им предстояло в койках, подвешенных одна над другой.

– Чур я на самый верх, – сказал Уле-Александр.

– Смотри не сверзнься оттуда, – сказал дед.

– Нет, я буду тихо лежать. К тому же сбоку заборчик и есть лестница, чтобы залезать.

– Тогда я лягу на средней, а бабушку пустим вниз, – кивнул дед.

– Смотрите, у каждого своя маленькая лампочка, – восхитилась бабушка. – Мы ведь рано уляжемся. Так можно будет почитать в постели.

Бабушка всем восхищалась и всему радовалась, поэтому путешествовать с ней вместе было сплошное удовольствие.

Но Уле-Александр читал недолго. Поезд поехал, и Уле-Александра стало качать, глаза слипались, очень хотелось спать. Напоследок он успел подумать, что утром он проснётся дома, у мамы

с папой, и очень обрадовался. Он насытился путешествием, теперь ему долго-долго не захочется никуда из дома уезжать.

Он проснулся оттого, что поезд стоял и не ехал. Похоже, Уле-Александр спал очень долго. Может, они уже в Осло на вокзале и проспали всё на свете? Но дед опустил гардину, и в окно ничего нельзя было посмотреть.

Надо, наверно, слезть вниз и выйти в коридор, там тоже окна.

Бабушка безмятежно спала, а дед художественно храпел, просто рулады выводил: хэхэ-хра-хру-хэ.

Уле-Александр на цыпочках вышел в коридор, бесшумно закрыл за собой дверь и встал у окна.

Оказалось, города нет и в помине – поезд стоит посреди горного плато, светит луна, ни души и тишина.

Уле-Александр обрадовался, что проснулся – а то бы он всего этого не увидел. Поезд постоял, а потом поехал дальше, а Уле-Александр так и смотрел в окно. А потом перешёл к следующему и ещё дальше. Удивительное дело – ехать ночью. В горах тихо-тихо, и вдруг: чух-чух, чух-чух – едет поезд, шумит, всех будит. А когда поезд проедет, тишина делается ещё глуше. Странно, наверно, на одной из этих гор жить. Уле-Александр глядел в окно, пока ноги совсем не замёрзли. А тогда пошёл к себе в купе. Но вот вопрос – какая из дверей его?

Выходя, он забыл посмотреть номер купе. Уле-Александр стал вспоминать, сколько окон он прошёл, но он перебежал от одного к другому и возвращался. Нет, не вспомнить. Остаётся одно – выбрать дверь и открыть её. Уле-Александр осторожно приоткрыл дверь. Свет из коридора высветил лицо на нижней койке. Но это была не бабушка, а чужой мужчина. И он не спал, а просто лежал и теперь мрачно уставился на Уле-Александра.

Не теряя ни секунды Уле-Александр рывком задвинул дверь. И взялся за ручку соседнего купе. Здесь внизу спала пугливая дама. Увидев Уле-Александра, она тоненько закричала.

– Фу, – скривился Уле-Александр. – Ты не бабушка.

Он снова закрыл дверь, но пробовать дальше уже не решался. Вместо этого он стал вслушиваться в звуки за закрытыми дверями и услышал наконец знакомые рулады: хэхэ-хра-хру-хэ.

Это дед! Никто в мире не храпит так музыкально, как он. Уле-Александр открыл дверь – и точно: внизу безмятежно спала бабушка, на средней полке выводил рулады дед.

Уле-Александр забрался к себе наверх и тут же уснул, а когда проснулся, дед стоял на полу перед странным умывальным шкафом, который надо вытягивать из стены.

– Дед, привет. Мы уже приехали?

– Почти. Я сейчас быстро оденусь и тебе место уступлю, а то вдвоём тут не поместиться.

– Как я рад! Вот так! – сказал Уле-Александр и встал на голову на своей полке.

Папа встретил их на автомобиле и повёз домой, к маме – завтракать.

Она очень обрадовалась, что сын вернулся. Всё-таки ей не по душе была затея, что сынок парит в облаках, а она на земле и не знает, как он там и всё ли с ним хорошо. И открытки им с папой очень понравились.

Кроха получила свой самолётик, а Уле-Александр сказал:

– Это самолёт. Я на таком летал.

– Улесансааёт, – сказала Кроха и с тех пор называла так все самолёты.

И Пуфу его подарок тоже пришёлся по вкусу.

Но Уле-Александру пора было бежать в школу.

Ида, Монс и Оливер ждали его у дома. Уле-Александр подарил им открытки, а Монс спросил:

– Ты видел, как мы махали? Мы самолёт не увидели, только звук слышали. Зато у меня рука до сих пор болит, так я шваброй махал, она тяжёлая оказалась.

– Мы вас не видели, но и мне, и бабушке было очень приятно думать, что вы нам машете.

– Уле-Александр, тебе понравилось летать? – спросила Ида.

– Очень понравилось, – ответил Уле-Александр, но что он ещё хотел рассказать, никак не вспоминалось. К счастью, дорога в школу шла через парк, и там Уле-Александр увидел две длинные скамейки.

– О! – сказал он. – Если их поставить поперёк, получится самолёт – одна будет крылья, а другая салон, где сидят. Я буду пилот, потому что я видел, как он рулит самолётом. Ида, а ты будешь стюардесса, потому что это большой самолёт. Только жвачка нам нужна.

– Я сбегая куплю, – сказала Ида с энтузиазмом. – Деньги у кого-нибудь есть?

– У меня есть, – ответил Монс. – И я быстро бегаю, давай я сгоняю.

– Ты очень медленно говоришь, – сказала Ида, – ты в магазине будешь полчаса объясняться.

– Это правда, – согласился Монс.

Ида помчалась в магазин, косички стлались по ветру. Она очень быстро вернулась с жвачкой.

Уле-Александр подсказывал ей шёпотом, что делать.

Ида-стюардесса балансировала на скамейке и говорила:

– Застегните ремни! Вот жвачка, её хорошо жевать во время взлёта.

– Высота полёта уже сто метров! – закричал Уле-Александр. – Мы поднимаемся выше. Не пугайтесь, если нас будет качать. Это значит, что мы попали в воздушную яму.

– Мы летим! Теперь я знаю, как летают! – радостно вопила Ида.

– У меня живот свело, – жалобно сказал Оливер.

– Смотрите вниз, смотрите, какие под нами красивые облака! Это в полёте самое прекрасное – смотреть на облака!

В тот день они бы наверняка опоздали в школу, если бы тётя Петра не собралась в парк. Она хотела здесь порисовать, но тут на глаза ей попались самолёт, пилот, стюардесса и два пассажира.

– Вы ещё не в школе? – спросила тётя Петра. – Ну и ну.

– Мы идём на посадку, – объяснил Уле-Александр. – Мы кружим над аэродромом и опускаемся всё ниже. И вот мы почти у самой земли, но опускаемся ещё ниже, толчок и отскок, снова толчок и отскок, а потом толчок – и самолёт со свистом несётся вперёд по земле.

– А теперь прицепляйте крылья и машите ими изо всех сил, а то точно в школу опоздаете, – сказала тётя Петра.

И они полетели в школу. Они так неслись, что едва касались земли, и прибежали в класс одновременно с учительницей.

– Вы сегодня припозднились что-то, – сказала она.

– Мы летали, – объяснил Монс. – Уле-Александр взаправду, а мы понарошку.

– Раз вы все налетались, то быстренько садитесь, – сказала учительница. – Уле-Александр, где ты был?

Ну что, ты уже и сам догадался?

– Я летал в Берген, – ответил Уле-Александр и вдруг вспомнил всё, что собирался рассказать. И весь урок он рассказывал о путешествии, а потом они все летали: парты стали самолётами, а учительница летала на своём столе.

Так что в этой книжке в полёт отправились не только Уле-Александр с бабушкой, но и все ребята, кому довелось выслушать рассказ об их путешествии. А теперь и ты о нём знаешь и, наверно, тоже рванёшь в небо, чтобы полюбоваться сверху на облака.

СОДЕРЖАНИЕ

РУБАШКА УЛЕ-АЛЕКСАНДРА

Рубашка	7
Визит врача	16
Рентген	25
Детское отделение	34
Снова дома	43
Больничная скороговорка	52
Кто первый оденется?	53
Эти бедняги, большие мальчики	62
Летняя стрижка	73
Воскресная прогулка	82

ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ УЛЕ-АЛЕКСАНДРА

Плохой мальчик	95
Оливер	103
В первый класс	112
Все люди разные	121
Бабушка	128
Полёт	139
Господин с газетой	146
Парад ботинок	155
Вдали от дома и снова дома	164

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

ВЕСТЛИ Анне-Катрине
УЛЕ-АЛЕКСАНДР ИДЁТ В ШКОЛУ

Повести

Ответственный редактор *А. Ю. Бирюкова*
Художественный редактор *Ю. В. Разумеева*
Технический редактор *К. А. Путилова*
Корректоры *Т. С. Дмитриева, Т. И. Филиппова*
Компьютерная вёрстка *Н. А. Козель*

Подписано в печать 15.01.2021. Формат 84×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Pragmatica».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17, 16.
Доп. тираж 4000 экз. D-VES-26794-02-R. Заказ № 116.
Дата изготовления 15.02.2021.
Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Machaon
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».

Книги знаменитой норвежской писательницы Анне-Кат. Вестли знают и любят во всем мире. Она написала много веселых, добрых книг для детей, но особенным успехом в нашей стране пользуются её истории про папу, маму, бабушку, Восемь детей и грузовик. Именно в них появляется Уле-Александр – одноклассник Магса, с которым они вместе пасли корову Розу и замечательно проводили время.

В книге «УЛЕ-АЛЕКСАНДР ИДЁТ В ШКОЛУ»
Вы прочитаете много новых историй о том,
как он вместе со своими грузьями пошёл в первый класс,
и познакомитесь с его младшей сестрёнкой.

ЕАС

* Ранее эта книга выходила под названием «Первый полёт Уле-Александра».